

A close-up, profile photograph of a middle-aged man with graying hair, wearing a dark suit, white shirt, and striped tie. He is looking to the right and has a thin, dark object, possibly a pen or a cigarette, in his mouth. His right hand is raised near his chin. The background is a plain, light-colored wall.

А. Лукьянов

**ПЕРЕВОРОТ МНИМЫЙ
И НАСТОЯЩИЙ**

А. ЛУКЬЯНОВ

ПЕРЕВОРОТ

МНИМЫЙ И НАСТОЯЩИЙ

*(ответы на вопросы,
пришедшие в «Матросскую тишину»)*

Москва
Независимое издательство
«Манускрипт»
1993

ISBN5—860040—017—9

© А Лукьянов, 1993

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

В «Матросскую тишину» из Волгограда пришло письмо на мое имя. Пишет пенсионерка — участница войны. Письмо раздраженное, требовательное: «Прочитала ваше интервью в «Комсомольской правде». Оно какое-то общее, обрывочное. Нельзя понять, как за три дня августовского путча можно было перевернуть вверх дном всю страну, потащить ее назад от социализма к капитализму. Вас поливают грязью, обвиняют бог весть в чем. А Вы молчите. Вы же их знали всех: и Горбачева, и Крючкова, и Ельцина. Что было на самом деле? Кто виноват в бедствиях людей, в бесконечных очередях, в горластых спекулянтах, в лишении нас, стариков, последних сбережений, в развале Союза и в слезах беженцев? Вам нельзя молчать. Скажите всю правду!»

Выстраданное, гневное письмо. Может быть, оно, в конце концов, и заставило меня взяться за перо, отобрать самые острые вопросы, связанные с августовскими и послеавгустовскими событиями, на которые уже пришлось отвечать в «Независимой газете» и «Правде», «Московских новостях» и «Советской России», в «Аргументах и фактах», в ряде других газет. Приходило немало вопросов от иностранных корреспондентов — из Италии, Франции, США, Греции, Голландии, Норвегии, Ливана. Наконец, почти ежедневно сюда, в «Матросскую тишину», идут письма со всех концов страны. Во многих из них вопросы, на которые нельзя не ответить.

Да, я действительно молчу на следствии, считая себя невиновным и отказываясь от любых контактов с прокуратурой и ее хозяевами. Но ведь есть множество проблем, которые не затрагивают 140-томного «дела ГКЧП», не требуют ссылок на свидетельские показания, хотя они и стали, вопреки закону, широко публиковаться, причем прежде всего самой прокуратурой. Ведь это из ее рук утекли записи первых допросов, опубликованные сначала германским журналом «Шпигель», а потом уже в нашей печати. Монопольное право на издание так называемой «публицистической версии следствия», а по сути дела, на оглашение показаний обвиняемых и свидетелей, получил «Огонек». Книга «Кремлевский заговор», написанная прокурорами, уже вышла и широко рекламируется. Вслед за ней для иностранных читателей вышел сборник «Путч» с предисловием Президента России.

Ответить на все поступающие вопросы не так-то просто. Каждый мой ответ процеживается через сито «демократической» прессы, а тиражи действительно независимых газет ничтожно малы. Поэтому и пришлось сгруппировать наиболее типичные из пришедших ко мне вопросов, ответы на которые давались в моих интервью и в переписке с читателями. Получилась небольшая книга о том, что я знаю, о чем раздумывал длинными тюремными ночами, о чем я просто не могу не рассказать.

Женщина-ветеран из Волгограда справедливо требует такого рассказа. Мне, действительно, нельзя молчать.

**I. АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС:
ИСТОКИ,
ВЫМЫСЛЫ,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

1. ИЗВИНИТЕ, МОЖЕТ, ЭТО НЕ ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ ВОПРОС, НО ВОТ ВЫ, ПОСИДЕВ В ТЮРЬМЕ БОЛЬШЕ ГОДА, МОЖЕТЕ ТЕПЕРЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В АВГУСТЕ, ПЕРЕВОРОТ ЭТО БЫЛ ИЛИ НЕЧТО ДРУГОЕ И ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС С НАШЕЙ НЕСЧАСТНОЙ СТРАНОЙ? ТОЛЬКО ЧЕСТНО, КАК НА ДУХУ, ОТВЕЬТЕ.

Скажу прямо: много раз я задавал себе точно такой же вопрос, размышлял над ним не один день. Так вот они, эти размышления, дают мне основание сказать, что Август 91-го был лишь эпизодом, важным, существенным, но все же эпизодом в общей канве тех событий, которые развернулись в нашей стране в конце 80-х годов. Только в этом контексте и может быть правильно найдено подлинное место того, что произошло в августе 1991 года.

Начался этот процесс, на мой взгляд, еще за два с лишним года до столь разрекламированного апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, когда Ю. Андропов пришел к выводу о необходимости разработать программу перестройки управления промышленностью, а затем и всем народным хозяйством. Тогда к этой работе (а она проходила у меня на глазах) были привлечены М. Горбачев, Н. Рыжков, В. Долгих, ряд видных представителей науки, производства. Это только потом усилия, предпринимаемые в этом направлении, получают звонкое название

«перестройки», потом будет заявлено, что «перестраиваться» должно все общество, каждый коллектив и каждый человек.

Важно здесь другое — с самого начала, и в 1985 году, и три года спустя, это задача означала радикальный сдвиг не за пределами социалистической общественной системы, а в ее рамках. Только так и никак иначе. «Конечная цель перестройки, — заявлял тогда Горбачев, — думается, ясна — глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном». В расшифровке этой цели присутствовали и самоуправление народа, и использование рыночных отношений в интересах социализма, и избавление от искажений социалистической морали. Я вовсе не сгущаю краски. Это помнит каждый.

Правилен ли в принципе был такой курс? Да, правилен, поскольку производственные отношения, сложившиеся в нашем обществе, жесткий централизм управления экономикой, застывшие формы государственной и общественной жизни — все это сковывало развитие производительных сил страны. А торможение его грозило взрывом, поощряло и поддерживало те силы, которые вообще считали, что социализм ни к чему хорошему привести не может.

Под натиском этих сил выдвинутая Коммунистической партией идея о социалистическом характере преобразований, начинает постепенно размываться. Все глуше и невнятнее говорит о ней генеральный секретарь ЦК КПСС. Все более властно и угрожающе звучат призывы

радикальных «демократов» идти дальше — покончить с «изжившим себя социализмом», объявить главным приоритетом частную собственность и частное предпринимательство, создать в стране парламентскую и муниципальную системы западного образца, вытравить из сознания народа коллективистскую идеологию и, в целом, «вернуться на дорогу мировой цивилизации».

Правда, и сейчас сторонники этих идей стесняются назвать вещи своими именами, но словечко «вернуться» их все же выдает. Ведь, если говорить честно и открыто, то придется признать, что речь идет по существу о реставрации капитализма. Именно о реставрации, возвращении к тому примитивному капитализму, который присущ периоду первоначального накопления капитала и через который перепрыгнуть никак нельзя. Хотя капитализм в сегодняшнем его виде в условиях постиндустриального общества, действительно, не очень-то похож на тот, каким он был в начале века, но построить нечто промежуточное (не социализм и не капитализм) еще не удавалось никому.

Добавим, что нарастание прокапиталистических, антисоветских, антисоциалистических устремлений происходило у нас в условиях многонационального государства. В республиках их легко можно было одеть в национальные одежды и, раздувая пожар национализма, сепаратизма и прочих инстинктов, лежащих не в коре, а скорее в подкорке головного мозга, создать мощные центробежные движения, направленные на развал советской федерации, того Союза, который идеологами капитализации именовался не иначе, как «империя зла», «тюрьма народов», «загон для послушного скота».

К началу 1991 года борьба между этими двумя тенденциями, поляризация партий, общественных движений, значительных групп населения достигла предельного накала. Нажим сторонников капитализации общества, именовавших себя демократами и поборниками различных народных фронтов, нарастал с каждым днем. Перед лицом слабо организованной, отвыкшей от серьезной политической борьбы и разрушаемой реформизмом своих лидеров Коммунистической партии сколачивался разнородный, но мощный блок общественных сил, которых объединило одно — неприятие социализма и коммунистов. Под давлением этого блока, спекулировавшего на реальном недовольстве населения и густо сдобренного национализмом, началось постепенное, а затем все более быстрое отступление сторонников социализма и Советской власти, защитников единства Советской федерации, людей, приверженных тому конституционному строю, который существовал в нашей стране.

Пик этой конфронтации пришелся на конец лета — начало осени 1991 года, и нужен был только повод, только хлопок стартового пистолета, чтобы праворадикальные силы, именующие себя демократами, воспользовались этим и ринулись в бой. Таким поводом и стали события 19—21 августа.

Как известно, в те дни, пытаясь спасти социалистическую ориентацию общества, защитить Конституцию СССР, сохранить Советский Союз от развала и остановить скатывание страны в еще более глубокий кризис, наиболее близкие сподвижники союзного президента, собравшись на одном из загородных объектов КГБ, обсудили сложившуюся ситуацию в связи с намечавшимся на 20 августа подписанием Союзного — а факти-

чески конфедеративного — договора, решили направить к президенту делегацию. Приехав в Крым, эти товарищи (Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников) предложили Горбачеву немедленно ввести в отдельных местностях страны чрезвычайное положение, о котором до этого уже не раз велась речь. Каким был разговор с президентом во второй половине дня 18 августа, мне трудно сказать определенно. Горбачев утверждает, что, в случае отказа от чрезвычайных мер, ему предлагалось уйти в отставку. Те же, кто был у него тогда, категорически это отрицают, заявляя, что разговор носил товарищеский, доверительный характер и Горбачев, прощаясь, пожал каждому руку. Но так или иначе предложение о чрезвычайных мерах президентом принято не было. Однако, отвергнув его, президент и пальцем не пошевелил, чтобы удержать тех, кто выступал за введение чрезвычайного положения. Оставшись на своей Форосской даче, он своим бездействием в какой-то мере лишь стимулировал введение этих чрезвычайных мер.

Так начались три августовских дня, связанные с созданием не предусмотренного Конституцией СССР Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), с ничего не дающим стоянием танков в Москве, объявлением здесь комендантского часа и с заявлением о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях страны, которое, кроме Москвы, так больше нигде и не было введено. ГКЧП провел три заседания, принял четыре возбуждающих общественно, но так и не выполненных документа, а затем был распущен указом вице-президента страны. Утром 21 августа войска из столицы выводятся, особые меры отменяются, а возвра-

тившийся затем в Кремль Президент СССР санкционирует арест членов ГКЧП.

Странный «переворот», не правда ли?

Ну, на самом деле, можно ли считать «заговором» акцию, организаторы которой заранее ставят о ней в известность Президента, а тот не предпринимает ни одного шага, чтобы ей воспрепятствовать?

Возможен ли «государственный переворот» при сохранении всех существующих высших и местных органов власти, управления, правосудия и при оставлении за ними всех их полномочий?

Наконец, что это за «мятеж», который направлен на защиту, а не на свержение конституционного строя, на укрепление законной власти, на сохранение целостности государства? Знает ли современная история еще один такой «мятеж»? Боюсь, что нет.

Но все дело в том, что это была только увертюра, первые аккорды той трагической оперы, которая последовала за 21 августа. Не обращая никакого внимания на действующую Конституцию и законы СССР, под предлогом якобы имевшей место поддержки коммунистами «путчистских заговорщиков» указами Президента России запрещаются КПСС, КП РСФСР и их органы, конфискуется их собственность, закрываются многие газеты, распускаются союзный Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, и в довершение всего, 8 декабря 1991 г., главы трех республик, встретившись в Беловежской пуще, ликвидируют и само союзное государство, и должность союзного президента. Тут уж нет и тени заботы о законности. Переворот, как переворот! «Когда мятеж кончается удачей, тогда он называется иначе». Он звонко именуется «победой демократических сил», отмечается манифестациями и фейерверками.

Такова горькая реальность подлинного не августовского, а именно августовско-декабрьского переворота, связанного с переводом страны на рельсы капитализма. И чем дальше мы будем катиться по этим рельсам, тем более отчетливо будет понимать все это общество, каждая семья, каждый нормально мыслящий человек.

Теперь, прочитав более 35 тыс. страниц уголовного дела об августовских событиях, я с еще большей убежденностью могу подтвердить, что это был не «государственный переворот», не «заговор», а отчаянная попытка спасти закрепленный Конституцией СССР общественный строй. Это был не уместяющийся в рамки закона ответ на другой исподволь готовившийся действительный и грозный переворот, состоящий в переводе страны в капиталистическое русло и разрушении Советской федерации, многие десятилетия объединявшей народы Советского Союза.

Хочу подчеркнуть особо. Не свертывание реформ, не возвращение к тоталитаризму, не огосударствление всего и вся. Нет, речи об этом не шло, хотя именно так пытаются изобразить «зловещие планы путчистов» многие теле-радио и газетные оракулы. Спасти социалистическую ориентацию развития общества, сохранить Союз, не допустить скатывание страны в пучину еще более глубокого кризиса — вот что вытекает из документов ГКЧП, когда их читаешь спокойно и непредвзято.

И отрадно, что наконец даже кое-кто из лидеров «демократов» стал признавать теперь, что «организаторы путча — это люди идеи», что «они думали об интересах страны в своем коммунистическом понимании», а не преследовали какие-то корыстные интересы или цели захвата

власти. Ведь практически все рычаги этой власти были у них в руках, захватывать ее было незачем. Они стремились защитить ту власть, которая была закреплена в Конституции СССР. В этой ситуации кричать, что «путчисты» нарушили Конституцию и законы (а такие нарушения имели место), и в то же время помалкивать о том, как в результате подлинного переворота эта Конституция вообще была разорвана в клочья, был разрушен основанный на ней конституционный строй, по-моему, просто смехотворно, а точнее, кощунственно.

Вот, что я могу ответить, «как на духу», на очень непростой вопрос, поставленный мне. Хотя, скажу откровенно, четкое понимание существа этой трагедии нашего великого государства пришло ко мне не сразу. Но пришло, и я в нем твердо уверен.

2. ВСЕ МЫ ЗНАЕМ ТЕПЕРЬ, ЧТО ПУТЧ — ЭТО ВЫДУМКА, ПРОВОКАЦИЯ, ЧТО НЕ МОГУТ ВЕРХОВНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ СТРАНЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПАРТИИ БОРЬТЬСЯ ЗА ЗАХВАТ ВЛАСТИ, КОТОРАЯ (В ТОМ ЧИСЛЕ И У ВАС) БЫЛА В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ. НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ ВСЕ-ТАКИ, ЧТО ЭТОТ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ПУТЧ» БЫЛ ВОООБЩЕ КЕМ-ТО ЗАРАНЕЕ СПЛАНИРОВАН ВНУТРИ СТРАНЫ И ЗА РУБЕЖОМ, ЧТОБЫ ПОТОМ ВСЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВАЛИТЬ НА КПСС, НА НАС, РЯДОВЫХ КОММУНИСТОВ, МЕШАВШИХ И МЕШАЮЩИХ НОВЫМ ХОЗЯЕВАМ СТРАНЫ КАПИТАЛИЗИРОВАТЬ СССР?

У нас откровенный разговор, и я вынужден сказать, что и сам до сих пор не могу избавиться от этого впечатления.

В то время мы не раз говорили с союзным президентом об угрозе, которая нависла над

страной, об активизации действий оппозиции, всякого рода экстремистских элементов. 3 августа 1991 года, всего за две недели до так называемого «путча» Горбачев на заседании Кабинета Министров констатировал «наличие в стране чрезвычайной ситуации и необходимости чрезвычайных мер». Причем, как он подчеркивал, «народ поймет это!»

19 августа премьер-министр СССР сообщает своему первому заместителю, что по сведениям, полученным им от руководства госбезопасности, в стране готовится вооруженный «демократический» переворот, что по оперативным данным в районе гостиницы «Украина», по улицам Москвы, вокруг Кремля уже скапливаются боевики, перехвачены четыре списка высших должностных лиц государства, подлежащих уничтожению, и поэтому нужно немедленно вводить чрезвычайное положение. Это не мистификация — это выдержка из выступления на сессии Верховного Совета СССР Первого заместителя Председателя Кабинета Министров СССР В. Щербакова. Мог ли о подобной тревожной информации ничего не знать союзный президент? Думаю, что нет. Но в то же время нельзя было не учитывать, что и сама эта информация могла быть сфабрикована и подброшена службам безопасности, которые, как говорится, проглотили ее и «сообщили по инстанции». Газета «Аргументы и факты» (3 января 1992 г.) выдвинула даже версию, что сценарий «путча» был разработан одним из находящихся на свободе сподвижников Горбачева и затем «подброшен Крючкову и компании». Я еще тогда ответил газете, что не люблю оценивать обстановку по сплетням.

Единственно, что следует отметить: уж очень

много было тогда разных сил, заинтересованных в том, чтобы разгорелся пусть хоть маленький, хоть не очень кровавый, но путч.

Заинтересованы были «демократы», чтобы немедленно открыть огонь по коммунистическим штабам. «Столкновение было неизбежным. Это понимали и демократы, и консерваторы» — пишет Г. Попов. Недаром у него «задолго до путча» было множество вариантов, сценариев и контрсценариев. «ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать», — радостно потирает руки этот лидер демократов. (См. «Известия», 21 августа 1992 г.). Недаром заранее отработанный план противодействия «путчистам» под кодовым названием «План Икс» уже лежал в сейфе Белого дома у генерала К. Кобеца. В нем было, в частности, заранее определено, «какое предприятие, что должно выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.» (см. «Московский комсомолец», 31 августа 1991 г.).

Немалая заинтересованность в «коммунистическом путче» была и у разного рода движений, в том числе у «Движения демократических реформ». Прогнозы их лидеров, многочисленные заявления «об угрозе справа», демонстративный выход из КПСС — все это нужно было хоть как-то оправдать. Иначе о чем тогда шум? К чему крикливая пропагандистская кампания о том, что консерваторы перетянули Президента на свою сторону?

Наконец, пристальный интерес к нашим внутренним событиям проявлялся за рубежом, о чем говорят шедшие оттуда предупреждения и намеки. Бейкер конфиденциально предупреждает в Берлине Бессмертных. Тот конфиденциально сообщает о возможном перевороте Президенту

СССР. За несколько дней до «путча» Горбачеву о том же говорит по телефону из Вашингтона Буш, который потом, после «августа 91-го» заявит, что это не только победа демократии, но и «наша победа — победа ЦРУ».

Не слишком ли много совпадений — демаршей, планов, вариантов? А цель одна — спровоцировать защитников социализма и Союза ССР, дискредитировать коммунистов, их партийные организации, деятельность которых на предприятиях и учреждениях уже было к тому времени запрещено указом российского президента от 14 июля 1991 г. Вызвать путч, разгромить его и двигаться дальше в объятия «мировой цивилизации», то бишь под диктат Международного Валютного Фонда — вот простая и ясная цель. Черчилль, Джон Фостер Даллес и Маккарти бешено аплодировали бы такому «путчевому повороту», способствующему осуществлению их давней мечты — крушению коммунистической системы путем развала ее изнутри.

Возможно ли это? Да, на мой взгляд такой вариант возможен. И в 140 томах дела об августовских событиях, и в печати, и в неосторожных восторгах западных политиков можно найти тому подтверждение. Но системы доказательств, на мой взгляд, нет. Прокуратуре просто-напросто категорически запретили даже думать над этой версией. Уж очень она взрывоопасна. Ведь за ней неизбежно возникает вопрос: над кем была одержана грандиозная победа демократов, что это за победа, победа народа или над народом?

Единственно, чем могу утешить читателей и себя, что рано или поздно тайное станет явным. И этому помогут сами люди, желающие знать, кто же в конце концов сверг их в еще один без-

жалостный исторический эксперимент, вновь создающий бездонную пропасть между бедностью и богатством, между трудом и капиталом.

3. В СВОЕМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ИНТЕРВЬЮ ГЕННАДИЙ ЯНАЕВ УТВЕРЖДАЛ, ЧТО ГОРБАЧЕВ БЫЛ ГОТОВ К ВВЕДЕНИЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЕЩЕ В АПРЕЛЕ 1991 ГОДА. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ?

Дело в том, что в конце марта 1991 года по указанию Президента СССР правительство, как известно, вводило войска в Москву. Верховный Совет СССР, заседавший в то время, тщательно разбирался в вопросах, связанных с этими событиями. Тогда конфронтации между войсками и населением удалось избежать, хотя обстановка была весьма напряженной. В апреле же 1991 года в Совете Безопасности СССР прорабатывались различные аспекты возможного введения чрезвычайного положения, прекращения забастовок и митингов, достигших в то время высокого накала. Шла подготовка соответствующих документов.

Естественно, что без президента делаться это не могло. Ведь он председательствовал в Совете Безопасности.

Скажу больше, сейчас, когда я закончил ознакомление с томами дела об августовском кризисе, со всей определенностью можно констатировать, что некоторые из писавшихся той весной заготовок были использованы в августе 1991 года. К этому же времени, кстати, относится и разработка проекта законодательного акта о прямом президентском правлении. Идея введения режима чрезвычайного положения, усиления президентской и исполнительной вла-

сти витала тогда в воздухе. А воздух этот был наэлектризован до крайнего предела.

4. ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ СО ССЫЛКОЙ НА ВАШЕ МНЕНИЕ СООБЩИЛА, ЧТО ГОРБАЧЕВ ЗАРАНЕЕ ЗНАЛ О ПЛАНАХ ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В АВГУСТЕ 1991 ГОДА. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ЗАНЯТУЮ ИМ ПРИ ЭТОМ ПОЗИЦИЮ?

Я никогда не говорил и не мог говорить о том, что Горбачев заранее был осведомлен о планах введения чрезвычайного положения. Я знал и говорил лишь о том, что товарищи, приезжавшие к нему в Форос 18 августа 1991 г., не только внесли президенту предложения о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях, но и поставили его в известность о составе ГКЧП, от имени которого они выступали. Теперь об этом пишут сам президент и его ближайшее окружение.

Другое дело, как реагировал Горбачев на эти предложения и сообщения. Ведь многие могут поставить себя в подобную острую ситуацию. Скажем, находящийся в отпуске директор завода или совхоза, просто глава семьи, узнав, что дома затевается что-то неладное, видимо, не раздумывая, бросится к себе на производство, в свой город, село, чтобы разобраться, остудить страсти, предупредить неразумные шаги. А тут речь шла о судьбе целого народа, огромного государства.

Я убежден, что у президента СССР были все возможности не допустить введения чрезвычайного положения, немедленно возвратившись в Москву вместе с теми, кто прилетал к нему в Крым, или, как крайний случай, задержав их в Форосе. Следственные материалы подтверждают это однозначно. Свидетельствует об этом и

супруга Президента, заявляя, что «если бы президентской охране был дан сигнал, то вся «делегация» была бы немедленно арестована» («Комсомольская правда» 20 декабря 1991 г., № 293). Я даже не ссылаюсь на то, что соотношение числа лиц, приехавших из Москвы с численностью форосской охраны президента было по крайней мере один к ста.

Но, видимо, у президента были иные соображения. И они до сих пор непонятны ни мне, ни десяткам депутатов, которые обращались ко мне с подобным вопросом как в дни августовских событий, так и после них. И недаром в общественном мнении все более часто получает поддержку идея о том, что президент, посоветовавшись со своими близкими, решил, видимо, выждать, посмотреть на чьей стороне будет перевес. В психологическом плане, насколько я знаю Горбачева, это на него похоже. Некоторые депутаты высказываются по данному поводу гораздо решительнее. Депутат Гдлян, к примеру, полагает, что Горбачев вообще неплохо обчислил ситуацию: если побеждает ГКЧП, президент возвращается в Кремль на «красном коне» и использует плоды победы; если ГКЧП терпит поражение, то, покончив с «путчистами», президент опять-таки въезжает в Кремль, только теперь на «белом коне», поддержанный «революционными демократами». (См. «Аргументы и факты», № 34, 1991 г.). Ирония судьбы состояла, однако, в том, что и «белый конь», и поддержка «демократов» оказались для Горбачева иллюзорными и временными. Ловкий политический канатоходец просто не учел, что конец каната, на котором он балансировал, уже давно находился в руках тех, кто не желал видеть его на посту главы государства.

5. ГОРБАЧЕВ В СВОЕМ ЗАПИСАННОМ НА ПЛЕНКУ ОБРАЩЕНИИ ИЗ ФОРОСА ГОВОРИЛ, ЧТО ОН БЫЛ АРЕСТОВАН, ОКРУЖЕН ВОЙСКАМИ И ИЗОЛИРОВАН. У МЕНЯ И МНОГИХ МОИХ ЗНАКОМЫХ ЭТО ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЕ. ЧТО ЗДЕСЬ ПРАВДА, А ЧТО ЛОЖЬ?

Действительно, в книге «Августовский путч» Горбачев заявил об этом. В ней буквально крик из заточения: «Я лишен всякой связи, контактов с внешним миром. Я — под арестом, и никто не выпускается за территорию дачи. С моря и с суши я окружен войсками» (стр. 92). Но весь вопрос в том, насколько соотносится этот отчаянный призыв о помощи с фактами, которые приводят люди, бывшие в то время в Форосе или рядом с ним. Ведь следователи допросили всех, кого только могли, от адмирала до посудомойки и паркового рабочего.

И тут вырисовывается несколько иная картина. Связь на даче оказывается была. Работали радиоприемники, телевизоры, переносные радиостанции, два междугородних телефона. Кроме того на даче находились президентские автомашины, оснащенные спутниковой связью. Сотрудники охраны звонили по междугороднему телефону своим семьям уже вечером 19 августа. «Вы сообщили об этом президенту?» — спросил их следователь. — «Да, в тот же вечер сказали ему, что мы звонили женам». — «Как реагировал на это президент?» — спросил их следователь. — «На этом наш разговор закончился», — отвечали охранники. — «Автомашины на дачу и с дачи двигались, как и прежде; привозили продукты, выезжали люди», — говорит командир взвода ГАИ. — «Никакой блокады резиденции со стороны сухопутных и морских пограничников не было. Служба неслась в обычном режиме», —

добавляет начальник погранотряда. — «Согласно инструкциям, охраняемое лицо для нас, охранников, главнее любого генерала, и если бы Горбачев М. С. решил выйти за пределы объекта, то я и другие охранники не препятствовали бы ему в этом», — свидетельствует сотрудник службы безопасности. — «Если бы была мне команда президента отправить его в Москву, я бы выполнил эту команду. Я же не мог насильно вывозить президента», — заявляет обвиняемый Генералов.

Таково мнение участников «форосского заточения». Причем я здесь не открываю каких-то тайн следствия. Почти все эти данные опубликованы в местной и центральной печати.

Была ли это «жесткая изоляция» или «выжидательная самоизоляция», видимо, сможет определить только суд, если, конечно, он взвесит все на действительно беспристрастных весах.

А пока все чаще раздаются эмоциональные оценки того, что произошло в Форосе в те жаркие августовские дни, хотя и к этим оценкам нельзя оставаться глухим. Но как, скажем, не прислушаться к голосу кинорежиссера С. Говорухина, которого многие справедливо считают совестливым поборником истинной демократии. «Президент, — считает он, — был парализован, испугался, не действовал, не боролся, то есть вел себя недостаточно мужественно, на мой взгляд. Ведь завтра историки восстановят все диалоги. Кто кому что сказал дословно. Какова была интонация. И возникает картина неприглядная. Я так думаю. Я сейчас Горбачева не хочу подозревать ни в чем. Но как мужчина, мне кажется, я бы себя так не вел... Разве таков должен быть авторитет президента, за которого боролся весь народ и которого вызволили? Да нет, конечно.

Народ чувствует, его не обманешь» («Московская правда», 20 ноября 1991 г.).

6. КАК ВЫ РАСЦЕНИВАЕТЕ СВОЮ РОЛЬ В АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЯХ?

Лидеры «демократов», пресса тех августовских дней да и кое-кто из авторов сегодняшних изданий пытались изобразить меня в роли «духовного отца заговора». Фактов под этими утверждениями никаких. Нет их в прочитанных мной томах уголовного дела.

Ни идеологом, ни инициатором августовских событий я не был. Никаких сведений о планах введения чрезвычайного положения и поездки с этим предложением в Форос к президенту СССР я не имел. К этому выводу пришла и специальная депутатская комиссия, которая была назначена Верховным Советом СССР. «А. Лукьянов, — установила комиссия, — подготовкой переворота не руководил, узнал о нем, находясь на отдыхе, для него происшедшее в Москве было неожиданностью, это подтверждено документами» («Советская Россия», 22 января 1992 г.).

Действительно, прервав отпуск на Валдае, я вернулся в Москву уже после начала событий, т. е. когда в Крыму уже состоялась встреча с Президентом СССР, а связь с ним отсутствовала.

Разделяя тревогу миллионов советских людей за тяжелое положение, в котором находилось наше общество, за судьбу союзного государства, я в то же время не считал и сейчас не считаю, что введение чрезвычайного положения тогда было абсолютно оправданным. Об этом я прямо говорил участникам совещания, проходившего в кабинете премьер-министра поздно вечером 18

августа. Ряд товарищей, бывших на этой встрече, почти дословно воспроизводят в материалах дела то, что я тогда говорил.

Будучи председателем Верховного Совета СССР, (а его власть сохранялась полностью и никто на нее не покушался) я, естественно, отказался входить в состав такого чрезвычайного, не предусмотренного Конституцией органа, каким был ГКЧП. Нет ни одной моей подписи, ни одной моей пометки на документах, принимавшихся ГКЧП. Не бывал я и на его заседаниях. Так что в «заговоре», который якобы тогда состоялся, я не участвовал.

Но все дело в том, что такого «заговора» просто не было. Никто, насколько я понимаю, не собирался смещать союзного президента, лишать его власти и покушаться на его жизнь. Речь шла лишь о том, чтобы в условиях крайней необходимости побудить главу государства использовать его конституционные полномочия для наведения элементарного порядка в стране, предотвращения развала нашего Союзного государства, скатывания общества в пучину губительного, непредсказуемо глубокого кризиса.

Поэтому при всем критическом отношении к себе виновным в августовских событиях я себя не считал и не считаю. Наоборот, я пытался тогда сделать все от меня зависящее, чтобы страна как можно скорее вернулась в русло нормальной жизни. Скажу только, что тогда в те три августовских дня все было гораздо сложнее, чем представляется теперь. Реакция в республиках на события в Москве была далеко не однозначной. Разноречивая информация поступала с мест. Депутатам, да и мне самому многое было непонятно, в том числе и позиция президента. В той обстановке принимать быстрые и вы-

веренные решения было очень и очень трудно.

И если я сегодня виню себя в чем-то, так это прежде всего в том, что недостаточно упорно и твердо отстаивал единство нашей федерации, линию на сохранение и обновление Союза ССР. К этому обязывали ясно выраженная на референдуме воля народа, решения Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. Гораздо более стойко и последовательно надо было защищать советскую форму народовластия, приоритет представительных органов власти, бороться против покушений на их прерогативы, их полномочия, пресекать попытки ограничить активность депутатов, не считаться с их независимостью и неприкосновенностью. Думаю, что я виноват и в том, что во-время не разобрался во всей глубине предательства тех политических лидеров, которые отказались от социалистических целей перестройки, предали забвению интересы миллионов людей, потеряли ответственность за судьбу нашего великого народа и государства.

Во всем этом моя трагедия. И здесь, как говорится, из песни слова не выкинешь. Что было, то было.

7. МНОГИЕ ЗАДАЮТ ВОПРОС, ПОЧЕМУ ВЫ НЕМЕДЛЕННО НЕ СОЗВАЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ СЕССИЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. ЧТО МЕШАЛО ЭТОМУ?

По закону внеочередная сессия Верховного Совета должна быть созвана не позднее семи дней со времени поступления предложения о ее созыве, а решение о созыве такой сессии публикуется не позднее, чем за три дня до ее открытия. Теперь проследим как действовал в этой ситуации я.

Прежде всего буквально через три часа после объявления по радио о введении чрезвычайного положения я подписал постановление о созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР, а перед этим — телеграмму о вызове в Москву членов Президиума Верховного Совета. Одновременно мною было дано поручение комитетам парламента проработать и представить Верховному Совету заключение по документам, связанным с установлением режима чрезвычайного положения. Этого требовала Конституция СССР, и формула моего постановления точнейшим образом, просто дословно совпадала с текстом пункта 15 статьи 127—7 Конституции СССР. Ни малейшего отступления от ее требований не было.

Самый минимальный срок, в который депутаты со всех концов страны могут съехаться в Москву, — не менее четырех с половиной дней. А тут еще приходилось учитывать, что многие из них были в это время в отпусках, находились на отдыхе или лечении. Все это и предопределило дату начала созыва сессии — 26 августа, а заседания Президиума Верховного Совета — 21 августа (в точном соответствии со статьей 58 Регламента). Скажу сразу, что даже на заседании Президиума и комитетов к 21 августа не смогли вовремя приехать многие депутаты. Они появились только 22 и 23 августа.

Конечно, обстановка диктовала особую срочность. Всем депутатам были посланы экстренные телеграммы, организовано оповещение по телефону. Уже днем 19 августа решение о созыве сессии было передано по радио, а затем — по телевидению. Кстати, когда 22 августа состоялось второе заседание Президиума Верховного Совета, которое вел Р. Нишанов, на нем

вносились предложения начать сессию раньше — в субботу 24 августа. Однако после обмена мнениями Президиум все же оставил в силе прежнее решение.

Кое-кто из журналистов, правда, пытался доказать, будто Лукьянов тянул с открытием сессии, чтобы собрать две трети депутатов, необходимых для «санкционирования парламентом документов ГКЧП». Это заблуждение. Согласно статье 58 Регламента Верховного Совета СССР без наличия двух третей общего числа депутатов каждой из палат я просто не имел права открыть сессию, она была бы неправомочной. Что же касается домыслов о моем «желании обязательно узаконить чрезвычайное положение», то для этого, согласно Конституции, потребовалось бы гораздо большее, чем две трети, число присутствующих депутатов. Такова фактическая сторона дела.

Но картина будет неполной, если не сказать об обстановке, в которой все это происходило. Немедленного созыва сессии Верховного Совета СССР добивались как раз члены ГКЧП, рассчитывая быстро получить поддержку своих решений. В ответ на вопрос одного из корреспондентов о том, что было бы, соберись сессия 19 августа, депутат С. Белозерцев, не раздумывая, заявил: «Я совершенно уверен: если бы депутаты собрались, тут же бы дали добро на чрезвычайное положение» («Огонек», 1991., № 41, стр. 20).

Уверенность эта была, пожалуй, чрезмерной. Но мои беседы с депутатами в те дни показывали, что многие из них находились в растерянности, не ориентировались в обстановке, задавали массу недоуменных вопросов. Оценивая эти настроения, бывший заместитель председателя

Совета Национальностей Б. Олейник в своей недавно вышедшей книге не без оснований пишет: «Если бы Лукьянов сразу же созвал Верховный Совет (на что, возможно, и рассчитывали), то большинство под вольтовой дугой — «Отечество в опасности!» — могло бы проголосовать за введение ЧП» (Б. Олейник. Князь тьмы, 1992, стр. 39).

С другой стороны раздавались голоса, что сессию в такой обстановке проводить вообще нельзя, что на ней обязательно должен присутствовать Президент, что совершенно необходимо предварительно убрать из Кремля размещенные там воинские подразделения, разобратся во всем основательно, охладить страсти. Выступая от имени Движения демократических реформ, Э. Шеварнадзе заявил: «Парламент не может принимать ответственные решения под дулами танковых орудий и автоматов» (Э. Шеварнадзе. Мой выбор. 1991, стр. 360).

Всего этого я не мог не учитывать, готовя сессию. Опрометчивость, поспешность действий в условиях противоречивости информации о позициях республик, о положении на местах могли привести к принятию решений, которые дорого обошлись бы стране. Поименное голосование депутатов при любом решении Верховного Совета поставило бы сотни депутатов под угрозу последующих гонений как с одной, так и с другой стороны в зависимости от того, чья позиция возобладает. Чего бы ни стоило это мне в личном плане, такой ситуации я допустить не мог. Тем более, что я прекрасно знал настроения тех сил, которые во что бы то ни стало хотели дискредитировать Верховный Совет СССР, а затем разогнать его под предлогом поддержки «путчистов». К великому сожалению, эти мои опасения

полностью подтвердились. Но перед депутатами, людьми, с которыми я проработал вместе больше двух лет, моя совесть чиста.

Уже 21 августа, еще до возвращения Горбачева из Крыма, Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, которым признал незаконным фактическое отстранение президента от исполнения его обязанностей и потребовал от вице-президента отмены указов и основанных на них постановлений о чрезвычайном положении. Надо отдать должное Г. Янаеву. Уже через час после заседания Президиума вечером 21 августа он подписал Указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения недействительными. Собравшаяся затем сессия союзного парламента, как известно, подтвердила позицию Президиума Верховного Совета и передала вопросы, связанные с августовскими событиями, на окончательное рассмотрение V-го (внеочередного) Съезда народных депутатов СССР.

8. А НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ, ЧТО ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР, ОСОБЕННО В ПОСЛЕДНИЙ ГОД СВОЕЙ РАБОТЫ САМ СТАЛ СДАВАТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ? ПРИНИМАЛОСЬ НЕМАЛО ЗАКОНОВ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ПОДРЫВАЮЩИХ УСТОИ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕНАРОДНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, ПРЕСТИЖ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА. ИНИЦИАТОРОМ НЕКОТОРЫХ АНТИНАРОДНЫХ НОВАЦИЙ БЫЛ М. ГОРБАЧЕВ. У ВАС НЕ ВОЗНИКАЛО ОЩУЩЕНИЙ, ЧТО ОН ВООБЩЕ ВЕДЕТ СТРАНУ НЕ ТУДА? ПЫТАЛИСЬ ЛИ ВЫ ЭТОМУ ПРОТИВОСТОЯТЬ?

Прежде всего хочу защитить Верховный Совет СССР. При всех особенностях своего состава, при всех спорах и столкновениях депутатских групп, при всех обвинениях друг друга то

в «прокоммунизме», то в «буржуазности» он в целом, с моей точки зрения, проводил взвешенную законодательную политику, причем далеко не всегда соответствующую тому, что хотели от него Президент, крайне «левые» и крайне «правые».

Верховный Совет СССР был, если можно так сказать, рыцарем на распутье. В нем все жарче разгоралась борьба социалистических и антисоциалистических тенденций, федерализма и сепаратизма, дружбы народов и национализма и это неудивительно. Ведь депутатский корпус во многом являл собой зеркальное отражение соотношения политических сил, той огромной напряженности, которые характеризовали общество. И все же большинство депутатов с самого начала достаточно твердо были настроены в пользу решительного реформирования, но ни в коем случае не разрушения того общественного строя, который сложился в нашей стране.

При этом я, конечно, далек от какой бы то ни было идеализации органов власти Союза ССР на последнем этапе их существования. Масса огрехов были в подготовке законов, и в контроле за управленческими структурами, и в самой организации работы Съездов и Верховного Совета. Однако было бы большим преувеличением считать, что Верховный Совет СССР всегда послушно шел за президентом. Все было гораздо сложнее и нередко, я бы сказал, трагичнее.

Драма, которая разыгралась в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов СССР в конце августа — начале сентября 1991 года, объяснялась не только растерянностью и подавленностью многих депутатов, но и неприкрытым нажимом на них со стороны президента СССР и руководителей ряда республик.

9. ПРОЧИТАЛ ВАШУ СТАТЬЮ В «ПРАВДЕ». ЭТО НЕПОСТИЖИМО. КАК ВЫ МОЖЕТЕ ЗАЩИЩАТЬ ЭТОТ ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ, ЭТИХ ДЕПУТАТОВ, КОТОРЫЕ ПРЕДАЛИ ВАС, ПОСПЕШНО И ПОСЛУШНО ДАВ СОГЛАСИЕ НА ЛИШЕНИЕ ВАС ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ.

Не надо смешивать мою личную судьбу с судьбой Верховного Совета. Гораздо хуже было бы, если бы репрессии обрушились на сотни депутатов, голосовавших не так, как хотелось доблестным «победителям путчистов». Надо учитывать, какая тогда была обстановка, как нагнеталась атмосфера политической истерии и всеобщего доноительства. В Москве, да и в некоторых других городах, были даже опубликованы номера контактных телефонов, по которым каждый мог сообщить фамилии тех, кого он подозревал в сочувствии гэкачепистам. Одни люди возмущались этим как возвращением к худшим временам 1937 года, другие звонили. Все было. Тут ни убавить, ни прибавить.

Конечно, для меня те дни стали тяжелейшим испытанием. Помнится, мы сидели на сессии рядом с депутатом ленинградским писателем Даниилом Граниным и он тихо спросил меня: «Зачем вы пришли на это заседание, Анатолий Иванович, зачем слушаете все эти эпитеты, которые на вас сыплются... «серый кардинал», «Понтий Пилат», «манипулятор», «преступник?» Он вспомнил, что Михаил Зощенко, который вот так же выслушивал все ругательства в свой адрес, в конце концов от этого погиб. Я тогда ответил: «Каждый честный человек должен уметь смотреть правде в глаза. Все эти годы я слушал и старался понять депутатов. Буду слушать и на этой, видимо, моей последней сессии. Тем более, что стыдиться мне нечего». Все виде-

ли, как я добивался, чтобы становление нового советского парламента проходило в нормальной обстановке, чтобы он действовал в интересах народа, чтобы депутаты становились политиками, государственными деятелями и учились столкновению умов, а не лбов.

Надо сказать, что другой ленинградец, член союзного Комитета конституционного надзора профессор Юрий Кириллович Толстой оценил то, что происходило тогда в союзном парламенте, более резко. «Поспешно данная санкция на привлечение Лукьянова к уголовной ответственности, — пишет он, — была одной из самых позорных акций в истории Верховного Совета СССР. Выдать на «поток и разграбление» своего председателя, который делал все, чтобы придать этому форуму цивилизованный облик, мог только орган, не уважающий самого себя» (Ю. Толстой, «Страницы жизни», СПб, 1992, с. 40).

Возможно, Юрий Кириллович в чем-то и прав, но я и сегодня не могу держать зла на моих товарищей по Верховному Совету. Видимо, не тот характер. Тем более, что ко многим депутатам довольно скоро пришло прозрение. Некоторые из них выступили потом в печати, осуждая свой поспешный шаг, другие обратились ко мне в письмах. Кроме того часть депутатов, собравшихся на запрещенный властями VI-й Съезд народных депутатов СССР, приняли, как известно, специальную резолюцию, в которой признали недействительными принятые под недопустимым давлением постановления о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности меня и других народных депутатов СССР, проходящих по «делу ГКЧП». Разве все это можно сбрасывать со счетов?

Уроки жизни — трудные, но полезные уроки! Особенно, когда из них в конце концов делаются правильные выводы.

10. КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ ВСЕ-ТАКИ, ПОЧЕМУ ВАС АРЕСТОВАЛИ? КОМУ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЫ МОГЛИ МЕШАТЬ?

Для меня арест не был неожиданностью. Задолго до августовского кризиса определенные силы видели во мне одно из серьезных препятствий для желаемого ими изменения позиций парламента в отношении судьбы Советской Федерации, капитализации страны в решении других вопросов. Бывший союзный Президент на встрече в редакции газеты «Известия» прямо заявил, что мое участие в V-м Съезде народных депутатов СССР могло бы серьезно помешать тому, что там произошло. Как известно, тогда в обстановке неприкрытого нажима на депутатов Съезд, являвшийся узловой структурой нашего союзного государства, перестал существовать. Оставаясь последовательным сторонником единства Союза я, конечно, всеми силами сопротивлялся бы роспуску Съезда.

Нетрудно догадаться, что и теперь мое нахождение под стражей объясняется сугубо политическими мотивами. Ведь даже гордящаяся своей беспристрастностью редколлегия газеты «Московские новости» не так давно констатировала буквально следующее: «Если выпустить сегодня Лукьянова, то это может дать мощный импульс оппозиции» («МН» от 15 марта 1992 г., № 11). Как видно, демократия без оппозиции гораздо больше устраивает эту газету, да и многих из тех, кто за ней стоит.

Добавлю только, что я был арестован, будучи не просто депутатом, а председателем высшего законодательного органа страны, чего вообще не знала и не знает мировая практика. Целую неделю председатель парламента находился в заключении, пока союзный Съезд народных депутатов под давлением президиума, нарушая Конституцию, без тайного голосования и предоставления мне слова освободил меня от должности. Многие государствоведы до сих пор считают это решение юридически несостоятельным.

Вот почему в моем заявлении на имя Генерального прокурора Российской Федерации прямо говорится, что возбуждение против меня уголовного дела незаконно и означает не что иное, как расправу с политическим оппонентом, выступавшим за сохранение Союза ССР, его представительных органов власти и советского конституционного строя в целом.

11. МНОГИХ ИНТЕРЕСУЮТ ДЕТАЛИ ТЕХ АВГУСТОВСКИХ ДНЕЙ. НАПРИМЕР, В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО, ЧТО ВАШИ ТЕЛЕФОННЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ВО ВРЕМЯ ПУТЧА ПОСТОЯННО ПОДСЛУШИВАЛИСЬ. ЗНАЛИ ЛИ ВЫ ОБ ЭТОМ?

Точно не знал, но чувствовал. В ходе следствия было выяснено, что в период августовского кризиса все мои телефоны (на работе, дома, на даче) тщательно прослушивались, а переговоры записывались. Чтобы связать со мной какого-либо иногороднего абонента, телефонистка должна была получить разрешение от руководителя одного из подразделений госбезопасности.

Что же касается доавгустовского и послеавгустовского периодов, то, поймите меня пра-

вильно, я уже давно привык жить, да и теперь живу, как бы под стеклянным колпаком. Об этом свидетельствовали «доверительные документы» о моих высказываниях и настроениях, которые получал президент СССР. Причем не надо во всем винить органы безопасности; у президента были и другие источники информации. Не обходится без этого, видимо, и нынешнее руководство. Что подделаешь! Остается только вспомнить Юлия Цезаря. Это он говорил: «С наиболее высокой судьбой сопряжена наименьшая свобода».

12. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О «ШТУРМЕ БЕЛОГО ДОМА»?

Об этом я впервые услышал от главы правительства России И. Силаева, который позвонил мне по телефону где-то около четырех часов дня 20 августа и сказал, что по имеющимся у него сведениям, полученным из нескольких достоверных источников ночью войска будут штурмовать Дом Советов РСФСР, и просил меня во что бы то ни стало предотвратить штурм. Я тут же позвонил руководителям Министерств обороны, МВД и КГБ. Спросил, что все это значит. Каждый из них ответил, что ни о каком штурме речи не идет, хотя в Белом доме и вокруг него немало людей, имеющих на руках оружие, полученное у московской милиции, частного агентства «Алекс» и из некоторых других источников, а это опасно, могут быть любые провокации. Ведь вокруг Белого дома очень много народа.

Поэтому, когда после шести часов вечера мне о якобы готовящемся штурме Белого дома позвонили Р. Хасбулатов и полковник Н. Столя-

ров из приемной А. Руцкого, я уверенно сказал им, что по заверениям, полученным мной от военных, никакого штурма быть не должно и просил передать это Ельцину и Силаеву. Кстати, этот мой разговор со спикером российского парламента происходил в присутствии одиннадцати членов Межрегиональной депутатской группы, с которыми мы тогда беседовали о предстоящей сессии. Позже вечером я перезвонил Язову, Крючкову, а потом и Янаеву и еще раз напомнил о недопустимости каких-либо «штурмовых акций». Все они однозначно и твердо заявили, что никаких указаний и приказов по этому поводу не давалось.

Вот все, что я знал о так называемом «штурме Белого дома» в те дни. Позднее, знакомясь с материалами дела об августовских событиях мне пришлось прочитать горы свидетельств и документов, посвященных этому «штурму». Очень много сообщалось о нем в газетах и по телевидению. Появились даже мемуары «защитников Белого дома», а число этих защитников, как известно, возросло после тех дней в десятки раз.

Следственные материалы дают основания сказать, что вопрос о «штурме» и намерения обезопасить обстановку вокруг Белого дома все-таки были, но они так и остались намерениями. Военные прекрасно понимали, что никакого кровопролития допустить нельзя, и очень жаль, что кровь все же пролилась. Ничем нельзя оправдать гибели трех парней на Садовом кольце. Это трагедия.

Но с другой стороны, стали проясняться и некоторые подробности, проливающие свет на то, что в действительности происходило тогда вокруг Дома Советов РСФСР. Скажем, зачем

было от имени Президента России призывать москвичей выйти на защиту Белого дома, когда еще рано утром 19 августа Б. Ельцин получил гарантию от командующего воздушно-десантными войсками, что он обеспечит надежную защиту резиденции Правительства и Президента РСФСР лично. Знали об этом и Руцкой, и Силаев, и генерал Кобец. Последний, по его словам, «по нескольку часов не отрывал трубку от уха», получая подробнейшие сведения обо всех перемещениях войск на территории Москвы.

И все же призывы «спасти Белый дом от нападения хунты» звучали, причем все более отчаянно. Строились баррикады, создавались боевые дружины, горели костры. Все это было очень похоже на зимние баррикады вокруг литовского, латвийского и эстонского парламентов. Казалось, сценарий писался рукой одного и того же изощренного драматурга.

Даже тогда, когда, по свидетельству одного из журналистов в девять часов вечера было объявлено, что Ельцин звонил коменданту Москвы, который заверил его, что никакого приказа о штурме нет и штурма не будет, даже тогда отряд из двухсот добровольцев направился на пересечение Садового кольца и Калининского проспекта. Там их уже ждали баррикады из троллейбусов и поливочных машин, бутылки с зажигательной смесью, завезенные кем-то заранее бетонные плиты и арматура, которые потом будут сброшены на патрульные бронетранспортеры, двигавшиеся по Садовому кольцу к Смоленской площади, то есть туда, где в конце концов и пролилась кровь.

Кто все это организовал? Кому нужно было столкновение с уже уходящими из Москвы войсками? Прокуратура об этом молчит. Вообще

создается впечатление, что на многие направления, по которым должно было идти следствие, кто-то предусмотрительно наложил табу. И здесь нет ничего удивительного. «Штурм» Белого дома, жаркие речи на митингах, баррикады и заграждения на Краснопресненской набережной и Садовом кольце должны были остаться в эпосе «победы демократических сил». А выяснение деталей детошными следователями могло испортить эту героическую картину, если вообще не смазать ее. Так что живет и никак не может уйти из нашей политики завещание Макиавелли: «Мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии».

13. В ПЕЧАТИ ПРОСКОЛЬЗНУЛО ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СТЕПАНКОВА О ТОМ, ЧТО В АВГУСТОВСКИЕ ДНИ ГОТОВИЛАСЬ БОМБАРДИРОВКА КРЕМЛЯ. ПРАВДА ЛИ ЭТО? ВЕДЬ ЭТО БЫЛО БЫ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ НЕ ТОЛЬКО ПЕРЕД НАШЕЙ ИСТОРИЕЙ, НО И ПЕРЕД ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ.

Я и сам удивился, узнав, что Генеральный прокурор России выдал эту «следственную тайну». Если бы она касалась «злодеяний так называемых путчистов», то куда ни шло. Но тут ведь речь шла о намерениях, которые вынашивали люди, действовавшие вместе с «демократами». Причем прокурор проговорился о совершенно реальном никем не оспариваемом факте.

Действительно, об этом свидетельствует один из самых близких к Президенту России людей, приехавших вечером 20 августа в штаб воздушно-десантных войск к генералу Грачеву. Он

сообщает, что на следующий день, когда они вновь встретились с генералом, уже в более спокойной обстановке, Грачев рассказал, что у него была договоренность с Шапошниковым о том, что, если не будет другого выхода, то «для того, чтобы отвлечь силы путчистов от Белого дома, будет дана команда двумя самолетами бомбить Кремль, где находятся члены ГКЧП». Хотя сразу замечу, что никого из членов ГКЧП, насколько я знаю, в ту ночь в Кремле вообще не было. Однако, дело вовсе не в этом. Вспомните, сколько писалось и говорилось о варварстве тех, кто посмел обстрелять Кремль в ноябре 1917 года. Люди, посягнувшие на эту российскую святыню, были буквально прокляты нашей интеллигенцией, деятелями культуры.

А когда кому-то из ближайшего окружения Сталина вздумалось снести храм Василия Блаженного на Красной площади, великий наш архитектор Петр Дмитриевич Барановский твердо заявил правительству, что это варварство может быть совершено только через его труп. И отступили власти перед решимостью истинно русского человека и патриота.

А тут через пять десятилетий планируется средствами современной боевой авиации лишь для того, «чтобы отвлечь силы путчистов», обрушить бомбовый, а, возможно, и ракетный удар по кремлевским дворцам и храмам! И ни единого слова, ни одного звука не слышно от «идейных отцов нации», от ее духовных пастырей! Они будто в рот воды набрали.

Неужели так меняются времена и вместе с ними люди? Неужели борьба за власть не имеет моральных, этических и просто человеческих берегов? Скажу откровенно, эта молчаливая «реакция» на информацию о намерении бомбить

Кремль расстроила меня больше, чем тысячи проклятий, которые обрушивают на узников «Матросской тишины» проправительственные газеты, радио и телевидение.

14. ЕСЛИ БЫ ДЕЙСТВИЯ ГКЧП УВЕНЧАЛИСЬ УСПЕХОМ, КАКОЙ БЫ СЕГОДНЯ БЫЛА СТРАНА И В ЧЕМ ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ПОПЫТКИ ВВЕСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?

На этот весьма гипотетический вопрос, заданный мне сразу двумя зарубежными газетами — американской и итальянской, ответить довольно трудно. Если исходить из документов, опубликованных ГКЧП, то ясно, что не могло произойти изменения советского общественно-политического строя. Не был бы разрушен Союз ССР и утрачен наш стратегический паритет с Западом. По всей видимости, был бы предпринят ряд твердых мер по прекращению межнациональных конфликтов, стабилизации экономики и постепенному внедрению рыночных отношений, регулируемых государством. Жесткими были бы, вероятно, меры по обузданию коррупции и преступности. В то же время высокая политизация населения, думаю, не позволила бы сколь-нибудь серьезно ограничить завоеванные демократические свободы. Словом, возврата к прошлому, к авторитарным методам правления быть не могло.

Вот почему до сих пор остается немало людей, которые считают, что ГКЧП смог бы навести долгожданный порядок и надежнее защитить их интересы. Показательны в этом отношении опубликованные в августе 1992 года (через год после событий) данные независимой социологической службы. Они говорят о том,

что если в 1991 году более двух третей опрошенных считало, что с приходом ГКЧП их жизнь ухудшилась бы, то в 1992 году число таких лиц составило всего 32%.

Конечно, данные любых социологических опросов весьма относительны, хотя столь же проблематична и сама мысль о возможности победы ГКЧП. Проблематична уже потому, что был допущен явный просчет в оценке соотношения сил и настроений народа, возможностей поддержки им действий ГКЧП. Национал-сепаратистские, прокапиталистические силы и обслуживающие их средства информации занимали преобладающие позиции. Нельзя было не считаться с демократизацией широких слоев населения, молодежи, научно-технической интеллигенции, и с их неприятием всякого рода чрезвычайных мер. Поэтому обреченность инициаторов введения чрезвычайного положения была очевидна с самого начала.

Еще и еще раз повторяю, это был скорее всего акт отчаяния, последний рывок, попытка во что бы то ни стало спасти страну от распада и национальной катастрофы. А в результате ГКЧП, не желая этого, лишь ускорил приход к власти политиков прокапиталистической ориентации, которые поставили перед собой цель не модернизации существующего государственного и общественного строя, а его разрушения. То есть на смену мнимому «путчу», «заговору», «мятежу» пришел фактический, крупномасштабный государственный переворот. И никакая словесная эквилибристика, никакие пропагандистские трюки не в силах скрыть этой исторической реальности.

II. ТРАГЕДИЯ СОЮЗА

15. КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ЧТО ВСЕ-ТАКИ БЫЛО ГЛАВНЫМИ ПРИЧИНАМИ РАЗВАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА?

Развал Советского союзного государства — результат взаимодействия многих разрушительных сил.

Прежде всего это те же самые силы капиталистической ориентации, но только обряженные в национальные одежды. Сдуйте с них националистическую пыль и вы увидите под ней жадный оскал частного собственника.

Питательной средой для такого рода явлений был, конечно, но только глубоко загнанный внутрь дух сепаратизма и национальных амбиций. Свою отрицательную роль здесь играли и чрезмерный централизм в управлении, и невнимание союзных органов к интересам экономического и социального развития республик, к рациональному использованию их природных ресурсов, и факты неуважения к национальной культуре, языку и обычаям. Жесткая реакция союзных властей на любой, порою даже мелкий, всплеск национальных чувств только еще больше загоняла их в подполье и таким путем создавала эффект тлеющего торфяного болота. На поверхности все спокойно, звучат бравурные речи о дружбе народов, а внутри — незатухающие очаги межнациональной розни, непонимания и разногласий.

Ни для кого не секрет, что единство республик в составе Союза ССР во многом предопределялось централизованным, а не федеративным строением правящей Коммунистической партии.

Республиканские партийные организации были составными частями единой КПСС. А значит, все основные кадровые назначения и перемещения шли из Москвы. Альтернативные выборы депутатов с вымыванием из их состава значительной части представителей так называемых «некоренных национальностей», общее стремительное ослабление партийного руководства позволили местным национальным кадрам довольно быстро понять, что теперь можно защитить себя от угрозы смещения или произвольных перестановок по воле центра. Средством этой защиты стал лозунг национального суверенитета.

Так к объективным факторам разрушения Союза добавился мощный субъективный — личный интерес, метко названный Борисом Олейником «национал-карьеризмом». Республиканский партийный князек, зарвавшийся номенклатурный губернатор, распоясавшийся хозяйственник, прикрываясь заявлениями о защите национальных интересов, могли теперь игнорировать ранее неприступный центр. Если же тот начинал «артачиться», настаивать на своем, в ход пускались массовые националистические выступления, создавались народные и национальные фронты антикоммунистической направленности. Достаточно было малой искры, и пожар уже почти невозможно погасить.

Так случилось, например, в Прибалтике, когда именно со ссылками на «диктат центра» в кадровой и языковой политике, в использовании природных ресурсов удалось поднять целые пласты приглушенного на определенном этапе национального самосознания и его спутника — национализма. А начиналось все, казалось бы с малого — с небольших языковых проблем,

национальных символов, установления местного отсчета времени, уточнения наименования городов. Закончилось же, как известно, приходом к власти агрессивных буржуазно-националистических сил и разрывом прибалтийских республик с Союзом ССР. Затем с различными оттенками и местными особенностями этот сепаратистский опыт начал тиражироваться в Молдове, Закавказье, Средней Азии и ряде других мест.

Удивительно быстро во многих республиках выросли свои идеологи сепаратизма. Сначала шли интенсивные раскопки истории «имперского засилия». Потом появились искаженно толкуемые теории «абсолютного» суверенитета, национального гражданства, политика ограничения прав так называемых «мигрантов». Наконец, пышным цветом расцвели теории «экономического суверенитета», которые оставляли Союзный центр и без своей территории, и без федеральной собственности.

К сожалению, органы власти и управления СССР не сумели адекватно, а, главное, своевременно ответить на этот вызов агрессивного национализма и сепаратизма. Партийные деятели вроде А. Яковлева советовали вообще не обращать внимания на эти процессы, а кое-где и на проявление религиозно-национального фанатизма. Союзный президент больше уповал на уговоры и свой авторитет, который после бакинских, тбилисских и вильнюсских событий таял, как утренний туман. Поездки Горбачева в Армению и Литву ни на один градус не остудили там национально-конфронтационных страстей. Начиная с 1-го Съезда народных депутатов СССР, национальные распри стали почти каждодневным спутником парламентской жизни. Оппозиция внутри депутатского корпуса искусно

использовала национальный фактор, включив его в борьбу против союзного руководства.

Очень многое зависело от того, какую позицию займет в этой сложнейшей ситуации Россия, ее руководители. Май-июнь 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР стали решающими для судьбы Союза. Принятая Съездом Декларация о суверенитете Российской Федерации закрепила приоритет республиканских законов над законами Союза ССР и открыла тем самым легальную возможность борьбы с союзным центром, переподчинения российским властям всей системы управления на большей части территории страны. Так был инициирован парад подобных деклараций в других союзных республиках, а затем и в российских автономиях.

Прошло некоторое время и многие депутаты парламента России вынуждены были с горечью признать, что именно с тех пор началось массивное разрушение нашего союзного государства в политическом, экономическом и военном отношении. «Первый шаг в этом направлении, — говорили эти депутаты, — сделали мы сами на первом Съезде, из благих побуждений приняв решение о государственном суверенитете Российской Федерации... Виноваты мы все. И те наши руководители, которые борьбу против недостатков, а также конкретных политиков, находящихся у власти в Союзе, превратили в борьбу против государства и основ этого государства» (см. «Советская Россия», 11 и 21 апреля 1992 г.).

Действительно, этим шагом из огромного поля союзной федерации был, образно говоря, вырван ее магнитный сердечник, основной притягивающий стержень. Страна вступила в полосу дезинтеграции. Об этом мы говорили с Горбаче-

вым и Рыжковым, возвращаясь с заседания российского Съезда. Как любил говорить бывший президент СССР, «процесс пошел». Но пошел он по самому разрушительному пути.

Отдельно надо сказать, что в этот процесс прочно и надолго вплелась личная конфронтация между президентами Союза и Российской Федерации. Не отставали в этой борьбе и лидеры ряда других республик, у которых были свои счеты и с союзным центром, и с Россией. Если же содрать словесную шелуху и назвать все своими именами, то в противостоянии с центром шла отчаянная борьба за власть, в которой подлинные интересы народов, миллионов и миллионов простых людей, судьба великой мировой державы отходили на второй план. В своей грызне за власть республиканские лидеры иной раз просто забывали, с каких высоких материй и деклараций они начинали, так как все это сопровождалось разрушением тех единых структур, которые разрушению не подлежали. Неизбежным результатом стало стремительное углубление экономического кризиса и резкое ухудшение жизни людей.

В тех условиях нужно было действовать, нужно было как-то попытаться стабилизировать ситуацию, задержать нарастающий развал государства. Для предотвращения этого развала сначала вполне можно было ограничиться пересмотром соответствующего раздела Конституции СССР и принятием союзных законов, радикально укрепляющих суверенитет и расширяющих права республик. Шесть таких законов было принято Верховным Советом СССР, в том числе законы о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации, об ответственности за посягательство на нацио-

нальное равноправие граждан, о языках народов СССР, о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Одновременно начались консультации по выработке первых вариантов проекта нового Союзного договора.

Но силы, противостоящие центру, не могли этим удовлетвориться. Чем, например, ответило на все усилия союзных властей руководство России? В конце октября 1990 года принимается Закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», устанавливающий наказание для граждан и должностных лиц, которые посмеют исполнять союзные законы, не ратифицированные Россией; то есть впервые в мировой юридической практике правонарушением объявлялось соблюдение законов! За этим последовал Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», по которому все объекты государственной собственности на территории России, включая организации союзного подчинения, объявлялись собственностью Российской Федерации. Затем конфронтация переносится в сферу бюджетных отношений. Российский Закон о формировании бюджета на 1991 год воплотил давнишнюю мечту противников союзного центра: объявлялось, что бюджет будет формироваться на основе одноканальной системы налогообложения, а значит. Союз лишался собственных источников существования. Вслед за Россией на такой путь начали вставать другие республики. Развал Союза назревал, как снежная лавина в горах.

Ощущение этой опасности висело над IV Съездом народных депутатов СССР, собравшимся в декабре 1990 года. Депутаты были встревожены. Поименным голосованием они

принимают решение о сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, о сохранении ее исторического наименования — «Союз Советских Социалистических республик», а также о проведении всенародного референдума, посвященного сохранению единства обновляемой советской федерации.

Однако и это решение встретило жесткое сопротивление. В нескольких республиках власти запрещают проведение референдума. В РСФСР руководство движения «Демократическая Россия» и другие оппозиционные силы обратились к гражданам с призывом сказать «нет» сохранению Советского Союза. В ряде контролируемых российским правительством газет публикуется плакат, где Россия в составе обновленного Союза изображается за тюремной решеткой (см. «Российская газета» 15 марта 1991 г.). В таком же духе накануне референдума Ельцин выступает в московском Доме Кино и по телевидению.

Однако, как известно, итоги референдума, проходившего 17 марта 1991 г., показали, что судьба Союза беспокоит широчайшие народные массы. За сохранение и обновление СССР высказалось 76,4% граждан, участвовавших в голосовании, — более 113,5 млн. человек, то есть почти две трети взрослого населения страны. Казалось бы все стало на свои места. Воля большинства народа должна была стать высшим законом для всех. Но страна захлебывалась в забастовках и митингах. Руководители ряда республик открыто призывали не считаться с результатами референдума. Появились предложения о построении нашего государства на совсем иных, далеко не федеративных основах.

Еще 27 января 1991 г. представители «Демократической России» и других оппозиционных сил, собравшись на Демократический конгресс в Харькове, приняли решение об упразднении Союза и замене его Содружеством государств. В это же время первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов публикует свой проект Союзного договора. В нем предлагается создать на территории страны не Союз, а «Сообщество» или «Содружество», являющееся конфедеративным объединением суверенных, с международно-правовой точки зрения, государств без союзного гражданства и без союзной конституции (см. «Мегаполис-экспресс» 24 января 1991 г.). В феврале, незадолго до референдума приходит сообщение о том, что руководители России, Украины, Белоруссии и Казахстана направили своих представителей в Минск, чтобы без участия союзного руководства рассмотреть предложения о создании «Содружества», означавшие по сути своей ликвидацию Союза ССР или по крайней мере превращение единого союзного государства в аморфное конфедеративное Сообщество независимых государств.

Обратите внимание на эти факты. Ведь они показывают, что идея создания СНГ без союзного центра возникла задолго до августа 1991 г. Г. Бурбулис, бывший одним из авторов этой идеи, очень сожалел, что ее не удалось тогда реализовать. Сожалел об этом и Б. Ельцин (см. «Известия» 17 декабря 1991 г., «Независимая газета» 29 января 1992 г.).

И если я столь подробно рассказал здесь о причинах и перипетиях, повлекших разрушение Союза, то только для того, чтобы каждый, читающий эти строки, мог сам убедиться, насколько наигранными и показными являются вздохи и

причитания о погибшем Союзе ССР. Знайте, это вздыхают и причитают как раз те, кто сам методично разрушал Союз. Это просто крокодиловы слезы и очевидные попытки отвести от себя гнев миллионов людей.

16. ВЫ, ВИДИМО, БЫЛИ УЧАСТНИКОМ ВСЕХ ОБСУЖДЕНИЙ ПРОЕКТА НОВОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА. УКРЕПЛЯЛ ЛИ ОН ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИЛИ РАЗРУШАЛ ИХ?

Для предотвращения развала Союза было два пути. Первый, как уже говорилось, был связан с предложением внести существенные изменения в действующую Конституцию СССР, которая включала в себя в несколько преобразованном виде, положения первого Союзного договора 1922 года. Эти положения намечалось дополнить нормами, которые позволяли бы, не ослабляя Союза, радикально укрепить суверенитет республик, расширить их полномочия, гарантировать самостоятельность республиканских органов в решении относящихся к их компетенции вопросов.

Однако, постепенно под натиском представителей ряда республик и других национально-государственных образований большинство депутатов начало высказываться в пользу подписания нового Союзного договора, который стал бы органической частью Конституции СССР. В связи с этим с середины 1990 года под эгидой Верховного Совета СССР прошли консультации представителей республик, в ходе которых был выработан первый вариант проекта Союзного договора. Вслед за тем были подготовлены еще два его варианта. Они в целом исходили из идеи сохранения федеративного характера нашего

государства, которое предполагалось именовать сначала «Союзом суверенных советских республик», а затем просто «Союзом суверенных республик». В этих проектах достаточно четко очерчивались исключительные полномочия Союза, подтверждался приоритет союзных законов, были решены проблемы союзной собственности, единого гражданства, территориальной целостности страны, порядка формирования союзного бюджета.

По существу исходные позиции этих документов и были поддержаны на референдуме 17 марта 1991 г., который высказался к тому же за сохранение нашей федерации именно как «Союза Советских Социалистических Республик», то есть за то, чтобы оставить неизменными как социалистический характер, так и советскую форму нашего государства. Поэтому, подводя итоги референдума, Верховный Совет СССР признал необходимым привести проект Союзного договора в полное соответствие с решением референдума, доработав проект с участием представителей всех союзных и автономных республик.

Однако, такой вариант решения был воспринят в республиках далеко не однозначно. Страсти вокруг судьбы Союза не утихали. Более того, они становились просто взрывоопасными. Война законов стала бедствием, подрывающим единый правопорядок в стране. На глазах рвались налаженные народно-хозяйственные связи. Разгорались очаги межнациональных конфликтов.

Все это подтолкнуло М. Горбачева к мысли пойти на прямой контакт с руководителями девяти республик. Встретившись с ними 23 апреля 1991 г. в Ново-Огареве, он предложил

подписать совместное Заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса. В принятом Заявлении было признано необходимым восстановить конституционный порядок и неукоснительное соблюдение союзных законов. Как первоочередная была поставлена задача заключения нового Союзного договора с учетом итогов всесоюзного референдума. Было решено не позднее шести месяцев после подписания этого Договора принять на Съезде народных депутатов СССР новую Конституцию Союза. Так начался «Ново-Огаревский процесс».

Перелистывая сегодня записи Ново-Огаревских встреч, в которых мне пришлось участвовать, вспоминаю, как трудно они проходили. И не случайно. Позиции участников во многом были противоположны. Если, скажем, предложения Белоруссии и Казахстана были близки к сохранению и обновлению советской федерации, то представители Украины, Киргизии и некоторых других республик отстаивали идеи «Содружества» типа Европейского сообщества. Руководство РСФР не соглашалось с предложениями о сохранении единого союзного гражданства, со многими аспектами разграничения полномочий Союза и республик. Серьезные расхождения были между Азербайджаном и Арменией, республиками Средней Азии. Особые позиции занимали представители автономных республик, требуя для себя статуса учредителей нового Союза.

Руководивший Ново-Огаревскими встречами Горбачев избрал довольно своеобразную тактику. Предоставив мне возможность защищать идею и интересы Союза, сам он старался играть роль беспристрастного арбитра, то присоединя-

ясь к доводам союзного парламента и итогам референдума, то идя навстречу республикам. Скажу прямо, защищать в такой обстановке единство нашего федеративного государства было далеко не просто. В нескольких случаях я вынужден был прибегать к записи своего особого мнения. Так, в частности, особое мнение пришлось написать прямо на тексте проекта Договора в связи с поддержанным Горбачевым предложением именовать нашу страну «Союзом суверенных государств». Ведь и тогда уже было ясно, что «Союз государств» и «Союзное государство» — понятия совершенно разные. Если первое означало слабую и зыбкую конфедеративную структуру, то второе было синонимом федерации, обладающей как и ее составные части, собственным суверенитетом.

Особенно трудно было отстаивать союзные интересы при обсуждении вопроса о поступлении налоговых платежей непосредственно в бюджет Союза (то есть о двухканальной системе формирования союзного бюджета). Поддерживая эту систему, Горбачев говорил тогда: «Если нет федеральных налогов, нет и Союза. Ни одной федерации нет без федеральных налогов». При этом он ссылался даже на то, что одной из причин, вызвавших гражданскую войну в Северной Америке, была именно проблема федеральных налогов.

Однако и по этим, и по многим другим вопросам представители ряда республик выдвигали все новые и новые требования, ведущие к размыванию формулировок Договора и означавшие постепенное ослабление и разрушение федеративной структуры нашего государства. Сравнение проектов Союзного договора, разрабатывавшихся перед референдумом, с проектами, подго-

товленными в ходе Ново-Огаревских встреч, дает возможность убедиться в том, как шаг за шагом шло отступление от тех принципов, которые были сформулированы IV-м Съездом народных депутатов СССР и однозначно поддержаны народом на всесоюзном референдуме.

Естественно, может возникнуть подозрение, не является ли этот мой вывод субъективным мнением человека, который с сугубо консервативных, «имперских» позиций старался во что бы то ни стало сохранить «изживший себя Союз ССР». Но вот передо мною заключения по Ново-Огаревскому проекту Союзного договора трех больших групп независимых экспертов-юристов, историков, экономистов и политологов. Вчитайтесь в них.

Первая группа экспертов делает вывод: «Анализ текста договора приводит к тому, что Союз не будет обладать суверенитетом в той степени, которая необходима для нормального функционирования государства и в силу этого не является федеративным государством. Нормы практически всего текста договора свидетельствуют о конфедерации, которую авторы проекта, не желая противоречить открыто результатам референдума, стремятся выдать за федерацию».

«Проект договора создает условия для стимулирования центробежных тенденций в Союзе, действие которых может выйти из-под контроля тех, кто возьмет на себя обязательства по договору. Весь текст проекта позволяет усомниться в искренности желания авторов способствовать сохранению и обновлению Союза. Проект договора свидетельствует о конфедеративном характере будущего Союза, тогда как 17 марта 1991 г. большинство народа высказалось за сохранение и обновление Союза Советских Социалистичес-

ких Республик как федерации равноправных суверенных республик» — таков вывод второй группы экспертов.

Третья группа экспертов делает еще более решительное заявление: «Признав федерацию, договор на деле создает не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР. В нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и пр. Проводя эту линию тайно, неявно, он — вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр».

Добавлю только, что каких-либо других экспертных заключений, хотя бы в малейшей степени поддерживающих Ново-Огаревский проект, в нашем распоряжении не было. И Горбачев об этом прекрасно знал.

Вот почему 12 июля 1991 года Верховный Совет СССР принял постановление, в котором, поддержав в основном проект Союзного договора, счел возможным подписать его только после серьезной доработки и согласования между республиками с участием образованной на сессии Верховного Совета полномочной союзной делегации. Ей было поручено исходить из ряда принципиальных позиций и прежде всего из учета итогов всесоюзного референдума. Отдельно была поставлена задача «предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом СССР собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства, в том числе денежными средствами, непосредственно поступающими в союзный бюджет на основе законодательства СССР». Одно-

временно было подчеркнуто, что «окончательный текст Союзного договора, соответствующий принципам обновленного демократического государства, имеется в виду подписать на Съезде народных депутатов СССР».

Однако, как показала последняя встреча в Ново-Огареве, эти вполне обоснованные требования союзного парламента вновь натолкнулись на непонимание и сопротивление значительной части участников переговоров.

Последний вариант проекта Договора о ССГ оказался еще более опасным для сохранения союзных основ нашего государства. Спасти положение могло только дополнительное рассмотрение проекта в Верховном Совете СССР и в парламентах республик, что и намечалось сделать осенью 1991 года.

Таким образом, отвечая на поставленный мне вопрос, могу с убежденностью сказать, что у проекта Союзного договора было как бы два лица. Перед референдумом он обладал значительным созидательным потенциалом, который в случае приведения проекта в точное соответствие с итогами референдума создавал базу для сохранения и обновления Союза ССР.

В ходе же Ново-Огаревских встреч этот проект в результате многочисленных уступок и компромиссов превратился в инструмент разрушения, который, вопреки ясно выраженной воле народа, мог привести только к одному — фактической ликвидации Советского союзного государства.

17. ВСЕ ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ВЫ НАХОДИТЕСЬ ПОД СТРАЖЕЙ, НЕ УТИХАЮТ СПОРЫ О ВАШЕМ ЗАЯВЛЕНИИ ПО СОЮЗНОМУ ДОГОВОРУ, ОПУБЛИКОВАННОМ В ХОДЕ АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЙ. СПОР ИДЕТ

ДАЖЕ, КОГДА ВЫ НАПИСАЛИ ЗАЯВЛЕНИЕ: 16 ИЛИ ПОЗДНЕЕ? БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО УЗНАТЬ, ПРЕДПРИНИМАЛИ ЛИ ВЫ ДО ЭТОГО ПОПЫТКИ ПОМЕШАТЬ ПРИНЯТИЮ ПРОЕКТА В ОПУБЛИКОВАННОМ ВИДЕ? БЫЛИ ЛИ У ВАС НА ЭТОТ СЧЕТ ДИСКУССИИ С ГОРБАЧЕВЫМ?

О том, как разворачивались споры вокруг проекта Союзного договора, я уже говорил. Шли они не только на встречах руководителей республик в Ново-Огареве, но и лично у меня с Президентом Союза. И не один раз.

Мое заявление по Союзному договору было как бы финалом этих споров, еще одной попыткой предотвратить крушение нашего Союзного государства.

Как уже отмечалось, последний вариант договора о ССГ обсуждался в Ново-Огареве 23 июля 1991 г. Разговор на этой встрече оказался, может быть, самым тяжелым, а по ряду пунктов совершенно неконструктивным. Достаточно сказать, что по крайней мере две республики (Азербайджан и Киргизия) предложили вообще исключить из Договора упоминание о том, что Союз ССР является суверенным федеративным государством, и не применять слово «федерация» ни в одной из статей проекта. Представители нескольких республик вновь и вновь настаивали на том, что у Союза не может быть своей собственности и что все закрепленное за ним имущество должно определяться как совместная собственность республик, составляющих Союз. Предполагалось также изъять из договора понятие исключительной компетенции Союза, рассматривая ее как сферу совместных интересов всех суверенных государств. Президент России предложил зафиксировать в договоре распространение юрисдикции Российской Федерации на

все предприятия, расположенные на ее территории, включая и предприятия оборонной промышленности. Не удалось достигнуть и согласия по вопросам налоговых поступлений в союзный бюджет. Ельцин упорно отстаивал одноканальную систему поступления налоговых средств в бюджет России, часть которых она потом будет передавать Союзу. Наконец, представитель Украины выступил на встрече с заявлением, что Украина вообще намерена решать вопрос о своем отношении к Союзному договору не раньше середины сентября.

Поэтому, все же одобрив в целом проект Союзного договора, участники встречи в конечном счете пришли к выводу о целесообразности подписать договор в сентябре — октябре 1991 года, имея в виду провести это подписание на Съезде народных депутатов СССР с приглашением на него всех полномочных делегаций. Поддержка Горбачевым именно такого порядка заключения Союзного договора зафиксирована в стенограмме Ново-Огаревской встречи.

Перед этим предстояло досогласовать ряд статей проекта, хотя нетрудно заметить, что досогласовывать предстояло не просто редакцию Договора, а решить принципиальнейшие вопросы, прежде всего о собственности и финансах Союза, от которых вообще зависело — быть Союзу федерацией или окончательно превратиться в некое беспомощное объединение независимых государств. Оценивая важность этих статей Договора, сошлюсь только на заявление, сделанное на сессии Верховного Совета СССР бывшим председателем союзного Комитета конституционного надзора С. Алексеевым. Он говорил тогда: «Непременным атрибутом государства является его собственная финансовая база.

Не просто плохо, если нет собственных налогов, — нет государства, если у него нет собственной базы. Дело здесь не в технических деталях, не в решении вопроса о том, что лучше: одноканальная или двухканальная система. Дело здесь не в моментах престижа, не в амбициях. Если так рассуждать, то просто не будет Союза, не будет Союза не только как федерации, но даже и как конфедерации. Будет международная правовая организация типа ООН, если она будет строиться на взносах» (Бюллетень заседаний 11 июля 1991 г., № 109, стр. 18).

Однако, как показали дальнейшие события, согласование этих принципиальнейших вопросов жизни и смерти Союза ССР состоялось не на общем заседании полномочных представителей республик, а в узком кругу политических лидеров, причем в сугубо конфиденциальном порядке и обстановке секретности.

29—30 июля 1991 года в Ново-Огареве прошли закрытые встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, участвовавшими в проходивших в то время в Москве советско-американских переговорах. Естественно, в центре внимания этих встреч оказался проект Договора о ССГ, недогодосогласованные в нем вопросы, порядок его подписания. Понимая, что проект Договора в его последней редакции может не получить поддержки в Верховном Совете СССР и уж тем более на Съезде народных депутатов СССР, Горбачев предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре — октябре, как это было условлено ранее и подтверждено Верховным Советом СССР, а буквально через три недели — 20 августа 1991 г.

В обмен на их согласие Президент СССР принял требование Ельцина о включении в Договор

формулировки об одноканальной системе поступления налоговых средств в бюджеты республик. Из статьи 9 проекта, посвященной союзным налогам, Ельцин тогда же собственноручно вычеркнул слова: «Указанные налоги и сборы вносятся плательщиками непосредственно в союзный бюджет», и таким образом была окончательно подорвана самостоятельная материальная база существования Союзного государства. Одновременно Горбачев взял на себя обязательство издать сразу после подписания Договора указ о переводе под юрисдикцию России всех предприятий союзного подчинения, расположенных на ее территории¹.

В своем заявлении по телевидению 2 августа 1991 г. Горбачев сообщил, что первыми Договор подпишут делегации Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана, а затем, через определенные промежутки времени, — представители других республик, участвовавших в Ново-Огаревском процессе.

Таким образом, подписание Союзного договора отдельными делегациями планировалось провести вне рамок Съезда народных депутатов СССР, который рассматривался лидерами ряда республик и, очевидно, самим Президентом

---

¹ См. «Российская газета» 23 августа 1991 г. Опираясь на свидетельские показания Горбачева и Ельцина, Генеральный прокурор России сообщил в одном из своих интервью, что во время конфиденциальной встречи 29—30 июля президенты России и Казахстана предложили Горбачеву провести также кардинальную перестановку кадров в верхнем эшелоне союзной власти, отправив в отставку премьер-министра Павлова (его предполагалось заменить Назарбаевым), заместив новыми людьми должности министра обороны и председателя КГБ СССР, а также объединив функции Министерства иностранных дел и Министерства внешнеполитэкономических связей (см. «Известия», 13 августа 1992 г.).

СССР как помеха выполнению намеченного замысла. Ведь такой Договор их вполне устраивал: с одной стороны он вроде бы сохранял должность союзного Президента, а с другой — фактически ликвидировал Союзное государство как федерацию советских республик. Не видеть этого мог только слепой.

Более того, предлагавшийся к подписанию и существенно измененный на секретной встрече «тройки» проект Договора до 16 августа 1991 г. не публиковался в печати, поскольку, несомненно вызвал бы возражения общественности. Ограничились рассылкой текста Договора главам полномочных делегаций. Причем ничего не говорилось о проведении заседаний республиканских парламентов, хотя это было предусмотрено в принятых ими ранее решениях.

Что же касается союзного парламента, то он напрочь устранялся от участия в разрешении коренных проблем существования нашего государства. Председателю союзного парламента и руководителям палат предлагалось лишь молчаливо присутствовать при подписании Договора, противоречащего итогам всенародного референдума.

Я попадал, таким образом, в положение человека, который, не считаясь с ясно выраженной волей Верховного Совета СССР, «освещал» бы своим присутствием заключение Договора, по сути дела разрушающего основы Советской федерации. Об этом мы говорили с союзным президентом в получасовом телефонном разговоре 13 августа 1991 г. — всего за пять дней до августовских событий.

Мое заявление, которое я подготовил после этого разговора в связи с присланными мне предложениями депутатов и граждан, почти дословно

воспроизводило позицию Верховного Совета СССР по проекту Союзного договора и не содержало даже намека на какие бы то ни было чрезвычайные меры. 18 августа я внес в заявление лишь небольшие уточнения. Ни от одного слова этого достаточно выношенного документа я не отказываюсь и сегодня. Он насквозь пронизан мыслью о том, что Союзный договор необходим и что его следует заключать после проработки в Верховном Совете СССР и приведения в соответствие с решением всенародного референдума.

18. ГОРБАЧЕВ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ИМЕННО «ПУТЧИСТЫ» ВИНОВНЫ В СРЫВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА. ЕЛЬЦИН СЧИТАЕТ, ЧТО «МОГИЛЬЩИКАМИ» ЭТОГО ДОКУМЕНТА БЫЛИ НЕ ТОЛЬКО «ПУТЧИСТЫ», НО И САМ ГОРБАЧЕВ. ТАК ЛИ ЭТО? КТО ВСЕТАКИ ТАК БЛЕСТЯЩЕ РАЗЫГРАЛ КАРТУ РАЗВАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА?

Представлять «путчистов» единственными и даже главными виновниками срыва заключения Союзного договора — значит начисто забыть, какое отчаянное сопротивление оказывали радикал-демократы и национал-сепаратисты идее сохранения Союза перед общенародным референдумом, об их призывах бойкотировать голосование, забыть, как злобно велась война законов, бюджетов, юрисдикций, как медленно, но верно выхолащивалось из проекта Союзного договора все, что хотя бы отдаленно напоминало федерацию.

Обвинения в срыве «путчистами» подписания Договора о ССГ звучат сейчас почти в каждом выступлении Горбачева. В сентябре 1991 г. он даже вписал это обвинение в общее заявление руководителей республик и настаивал на том,

чтобы оно вошло в резолюцию внеочередного V-го Съезда народных депутатов СССР. Еще бы! Это давало возможность снять с себя вину за развал Союза. Но участники Съезда оказались сдержаннее и мудрее президентов. В своем постановлении они констатировали, что августовскими событиями не «сорван», а лишь «поставлен под угрозу процесс формирования союзных отношений» и здесь же поручили республиканским руководителям «ускорить подготовку к подписанию договора о Союзе Суверенных Государств» («Ведомости», 1991, № 37, ст. 1081).

Действительно, кто мог помешать заключить Договор через неделю после «путча», в дни V-го союзного Съезда народных депутатов? Практически никто. Но нет, не тут-то было! Съезд распускается. Отвергается даже та «конфедерация», которая была поспешно предложена Горбачевым. И не «путчисты» тому виной, а в первую очередь опасения республиканских лидеров, что на смену власти центра придет власть России. Они с тревогой наблюдали, как быстро своими указами российский президент подчинил себе союзные органы управления, армию, МВД и КГБ. Были они хорошо осведомлены и о намерениях «демократов» слить посты президента РСФСР и президента СССР, отчетливо видели то, как стремительно захватывали бывшие союзные министерские кресла министры Российской Федерации. Г. Попов на страницах «Известий» не так давно раскрыл этот секрет, который для республик давно был секретом Полишинеля. Об этом, кстати, свидетельствовала и позиция ряда республиканских лидеров, занятая уже в самом начале августовских событий, и поспешность в провозглашении независимости республик не в ходе, а именно после так называемого «путча».

Здесь не место длинным цитатам, но одну я все же вынужден привести, тем более, что она проливает свет на историю гибели Союза и принадлежит человеку, вовсе не противостоящему российскому президенту, — Григорию Явлинскому. Когда корреспондент спросил его, почему Ельцин выбрал команду Гайдара, а не Явлинского, тот ответил: «У нас были принципиально разные взгляды на то, как надо вести реформу, на ее стратегию и тактику, способы политического обеспечения... У Бориса Николаевича и его ближайшего окружения были четкие политические установки, которые они считали приоритетными и хотели реализовать в любом случае. Прежде всего это одномоментный (в прямом смысле — в один день), не только политический, но и экономический развал Союза, ликвидация всех мыслимых координирующих экономических органов, включая финансовую, кредитную и денежную сферу. Далее всесторонний отрыв России от всех республик, включая и такие, которые в то время не ставили такого вопроса, например, Белоруссия, Казахстан... Таков был политический заказ» («Литературная газета», 1992, № 44).

Как видим, тайное становится явным! Была четкая политическая установка: поставив страну перед свершившимся фактом, сделать все в один день. Таким роковым днем стало 8 декабря 1991 года. Поэтому вовсе не удивительно, а, наоборот, соответствует строгой правде заявление Президента Казахстана Назарбаева: «Без России не было бы беловежского документа, без России не распался бы Союз» («Независимая газета», 6 мая 1992 г.).

Так что не надо пенять на «путчистов» как могильщиков Союзного договора. Ведь даже

самые рьяные демократические радетели последнего варианта этого Договора признают, что его подписание было мыслимо лишь в том случае, если «Горбачев собирался после подписания договора начать громить центр и его становой хребет — структуру КПСС или готов был дать это сделать республикам». Такой вывод Г. Попова весьма красноречив не только сам по себе, но и потому, что подтверждается рядом документов из следственного дела ГКЧП.

Переворот в государственном устройстве страны был задуман давно. Теперь он стал фактом. «Мы хотели сделать этот ПЕРЕВОРОТ, подписав договор, но только мирным путем», — заявляет Р. Хасбулатов, анализируя августовские события. «Произошел своеобразный ПЕРЕВОРОТ только без танков», — вторит ему бывший президент СССР в своей последней книге. «И в России, и в Верховном Совете РСФСР были, конечно, противники подписания нового Союзного договора. Со второго этапа договор поддержал Ельцин. Но при подписании мы намеревались определить сроки, что этот договор будет действовать один год. Что же касается последствий путча, то его провал привел к **НОВОМУ КАЧЕСТВЕННОМУ СОСТОЯНИЮ** в стране... Не было счастья, да несчастье помогло», — добавляет И. Силаев.

Таким образом, перед нами признание того, что настоящий переворот имел место не 19—21 августа, а позже, когда «демократам», захватившим власть, удалось начать ломку существующего конституционного строя и перевод его в «новое качественное состояние». И здесь совсем по-иному видятся «герои» трагедии, в которую была ввергнута наша страна. Повторяю снова и снова: Союз ССР разрушили не народы, не тру-

дящиеся различных национальностей. Его развалила ожесточенная борьба за власть политиков, не задумывавшихся даже как следует, на что они руку поднимали, какую тысячелетнюю историю поворачивали вспять!

19. КАКОВА ВАША ОЦЕНКА «МИНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ», УЖЕ ПОЛУЧИВШИХ В НАРОДЕ НАЗВАНИЕ «БЕЛОВЕЖСКИЙ ПУТЧ»?

Роспуск Съезда народных депутатов СССР повлек за собой стремительное ослабление союзной власти. Начался обвальный процесс отторжения республик от того политически и экономически единого организма, каким был Советский Союз. Сам союзный президент своими решениями открыл для этого зеленую улицу. 6 сентября 1991 года за его подписью выходят постановления только что созданного Государственного Совета СССР о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии. Это произошло на следующий день после роспуска Съезда народных депутатов СССР, на котором подобные решения могли вообще провалиться.

Вправе ли был Государственный Совет принимать постановления, фактически закрепляющие выход из СССР трех республик, народы которых более полувека жили в дружбе и согласии с другими народами нашей страны? Нет, такими полномочиями Госсовет не обладал. Его акты были в вопиющем противоречии с Конституцией СССР, союзным Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» и наносили тяжелейший удар по интересам сотен тысяч проживающих в Прибалтике людей так называемой «некоренной национальности».

Видя, что Союз разваливается на глазах и что почва уходит из-под его ног, Горбачев попытался воскресить Ново-Огаревский процесс. Теперь он уже был согласен на создание конфедерации в ее законченном виде, лишь бы только она имела избираемого населением хотя и безвластного президента. Но и эти переговоры ни к чему не привели. Республиканских лидеров уже в целом не устраивал подход к конфедерации, как к самостоятельному государству. Попытки же убедить Горбачева, что при этом для него найдется какое-то место, не устраивали союзного президента.

Такая позиция республик была далеко не случайной. С середины ноября 1991 года в тайне от союзного президента, за кулисами шла интенсивная подготовка к встрече, которая окончательно похоронила Союз. Эта встреча состоялась почти ровно через три месяца после роспуска союзного Съезда народных депутатов. Собравшись в Беловежской пуще, руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества независимых государств, объявив о «прекращении существования» Союза ССР как геополитической реалии. Судьба великого многонационального государства была определена сговором трех политиков вопреки всем действующим конституционным нормам и без ведома президента СССР, который был поставлен в известность о случившемся после президента Соединенных Штатов Америки.

Застигнутый врасплох, Горбачев пишет заявление, в котором протестует против немедленного внесения беловежских соглашений на утверждение парламентов Союза и республик. «Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компе-

тенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо, — заявляет он, — созвать такой Съезд. Кроме того я бы не исключал и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу». Однако понимание роли союзного Съезда пришло к президенту слишком поздно. Своими же руками он помогал покончить с этим органом власти, представлявшим все население страны и отстаивавшим решение, принятое народом на всесоюзном референдуме.

Что же касается «тройственного соглашения» в Беловежской пуще, то с правовой точки зрения оно не выдерживает никакой серьезной критики. Достаточно сказать, что российский президент, подписывая это соглашение, сознательно превысил свои полномочия, закрепленные в ст. ст. 121¹—121⁸ Конституции России, присвоив себе функции Съезда народных депутатов РСФСР (ст. 104 Конституции). Одновременно были нарушены ст. ст. 2, 5, 73—78 и 108 Конституции СССР. Самые видные юристы вынуждены были признать, что в действиях «беловежской тройки» есть все, что характеризует государственный переворот — и покушение на суверенитет, территориальную целостность, обороноспособность огромной страны, и преднамеренное разрушение всех структур союзной власти, включая президентскую, и полное пренебрежение к воле народа, выраженной на референдуме.

И хотя до сих пор с парламентских трибун и страниц печати можно услышать, что разрушение Союза было предпринято прежде всего для того, чтобы поскорее разделаться с надоевшим союзным президентом, нельзя не содрогнуться от такого рода суждений. Не слишком ли огромной и страшной ценой было за это заплачено?

Нет, это был реальный, разрушительный

государственный переворот, насилие над волей советских народов. Поэтому не зря в гущу народной минские соглашения и называют «беловежским путчём». Мнимый «августовский переворот» был использован лишь как повод, как удобное оправдание для настоящего, подлинного августовско-декабрьского переворота, для слома Советского государственного и общественного строя.

И чем дальше раскручивается тяжелый маховик этого переворота, тем острее будут ощущать миллионы людей, что значили для них социализм, советская власть, Советский Союз, дружба народов и авторитет их страны во всем мире.

20. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ФАКТУ РОСПУСКА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ЕГО ДО СИХ ПОР ЗАКОННЫМ ОРГАНОМ ВЛАСТИ?

Роспуск союзных структур власти в целом был губительным шагом, во многом предопределившим судьбу Союза. После беловежской акции трех президентов Верховный Совет СССР оставался последним оплотом, способным хоть в какой-то мере отстаивать общие интересы советских народов. Союзных депутатов могли отозвать только те, кто их избрал, а не высшие органы власти республик. Но эти органы все-таки пошли на такой противозаконный шаг. Верховный Совет СССР был вынужден прекратить свою работу. Хотя, повторяю, полномочия депутатов никто, кроме избирателей, отобрать у них не мог и не может.

Как сложится дальнейшая судьба народных депутатов СССР, сказать сейчас трудно. Достаточно напомнить гонения, обрушившиеся на них, когда они съехались на свой VI-й Съезд. Хотя с

точки зрения юридической, с позиций постановления V-го Съезда народных депутатов СССР от 5 сентября 1991 г. полномочия всех союзных депутатов сохраняются до истечения срока их легислатуры.

Хочу еще раз сказать и о том, что время рано или поздно заставит по достоинству оценить труд народных депутатов СССР, накопленный ими опыт. Не так давно один из обозревателей «Известий» заметил: «Если смотреть объективно, то бывший Верховный Совет бывшего Союза сделал немало: стал походить на парламент, то есть постоянно действующий законодательный орган. Подготовлено немало прочных, устойчивых законов, их не стыдно заимствовать сегодняшним парламентам государств — членов Содружества».

Что ж, обозреватель, я думаю, прав. Чем дальше будет идти развитие экономических и политических отношений стран СНГ (а хотелось бы надеяться, что будет именно так), тем больше будет необходимо создание единых правовых основ их взаимодействия, а затем и учреждение общих межгосударственных парламентских органов. Начало, как известно, положено. А это значит, что снова придется, вспоминая об опыте парламента Союза ССР, сказать словами немецкой пословицы: «Ты хорошо поработал, старый крот!»

21. ВОЗМОЖНО ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЮЗА ССР?

Конечно, воссоздать Союз ССР в том виде, в каком он существовал, сегодня и невозможно, и нереалистично. Нужен обновленный Союз,

союзное государство суверенных народов, базирующееся на добровольности, современных реалиях и тенденциях экономической интеграции, научно-технического прогресса, тесного сотрудничества миллионов людей разных национальностей. В этом я оптимист и надеюсь, что такой будущий Союз впитает в себя весь положительный опыт советской федерации, дружбы наших народов и решительно отринет как страшные деформации прошлого, так и нелепые выверты сегодняшнего национал-сепаратизма с его кровавыми столкновениями, сотнями тысяч беженцев, горем ни в чем неповинных людей.

Никакие экспромты, никакая непредсказуемость и импульсивность здесь недопустимы. Национальные отношения — слишком тонкая и чувствительная материя. Их налаживание требует длительных, кропотливых усилий. В национальном вопросе легко в одночасье нарушить равновесие, а потом долгие годы требуются на восстановление доверия народов друг к другу, поддержание их нормальной совместной жизни.

Объективные предпосылки для воссоздания обновленного Союза у нас имеются. Их диктует экономика, более всего страдающая от разрыва хозяйственных связей, пограничных таможенных, ценовых, валютных и других барьеров. Их диктуют потребности научно-технического прогресса, забота об охране здоровья и образования населения, взаимообогащения национальных культур. Наконец, их требуют глубокие традиции повседневного общения людей разных национальностей в труде, в быту, в защите отечества.

Вместе с тем ясно, что на стихийность в таком движении к новому Союзу рассчитывать нельзя.

Она ничего не даст, если не будут действовать реальные политические, общественные силы, выступающие за восстановление дружбы и сотрудничества народов. Именно этим силам предстоит тяжелая борьба за налаживание совместного управления такими сферами общих интересов бывших союзных республик, как энергетика, транспорт, фундаментальные научные исследования, оборона, экология, защита прав человека. Здесь возможны отступления и поражения, поиск каких-то промежуточных этапов в воссоздании Союза, возможны сочетания элементов федерализма и конфедерации, координация экономических, внешнеполитических и оборонительных программ, особый режим существующих границ, договоренности о предотвращении межнациональных конфликтов.

О необходимости такой последовательной, наступательной стратегии общественно-политических сил говорит и то, что в каждой из бывших республик наряду с конструктивными силами, выступающими за Союз, имеются агрессивно настроенные националистические, сепаратистские движения. У них не только есть своя массовая база, но и поддержка из-за рубежа. Ведь недаром международные финансовые магнаты открыто заявляют, что они намерены оказывать помощь не всем республикам вместе, а каждой из них в отдельности, соизмеряясь с тем, насколько быстро и твердо она будет двигаться по пути капитализации и свободного рынка. Далекое не случайно и то, что в США и других странах Запада практически уже не употребляется термин «Содружество» в отношении бывших республик СССР. Их именуют кто «новыми независимыми государствами», а кто и вовсе «Цент-

ральной Евразией». И это не прихоть, это политика. Выражая ее, такой давний «друг» нашей страны, как Г. Киссенджер в одной из своих речей в начале 1992 года однозначно заявил: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции к воссоединению ее народов в единое, крепкое, централизованное государство».

И все-таки, несмотря на такие заявления наших зарубежных «доброжелателей», несмотря на весь накал нынешней борьбы националистических и интернациональных сил, на все пожары сегодняшних межнациональных конфликтов, мне представляется, что перспективы возрождения Советского федеративного государства и дружбы народов остаются. Они будут тем более ощутимыми, чем более решительной будет борьба за сохранение социалистических начал жизни нашего общества, за ограничение губительного эксперимента по втягиванию страны в орбиту дикого капитализма, социального и национального неравенства.

22. КАКОВЫ, С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СНГ? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СНГ ЖИЗНЕСПОСОБНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ?

Теперь, когда минул год с тех пор, когда усилиями «беловежского триумvirата» вопреки всем конституционным нормам и воле народа Союз ССР был разрушен, мы имеем возможность реально оценить, насколько пригодна для наших народов конструкция Содружества. Ясно одно, что самых острых проблем развития народного хозяйства, межнациональных отношений,

военно-стратегической политики это Содружество решить до сих пор не смогло. Напротив, негативные тенденции преобладают над тенденциями позитивного порядка. Между бывшими советскими республиками все сильнее разгорается экономическое противостояние. Рубль как единая валюта СНГ фактически находится на смертном одре. Раскол армии привел к тому, что бывшие однополчане все чаще начинают стрелять друг в друга. Развал Союза вызвал раскол внутри республик — раскололась Молдова, начался процесс разрушения Таджикистана и Грузии. Вспыхнул межнациональный пожар на юге России.

Мне кажется, что лидеры независимых государств, погрузившись в политическую пучину укрепления ими власти, вообще боятся сказать себе правду. А она состоит в том, что подлинная координация и сотрудничество, хотя бы они того или нет, требует прежде всего погасить очаги межнациональной розни и быстро идти навстречу друг другу. При этом нельзя ограничиться только декларациями, многосторонними или двухсторонними соглашениями. Нужны эффективные механизмы взаимодействия, активно работающие межгосударственные силовые структуры, способные решать общие проблемы обороны и безопасности, банковские учреждения, органы управления энергетикой, транспортом, использованием природных ресурсов, информацией, метеорологией и т. д.

Ведь это же факт, что СНГ движется пока против всеобщего, доказанного мировой практикой течения интеграции. Но долго так продолжаться не может. Интеграционные процессы в экономике, науке, культурном обмене все же

возьмут верх. Хотя, возможно, для этого придется на новом витке повторить то, что уже проходили республики, создавая Союз ССР в двадцатые годы. Тогда тоже все начиналось с международного и военного сотрудничества республик, двигалось от экономических соглашений к политическому союзу. Мне довелось много работать с материалами по истории создания Советского союзного государства. Но нынешние политики не очень любят рыться в исторических архивах. Они гораздо более склонны поносить своих предшественников.

В то же время не хочется изображать тенденции развития СНГ в одних только мрачных тонах. Нельзя не видеть, что для руководителей государств — членов Содружества с каждым месяцем все яснее становится невозможность решать многие вопросы жизни своих стран в одиночку, только своими собственными силами. Все острее становится потребность единого экономического, научно-технического и законодательного решения тех или иных проблем. Стали появляться наконец первые межгосударственные институты СНГ, такие, например, как межпарламентская ассамблея, координационные органы совместного регулирования ряда сфер развития хозяйства, культуры, борьбы с преступностью. Все это вполне закономерно.

Поэтому жизнеспособность СНГ, на мой взгляд, зависит прежде всего от того, насколько лидеры этого Содружества будут способны вести курс на интеграцию республик, наций и народов. Надеюсь, что, несмотря на все трудности, время работает именно на их объединение, а не на дальнейшую разобщенность. Это ведь закон

общечеловеческого развития. Как бы ни были прочны запруды национальной обособленности и ограниченности, их все равно прорвет мощное весеннее половодье человеческого прогресса.

23. МОЖЕТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, РОССИЯ РАСПАСТЬСЯ ТАК ЖЕ, КАК СОЮЗ? ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЕЕ ЕДИНСТВА?

К сожалению, такая угроза остается. Достаточно часто из республик, входящих в состав России, раздаются угрозы покинуть федерацию в случае, если их требования или амбиции не будут удовлетворены. Думаю, что такие ультиматумы противоречат в первую очередь интересам тех народов, от имени которых выступают их политические лидеры. Трудные проблемы возникли в связи с заявлением о выходе из федерации Чеченской республики, с объявлением Татарстаном своего «ассоциированного членства» в Российской Федерации, конфликтом между ингушами и осетинами, с центробежными тенденциями в некоторых других республиках. Но я считал и продолжаю считать, что единство Российской Федерации надо всеми силами укреплять и оберегать. Это диктуется прежде всего тем, что интегрированность экономики в России гораздо сильнее, чем в любом другом государстве — члене СНГ. Только комплексное, согласованное развитие всех отраслей хозяйства, взаимный обмен материальными ценностями, научными достижениями, взаимообогащение культур могут обеспечить процветание народов России. Укрепление самостоятельности бывших автономий вовсе не противоречит этому.

Странно, что до сих пор некоторые российские лидеры бросают упрек, что Лукьянов вместе с Горбачевым, поддерживая идею приобретения бывшими автономиями статуса самостоятельных субъектов Союзного государства, имеющих право на подписание Союзного договора, таким образом, сознательно «натравливали» их против руководства РСФСР. Правда, сами представители автономий обвиняли меня в прямо противоположном, говоря, что я якобы препятствовал принятию закона, регулирующего отношения Союза ССР с субъектами федерации, где автономии объявлялись такими субъектами. Подобное заявление «автономистов» имеется даже в материалах дела об августовских событиях.

На самом же деле эти взаимоисключающие обвинения только еще раз показывают их абсурдность. Я никогда и нигде не призывал дать автономиям «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить», но и не считал возможным применение для решения национальных вопросов каких-либо силовых методов. Думаю, что главным залогом единства Российской Федерации служит, прежде всего, кропотливая работа по поддержке в бывших автономных республиках сил, выступающих с позиций дружбы народов и интернационализма, который пока не очень-то в чести у нынешних российских властных структур.

Исторически сложившаяся целостность России должна быть сохранена во имя укрепления сотрудничества всех народов, живущих на территории бывшего Союза.

Говорят, что национальный сепаратизм стал знаменем и проклятием конца нашего века, и нужно научиться преодолевать эту опасную

болезнь. Почему бы России с ее традициями дружбы и согласия народов, взаимопроникновения их культур, языков и наречий не послужить образцом в решении этой глобальной задачи? Здесь многое будет зависеть от четкости и продуманности политики как руководства Федерации, так и лидеров составляющих ее республик, национально-государственных и административно-территориальных образований России.

III. СУДЬБА ПАРТИИ КОММУНИСТОВ

24. МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ОТВЕТИТЬ, ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОДОРВАЛО КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ И ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ?

Давайте сначала ответим на вопрос, по кому пришелся первый и главный удар в ходе послеавгустовского переворота, который А. Солженицин назвал «великой преображенской революцией».

Ведь хорошо известно, что уже 22 августа, когда еще не успел закончиться так называемый путч, в Москве и ряде других мест такой удар был нанесен прежде всего по партийным комитетам. Опечатываются горкомы, райкомы, парткомы на предприятиях, начинается настоящий погром в зданиях ЦК КПСС и Компартии РСФСР. «Крутые парни» от имени «демократов» бьют стекла, срывают вывески, оскорбляют выгоняемых с работы сотрудников партийного аппарата.

Это потом будут взяты под стражу все члены ГКЧП, отправлено в отставку правительство СССР, заменен командный состав армии, КГБ и МВД. Потом начнется охота и доносительство на всех подозреваемых в поддержке «путчистов». Это потом появятся указы Президента России о запрещении деятельности организованных структур Компартии РСФСР и КПСС. Все это будет потом. А пока главная цель была в одном — немедленно сломать хребет партии коммунистов, изобразив ее зачинщиком и организатором августовских событий. Уже 22 августа 1991 г. тогдашний мэр столицы громогласно объявляет, что «причастность КПСС к перевороту несомнен-

на» и что надо срочно закрыть все партийные комитеты, распустить все партийные организации.

Таким образом, разгром Коммунистической партии, устранение ее с политической арены, как показывают бесспорные факты, был первой и наиважнейшей задачей переворота, в результате которого радикальные «демократы» пришли к власти. Они отлично понимали, что цели капитализации страны могут быть достигнуты только при условии, если будет разрушена и парализована та организация, которая является главным носителем социалистической идеи.

Оказалась ли партия способной противостоять такому нажиму сил, выступающих под флагами «демократической революции»? Ответ будет самый неутешительный. Коммунистическая партия к этому готова не была. Она оказалась дезориентированной и идейно разоруженной.

Причин тут можно назвать несколько.

Первая из них, несомненно, в том, что перемены в жизни партии, ее приспособление к работе в новых условиях после внесения изменений в статью 6 Конституции СССР шли слишком медленно. Отказ от старых привычек, от сложившихся за десятилетия стереотипов, связанных с руководящей ролью партии в обществе, оказался делом очень непростым, требующим и мужества, и твердости, а главное повседневного внимания к мнениям и настроениям партийных «низов». А разброд и шатания в многомиллионной армии коммунистов были очень велики. Скажем, в Верховном Совете СССР работали депутаты-коммунисты, входившие в партийную группу коммунистов, другие коммунисты входили в группу центристов и, наконец, были ком-

мунисты, являвшиеся членами Межрегиональной депутатской группы либо различных национальных (порой откровенно сепаратистских) групп и блоков. Такую же картину можно было наблюдать на местах. Партийные «верхи» зачастую оказывались глухими к идущим внизу процессам брожения. Авторитет партии в народе падал с каждым днем.

Вторая причина была связана с резким снижением уровня организации всей партийной работы. Уже в 1989 году после XIX партконференции фактически перестает действовать Секретариат ЦК КПСС, который раньше откликался на все существенные события в стране, оперативно определял позицию партии. На XXVIII съезде КПСС партия и ее Политбюро приобретают по существу федеративную структуру. Seriously нарушается принцип демократического централизма. Первичные партийные организации и местные партийные комитеты начинают действовать вразнобой именно тогда, когда требовалась наибольшая сплоченность коммунистов, особенно в связи с выборами в Советы, выступлениями национал-сепаратистов, необходимостью защиты трудящихся от бедствий нарастающего кризиса. Увеличивается разрыв между партией как массовой политической организацией и руководящими структурами ее центрального и местного аппарата. Министр юстиции России Н. Федоров, выступая в ноябре 1992 года в Конституционном суде, объяснял это тем, что партия «вышла из подчинения своего руководства». На деле же все обстояло с точностью наоборот: определенная часть руководства партии начала вести политику, противоречащую воле и настроениям партийного большинства, в том числе и большинства в ее Центральном Комитете.

Я ни в малой степени не погрешу против истины, если скажу, что подавляющее большинство членов ЦК КПСС выступало против ослабления социалистических начал жизни общества и развала Союза ССР, против возникновения нового сословия «состоятельных людей», нарастающего углубления социального расслоения, массового обнищания и безработицы. Можно ли это назвать сопротивлением реформам? Конечно, нет. Их необходимость понимали и поддерживали почти все. Серьезные расхождения были не в том, нужна или нет модернизация экономики и других сфер жизни общества, а о том, как, какими методами и темпами это делать, насколько активным должно быть здесь государственное регулирование. И такая направленность мыслей большинства членов ЦК отражала те настроения, которые были характерны для значительной части рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции страны.

Вот почему третьей причиной кризиса партии, ослабления ее влияния на жизнь общества и государства со всей определенностью нужно назвать оппортунистическую отступническую позицию Горбачева, Яковлева и некоторых других членов Политбюро. Как ни парадоксально, но многомиллионная партия, находившаяся в мучительных поисках своего места в обществе в условиях многопартийности, оказалась обременительной для ее генерального секретаря. Он и сам подтверждал это, не раз заявляя, что «не может работать с таким Центральным Комитетом». Показательно в этом отношении одно из интервью М. Горбачева уже в бытность его экс-президентом. В нем он откровенно признался, что до последнего момента сохранял за собой пост генсека прежде всего для того, чтобы

сдерживать партию, не давая ей возможности «идти по проторенному пути».

Отмечу только, что делалось все это под завесой слов об интересах партии и сохранении ее ведущей роли в обществе. В моем дневнике есть весьма примечательная в этом отношении запись разговора с М. Горбачевым вечером 1 июля 1991 г. Готовясь к пленуму ЦК, я считал возможным поставить на нем вопрос о нецелесообразности дальнейшего совмещения в одном лице постов президента и генсека с тем, чтобы усилить внутреннюю работу партии, повысить ее сопротивляемость натиску антисоциалистических и националистических сил. Тогда только что возникло «Движение демократических реформ», руководимое А. Яковлевым и Э. Шеварнадзе. Поэтому я задал М. Горбачеву прямой вопрос, правда ли, что он намеревается в какой-то форме примкнуть к этому движению, все больше отходя от руководства коммунистической партией. Я сказал тогда ему: «Если среди приверженцев нашей партии останется в конце концов всего один человек, то этим человеком буду я». — «Нет, нас будет двое!» — ответил мне Горбачев, который через два месяца отречется от своей партии, и это отступничество будет логическим результатом всей проводимой им ранее политики колебаний и компромиссов.

Конечно, можно было бы назвать другие факторы, подорвавшие Коммунистическую партию Советского Союза и ее роль в политической организации общества. Они, разумеется, были и в сфере идеологической, кадровой работы, и в отношениях партии с органами государства, и во взаимодействии с массовыми общественными организациями, но три момента, названные выше, думается, играли все же главен-

ствующую роль. Их разрушительное влияние на жизнь партии как раз и создало платцдарм для победы антисоциалистических и национал-сепаратистских сил, для втягивания страны в глубочайший за всю ее послеоктябрьскую историю кризис. Именно в этой трагедии партии и заключается, на мой взгляд, основная предпосылка того переворота в конституционном строе, который стал горькой реальностью наших дней.

25. ИЗМЕНИЛИСЬ ЛИ ВАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПОСЛЕ ПУТЧА И КРАХА КПСС? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЧЛЕНОМ КАКОЙ-ЛИБО ПАРТИИ И СТОРОННИКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА?

Я не принадлежу к людям, которые меняют свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Был и остаюсь приверженцем полновластия Советов и Советской федерации. Уверен, что социалистические, коллективистские взгляды, несовместимы с эксплуатацией и наживой, привычка к защищенности права на труд, на бесплатное образование и здравоохранение, на обеспечение в старости, на социальное и национальное равноправие глубоко вросли в сознание и повседневную жизнь миллионов людей. С этим нельзя не считаться.

Хотя столь же ясна и необходимость решительного обновления всех сторон жизни нашего общества, проведения радикальных экономических реформ на основе регулируемых государством рыночных отношений, развития как общественных, так и других форм собственности, не допускающих социального паразитизма, безработицы и обнищания людей труда. Нет сомнений, что нам еще предстоит строить институты реальной демократии, упрочивать гарантии прав

и свобод человека, законности и правопорядка. Отсюда мое отношение к социализму, как к справедливому, глубоко человеческому общественному строю, ценность и возможность использования опыта которого не оспаривает сегодня ни один мало-мальски серьезный политолог в мире.

В последнее время на меня как из рога изобилия сыплются упреки в том, что, поддерживая коммунистов, я, якобы, стою за возвращение тоталитарных порядков, защищаю КПСС от «справедливого суда истории», разоблачаю всякого рода отступников, двурушников и перевертышей. В «Независимой газете» по этому поводу помещено даже открытое письмо одной эмоциональной журналистики — бывшего народного депутата СССР. Что ж, принимаю этот вызов как должное. Я был и останусь членом той партии, в которую вступил почти сорок лет назад. Эта партия вырастила меня, укрепила духом и поддерживает в самые трудные дни. Горжусь этой поддержкой и всегда буду в долгу перед коммунистами, верившими в меня и требовавшими достойно нести свою партийную ношу.

Положение Председателя Верховного Совета СССР часто заставляло меня «держаться дистанцию», сохранять нейтралитет, стараться найти какую-то равнодействующую в жарких спорах парламентских фракций. Наверное, не всегда это удавалось. Но я и тогда не отказывался, как не отказываюсь сегодня, от своих политических убеждений.

Что касается «краха КПСС», то уверен, что по нашей партии рано еще служить заупокойную молитву. Да, партия потерпела тяжелое поражение, была практически поставлена вне закона, находится под постоянно нагнетаемым давле-

нием антикоммунистических сил и их пропаганды. Но это поражение временное. Коммунистическая партия жива. Очищаясь от оппортунистической, ликвидаторской скверны, она возродится как организация миллионов рабочих, крестьян и интеллигентов, приверженных идеалам социализма, демократии и социальной справедливости в глубоком и полном их понимании.

26. БОЛЬШЕ ГОДА ТОМУ НАЗАД ВЫШЛИ УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ, ЗАПРЕЩАЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПСС И КП РСФСР. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ КАК ПОЛИТИК И КАК ЮРИСТ?

Думаю, что на этот вопрос надо смотреть гораздо шире. Ведь речь идет о более чем 40 миллионах наших соотечественников, прошедших через КПСС, а с их семьями это больше четверти населения страны. Речь идет о миллионах коммунистов, которые отдали свои жизни за дело рабочего класса, за социализм, за разгром фашизма. Наконец, речь идет о сотнях миллионов беспартийных, которые верили в идеалы социализма, трудились, строили, страдали, защищали свое советское Отечество. Допуская поругание их памяти, мы предаем самих себя, свою историю.

С точки зрения политической попытка Президента России запретить Коммунистическую партию означает только одно — во что бы то ни стало избавиться от сильной политической оппозиции. Старательно распространяемые слухи о распаде коммунистического движения нарочито гипертрофируются. Российское руководство прекрасно понимает, что коммунистическое движение было и остается достаточно мобильным, намного превышающим по численности другие

возникающие в последнее время партии и партийки. Несмотря на драконовские меры и гонения, коммунисты и другие сторонники социалистической ориентации развития общества остаются крупнейшей политической оппозиционной силой.

Отсюда три главных направления действий сегодняшних российских властей:

Во-первых, по возможности дискредитировать и предотвратить консолидацию коммунистов, представить КПСС как преступную организацию, причем государственного, а не общественного характера, лишить ее собственности, отобрать средства массовой информации. Вполне очевидно стремление властей как можно дольше затягивать решение этих вопросов с тем, чтобы лишить коммунистов легальной возможности быстро объединить и сплотить свои ряды. С этой же целью, кстати, инициируются истощенные вопли о захвате бывшей партгосноменклатурой ключевых постов в экономике и в управлении, запугивание людей так называемой «красно-коричневой» опасностью.

Во-вторых, отчетливо выявилось сейчас стремление «демократов» соединить требования «суда над КПСС» с судом над ГКЧП. Нынешние лидеры «Демократической России» откровенно заявляют, что суд над ГКЧП будет довольно сложен. Ведь его надо проводить применительно к старой Конституции и законам СССР, а ведь демократам «пришлось» и самим нарушить эти законы, особенно в Беловежской пуще. Отсюда и идея, выдвинутая недавно Г. Поповым: «Судить ГКЧП можно только как звено суда над КПСС. А сам суд над КПСС — как в свое время суд над национал-социализмом в Нюрнберге — требует не апелляции к законам социалистичес-

кого государства, а принятия особого статуса суда, особых норм» (см. «Известия» 21 августа 1992 г., № 189).

В-третьих, всеми возможными средствами «демократы» добиваются раскола и разобщенности коммунистического и социалистического движения, стараются ни в коем случае не дать ему снова глубоко врасти в рабочую и крестьянскую среду, выйти на передовую интеллигенцию, на широкие патриотически настроенные слои населения. Для этого все средства хороши: и заявления предавших партию бывших коммунистических бонз, и выступления некоторых представителей художественной элиты и духовенства, и рассчитанные на несведущего обывателя басни о «золоте партии» за границей и т. д. Исполдволь, но весьма активно используется для этих целей и намеренно разжигаемый «вождизм» руководителей мелких партий социалистической ориентации, «самоедство» лидеров всякого рода гражданских и патриотических фронтов. И тут много зависит от руководителей социалистических движений: либо им хватит политической зрелости побороть свои амбиции и создать широкий антикапиталистический фронт, либо оппозиционные движения, рассеянные по своим мелким окопчикам, окажутся не способны сдержать «танковые армады» антикоммунистов, содержащиеся на средства новой российской буржуазии.

Таково, может быть, несколько прямолинейное, но искреннее мое мнение как политика.

Что же до мнения юриста, то совершенно однозначно можно сказать, что президент Российской Федерации в пределах полномочий, представленных ему Конституцией и законами, не имел никакого права запрещать Коммунистическую партию России и уже тем более Комму-

нистическую партию Советского Союза. До декабря 1991 года прямое упоминание о КПСС содержалось в тексте Конституции СССР. Партия была официально зарегистрирована, и только Верховный суд (но ни в коем случае не президент) был вправе решать ее судьбу.

27. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О КОНСТИТУЦИОННОСТИ КПСС В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ?

Конституционный суд прекрасно знал, что с точки зрения чисто юридической указы Ельцина о запрете КПСС антиконституционны не только потому, что у Президента России просто нет законного права запрещать политические партии. Эти указы — открытые посягательства на основные права человека, которые Президент поклялся защищать. Вот почему буквально накануне слушания дела в Конституционном суде появился «встречный иск» депутата О. Румянцева — ходатайство о рассмотрении вопроса о конституционности КПСС вообще, а по сути дела о возможности поскорее очистить политическую арену от коммунистов.

Соединение этих двух ходатайств не имело никаких оснований с точки зрения процессуальной, не говоря уж о том, что совершенно противоправна попытка юридической оценки любых действий, имевших место до того, как Конституционный суд получил для этого необходимые полномочия, представленные ему только 21 апреля 1992 года. Как известно, закон обратной силы не имеет. В общем-то это азы права. Их, пожалуй, было даже неловко напоминать опытным юристам.

Что же касается существа «встречного иска»,

то утверждения, что КПСС была вовсе не общественным объединением, а неким «государственным монстром», бюрократической структурой, «вмонтированной в государственный аппарат», юридически просто беспомощны. Партии потому и являются политическими, что ведут борьбу за власть. Любая из них, придя к власти, по-своему «срастается» с государством, расставляя своих людей на ключевых участках управления. У некоторых партий после такой «раздачи» постов даже депутатов в парламентской фракции становится маловато. И здесь за примерами, видимо, не надо далеко ходить.

Странно другое — когда заявления о том, что КПСС была «государственной организацией», исходят от ее бывших лидеров. Ведь именно они, а не миллионы рядовых коммунистов, как раз и олицетворяли «сращивание» руководящих партийных и государственных структур.

Конечно, семь десятилетий функционирования КПСС как единственной и правящей партии не могли не наложить на нее свой отпечаток. Они сопровождались тяжелейшими деформациями. Но нельзя забывать, что личная диктатура Сталина стала возможной не по вине партии, а только благодаря расправе, учиненной им и его сатрапами над самой партией, когда в 30-е годы было уничтожено около 800 тысяч ее членов, в том числе почти вся старая партийная гвардия. Этого никто не может отрицать. Потом партия, как известно, сама начала освобождаться от такого наследия, разоблачив культ личности Сталина и его последователей, предложив изменения в Конституцию, приняв новый Устав, развивая все формы внутрипартийной демократии.

Но взгляните попристальнее на те партии и движения, которые сегодня у власти. Ведь они, как это ни парадоксально, гораздо быстрее, чем

коммунисты, стали срастаться с государственными структурами, «раздавая» своим сторонникам и посты, и портфели, и привилегии.

Не менее абсурдны обвинения КПСС в том, что она «поддерживала националистические движения и разжигала межнациональную рознь». Если быть хоть мало-мальски объективными, то нельзя не признать, что именно единая многонациональная партия была наиболее весомой гарантией устойчивости советской федерации, а разрушение партии стало одной из самых главных причин трагедии нашего Союза. Ведь национал-сепаратизм и национал-карьеризм несовместимы с подлинно коммунистическими убеждениями.

Насквозь лживы утверждения, будто КПСС была «руководящей силой августовского путча». Сколько не билась «своя» прокуратура в поисках улики этой зловещей роли коммунистов, ничего у нее не вышло. В итоге в конце 1991 года ей пришлось закрыть все уголовные дела против краевых, областных и других местных партийных организаций. За отсутствием состава преступления было прекращено уголовное преследование руководства Московской и Ленинградской партийных организаций, а затем и девяти секретарей и членов Политбюро Центрального Комитета партии.

Таковы неоспоримые факты, которые были представлены членам Конституционного суда России. Как показало судебное разбирательство, длившееся более полугода, есть силы, которые уже заранее запрограммировали решение высшего судебного органа страны, хотя он сразу же признал фактически запрещенную коммунистическую организацию равноправной стороной процесса. В этих условиях суд, видимо, будет

искать какое-то компромиссное решение. Но нельзя, чтобы этот компромисс был за счет отступления от смысла и буквы Конституции. От того, насколько строго будут соблюдать судьи это неперемutable требование, можно без преувеличения сказать, зависит не только престиж нынешних государственных институтов России, но и судьба самого Конституционного суда.

Оценивая в целом происходящее я еще и еще раз возвращаюсь мысленно к тому, сколько в этом веке было легальных и силовых попыток запретить свободу мысли, слова, партийных убеждений. И каждый раз думаю, неужели деятели, затеявшие политический процесс о неконституционности Коммунистической партии, не понимают, что обречены на очередной провал.

Не так давно О. Румянцев в своем радио-интервью сказал, что процесс в Конституционном суде проходил «post factum», поскольку КПСС вообще не имеет будущего и ему «даже жалко сидевших» в этом зале стариков, все еще верящих в свои коммунистические догмы, которых современная молодежь не поддерживает и поддерживать не будет, «особенно те миллионы молодых людей, которые станут заниматься бизнесом». Ничего не скажешь — довольно категоричное заявление. В этой связи вспомнилось, как будучи в Англии, я спросил одного из высокопоставленных британских государственных деятелей: «Скажите, сколько примерно молодых англичан занимаются бизнесом?» — «Всего примерно четыре-пять процентов», — ответил тот. «А остальные?» — поинтересовался я. «Ну, а остальные оказались неудачниками». Так вот, не кажется ли депутату Румянцеву, что эти неудачники, вкусив прелести частно-капиталистического предпринимательства, довольно быстро

вновь обратят свои взоры к социализму. И я почему-то очень верю в этот отток, в то, что движения, поддерживающие социализм, всегда будут привлекать молодежь, что они будут делать свое историческое дело прежде всего руками молодых энтузиастов. Молодые и прогресс — это вечный перевес.

Вообще, думается, что все гонения на коммунистов, попытки суда над КПСС, какими бы ни были его решения, только еще больше сплотят людей, связавших себя с идеями социализма, будут привлекать в партию все новые и новые силы. Тем более, что нельзя, невозможно консолидировать общество, если будет запрещена многомиллионная партия, если не будет учитываться ее голос, ее мнение по всем вопросам общественного развития.

28. КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ, ЕСЛИ БЫ ВАМ ДАЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫСТУПИТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ В ЗАЩИТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ?

Думаю, что защищать интересы коммунистов в Конституционном суде — значило защищать права и свободы не только членов партии, не только граждан, приверженных идеалам социализма. Речь идет на деле о защите принципов реального демократизма, который невозможен без политического многоголосия.

Для меня как юриста, длительное время изучавшего проблемы взаимодействия государственных и общественных организаций в нашей стране и за рубежом, было бы большой честью отстаивать исходные позиции правового государства и международных гуманитарных конвенций по отношению к моей партии.

Представляется, что и членам Конституционного суда было бы полезно узнать, как складывались в последние годы отношения партии, ее Центрального Комитета со Съездом народных депутатов и Верховным Советом СССР. Ведь это факт, что после внесения изменений в статью 6 Конституции партия на практике все больше уходила от традиционных форм влияния на союзный парламент. Хотя по инициативе депутатов-коммунистов и было внесено немало глубоко демократических законопроектов, они не получали никакой предварительной апробации в ЦК КПСС, а парламентская фракция коммунистов вообще долгое время находилась в стадии становления. Такую же картину можно было наблюдать в республиканских и местных органах власти, среди которых было немало таких, где коммунисты вообще ушли в глухую оборону, далеко не всегда организованную оппозицию. Я внимательно следил за прениями сторон в Конституционном суде, и мне кажется, что Н. Рыжков, Р. Медведев, А. Денисов и целый ряд других народных депутатов СССР достаточно убедительно подтверждали именно такой характер отношений партии с высшим законодательным органом страны.

Для меня остается несомненным, что КПСС приобретала все больший опыт работы в парламенте, умение налаживать контакты и взаимодействие с другими парламентскими фракциями, активно наращивала процесс собственного реформирования. И эта ее вполне конструктивная и вполне демократическая деятельность была, как говорилось в Конституционном суде, на взлете подстрелена незаконными актами российских властей. Очень хотелось бы надеяться, что эта историческая несправедливость будет устранена.

Конечно, предстоит восстановить не партию прошлого, не партию восьмидесятых годов. Это должна быть новая по своей сути самоуправляющаяся общественно-политическая организация активно действующих и идейно единых коммунистов. И, если мы хотим, чтобы наше общество было подлинно демократическим, надо дать возможность коммунистам, действуя в легальных условиях, возродить свою партию.

29. СЕЙЧАС, ЗНАЯ ТО, ЧТО ПОИЗОШЛО, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО НАДО БЫЛО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ СОЮЗ И СОЦИАЛИЗМ? ЕСТЬ ЛИ СЕГОДНЯ РЕАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА (ПАРТИЯ, ДВИЖЕНИЕ), ЗА КОТОРОЙ ПОЙДЕТ НАРОД?

Мне кажется, я достаточно подробно рассказал о своем понимании того, что произошло в последние годы, назвал главные причины втягивания общества в новый безжалостный эксперимент теперь уже по построению капитализма в стране, имевшей пусть далеко несовершенный, чрезмерно огосударствленный, но в основе своей социалистический общественный строй. Его нужно и можно было радикально демократизировать и модернизировать, внедряя новые принципы экономической и политической жизни, повернуть лицом к нуждам и заботам человека. Но разрушать этот строй до основания, на мой взгляд, является глубочайшей ошибкой. И сколько бы проклятий ни сыпалось на мою седую голову, я отступить от этой своей позиции не могу.

А чтобы спасти социалистический строй, федеративный союз советских народов, нужно было тверже и последовательнее их отстаивать.

Отстаивать прежде всего коммунистам, депутатам Советов, всем истинным патриотам и интернационалистам. Первую скрипку здесь и должна была играть партия. Но она была предана своим ликвидаторским руководством, ввергнувшим страну в невиданно глубокий кризис. Это не могло не подорвать доверия к коммунистам у значительной части народа, рабочего класса и восстановить это доверие будет очень трудно. Да, исключительно трудно, но совершенно необходимо.

Сейчас, когда все более широкие массы потянулись в лагерь левых сил, они должны увидеть там не конгломерат мелких, иногда враждующих между собой группировок, а сплоченное, целеустремленное ядро бойцов за будущее страны. Вот почему объединение коммунистов, всех сил социалистической ориентации, всех движений, выступающих за восстановление мощной, глубоко демократической, многонациональной Советской державы, мне представляется главной задачей сегодняшнего дня и ближайшего времени.

Эту работу надо вести снизу, начиная с промышленных и сельскохозяйственных предприятий, с укрепления позиций Советов на местах, с решения самых острых задач защиты людей от обнищания, разорения, национального и социального неравенства. Эту работу надо вести во всех бывших советских республиках, шаг за шагом восстанавливая дружбу и сотрудничество наших народов, их стремление к экономическому, научно-техническому, оборонному, а в конечном счете и к государственному единству.

Таким образом, консолидация, а не разобщенность, решимость действовать, а не покорное терпение, коллективизм и товарищество, а

не групповой и личный эгоизм. В этом — главный смысл программных заявлений существующих у нас сегодня движений социалистической и патриотической ориентации, зовущих людей, действуя в строго конституционных, демократических рамках, защитить и обновить подлинно народный общественный и государственный строй.

И отвечая на вопрос, есть ли сегодня общественные силы, за которыми пойдет народ, хочется верить, что такие силы уже складываются, объединяются и будут действовать в одном направлении. Здесь многое придется преодолеть — и идейную разноголосицу, и личные амбиции, и сознательное разжигание внутренних противоречий. Но другого пути у нас просто нет. Только, сплотившись, можно обеспечить определенное демократическое равновесие и согласие в обществе, погасить кровавые костры межнациональных конфликтов, преодолеть хаос и разруху, восстановить статус мировой советской державы, с которой снова будут уважительно считаться другие народы и государства.

IV. ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИКОВ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ

30. ИЗВИНИТЕ, АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ, НО ВЫ СТАЛИ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННОЙ ПОРЯДОЧНОСТИ. В ТОЙ ИГРЕ, КУДА ВАС ЗАТЯНУЛИ, НЕТ ПРАВИЛ, ТАМ ЦАРЬ И БОГ — БЕСПРЕДЕЛ. ТАМ НЕТ ДУЭЛЕЙ И СЕКУНДАНТОВ. ТАМ ТОЛЬКО ХОЗЯЕВА, ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ. ВОТ ПОЧЕМУ ХОЧЕТСЯ СПРОСИТЬ: ЧЕМ ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО УПРЕКАЕТЕ СЕБЯ КАК ПОЛИТИКА?

Каждый человек должен отвечать за свои поступки, в какую бы трудную ситуацию он ни попадал, не теряя ни порядочности, ни честности, ни рассудительности.

Как гражданин, как бывший член советского руководства я не могу не чувствовать своей ответственности за ту трагедию, в которую втянута наша страна. И удивительно, что у бывшего союзного президента даже в его «прощальной речи» не нашлось слов о собственной ответственности перед народом.

Критическое отношение к себе, к своему делу — закон для любого серьезного политика. И у меня есть, в чем себя упрекнуть.

Думаю, что меня подвели в первую очередь доверчивость и еще не очень большой (ограниченный главным образом юридическими проблемами) опыт в той сложнейшей политической борьбе, которая шла и идет в нашей стране. Уж слишком сильно и упрямо верил я в непогрешимость М. Горбачева и некоторых других «архитекторов» и «идеологов» перестройки.

В свое время известный журналистский мэтр Александр Бовин вписал в текст брежневской речи незамысловатый лозунг: «Экономика

должна быть экономной». Позднее другой Александр, теперь уже Яковлев подсказал бывшему нашему президенту другой афоризм: «Больше демократии — больше социализма». Мог ли я тогда предполагать, что автор столь броского лозунга в защиту перестроечного социализма без всякого стеснения заявит в Конституционном суде, что все разговоры о социализме — это анахронизм, что они с Горбачевым еще в 1985 году задумывали разрушение всех политических и государственных структур и что в оправдание своего лицемерия этот человек будет потом доказывать, что все мы в свое время «говорили одно, думали другое, а на кухне — третье».

Сегодня таких деятелей, которые, сбросив социалистические одежды, сделали поворот на сто восемьдесят градусов, хоть пруд пруди. С моей точки зрения, это чудовищно.

Разувериться в человеке, которому доверял, для меня, может быть, самая большая трагедия. Но что подделаешь, политический опыт, здоровая политическая настороженность не приходят сами собой. Поэтому я корил и корю себя за то, что был недостаточно бдителен, решителен и последователен в борьбе с такими перевертышами, в защите социализма, союзного государства, советского конституционного строя, что не хватало у меня твердости в отстаивании своих позиций.

Хотя если быть до конца точным, то на последнем, июльском (1991 г.) Пленуме Центрального Комитета партии мне пришлось прямо без обиняков сказать: «Мы подошли к водоразделу, когда каждый из нас, каждый коммунист должен определить свою позицию. Обществу навязывают совершенно иной путь развития, проповедуются всеобщая денационализация,

дефедерализация, десоветизация... И нам надо сделать выбор, определиться по всем азимутам и прежде всего ответить, на мой взгляд, на главный вопрос, — чья мы партия? Партия трудящихся, рабочих, крестьян, интеллигенции или, как говорили совсем недавно, партия всего народа, включая быстро растущее племя предпринимателей и дельцов теневой экономики. Ответить — стремимся мы к обновленному социализму — строю социальной справедливости и социальной защищенности человека труда или сворачиваем к обществу, в котором социализму места быть не может. Нам надо ответить, остаемся ли мы, двигаясь к смешанной, многоукладной экономике, на позициях приоритета общественных форм собственности, либо этим приоритетом является частная собственность. Твердо и четко надо ответить, какой мы видим нашу страну в будущем: союзным государством, обновленной федерацией равноправных и суверенных республик либо аморфным конфедеративным союзом государств с различными законами, банками, таможенными, сотнями тысяч беженцев» («Рабочая трибуна», 27 июля 1991 г.).

Не всем тогда эти слова пришлись по душе, включая и президента. Да и теперь мне их нет-нет да и пытается припомнить лояльная властям пресса. Но ведь вся беда в том, что слова-то эти, к величайшему моему прискорбию, сбылись и никуда от этого не уйдешь.

Понятно, один человек, один политик, какой бы пост он ни занимал, не может остановить обвальные процессы, происходящие в обществе. Здесь требовались совместные усилия многих политических деятелей, всего Центрального Комитета партии, всего государственного руководства, способность организовать объединен-

ные действия миллионов людей в защиту социалистических завоеваний. Такого объединения, как известно, не произошло, и меня не покидает чувство, что в этом есть доля и моей вины, есть основания для горьких упреков самому себе.

31. РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОШЛОМ, ВЫ НЕИЗБЕЖНО ЗАДУМЫВАЕТЕСЬ О РОЛИ ГОРБАЧЕВА, КОТОРОГО ВЫ ЗНАЛИ, ВИДИМО, БЛИЖЕ ВСЕХ ЕГО СОРАТНИКОВ. ДЛЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА ОН «ЛУЧШИЙ НЕМЕЦ», МИРОТВОРЕЦ, ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР. ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ РОССИИ СОБИРАЮТСЯ ОТЛИТЬ ЕМУ ПАМЯТНИК ИЗ ЧИСТОГО ЗОЛОТА. ДЛЯ МНОГИХ ДРУГИХ ОН «ДЕМОН ЗЛА», РАЗРУШИТЕЛЬ СОЮЗА ССР И СОВЕТСКОЙ АРМИИ, ПРЕДАТЕЛЬ ИНТЕРЕСОВ КПСС И МИРОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА. ТАК КТО ЖЕ ОН — МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ, В ЧЕМ СОСТОИТ ЕГО «ФЕНОМЕН»? КАКИМ ВАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЕГО БУДУЩЕЕ?

Горбачев — дитя своего времени и той партийно-государственной системы, в которой он рос и двигался от должности к должности. Не будем лукавить, все мы, работавшие рядом с ним, и миллионы людей, том числе весьма далеких от политики, возлагали на него в 1985 году очень большие надежды. Оправдал ли он эти надежды? Думаю, что в целом, если говорить о нашем народе, не оправдал. Хотя, как Вы верно заметили, одни готовы ему золотой памятник поставить, а другие клянут на чем свет стоит.

Говорят, что бывший чехословацкий диссидент Зденек Млынарж, которого я, как и Горбачева, тоже знал еще по университету, вспоминает теперь, как на Воробьевых горах молодой студент Горбачев поклялся ему покончить со «сталинским социализмом». Я таких клятв не слышал, а помню Горбачева как правовежного

защитника социализма и коммунизма, красноречивого и непримиримого ко всякого рода «отступникам». Такими же были его выступления и в Ставропольском крае, и в Москве, куда он переехал в 1978 году, и в бытность его генеральным секретарем ЦК, скажем, на XXVIII съезде партии. Он тогда клялся, что перестройка — это «обновление социализма, который раскрывает огромные возможности перед современной цивилизацией».

Правда, в это же время, так сказать за кулисами, Горбачев говорит своему советнику, что «по убеждениям он близок к социал-демократии», стоит за переход от одного общественного строя к другому, за интеграцию страны в мировое сообщество. «И не думай, — предупреждал он, — что меня может что-то остановить, что есть порог, через который я не могу переступить» (см. «Известия», 18 ноября 1991 г., № 274). И переступил. В конце концов отступился от «социалистической ориентации перестройки» в пользу обвальная приватизации, ускоренного перехода к рынку, всемерного развития предпринимательства и капитализации страны. Вот такая двойная игра, двухмерность в политике, отсутствие последовательных принципиальных позиций и привели Горбачева к тому краху, какой вряд ли еще знает современная история: когда лидер отрекся от выросившей его партии. Причем мало того, что отрекся, но еще и попытался сделать вид, что это не он, мол, не достоин своей партии, а сама эта многомиллионная партия недостойна своего столь выдающегося лидера.

Пагубное стремление решать все, даже принципиальные вопросы путем компромиссов, импровизации и шараханье под воздействием обстановки и собственных советников стали

каким-то проклятьем, висевшим над этим человеком. Вспоминается такой случай. С большим трудом удалось доказать Горбачеву, что «Союзное государство» и «Союз государств» — это совершенно разные понятия, что именно здесь проходит водораздел между федерацией и конфедерацией. И вдруг перед очередной встречей в Ново-Огареве мне вручают за его подписью проект Договора «О Союзе суверенных государств».

— Как же так? — обращаюсь я к одному из помощников Горбачева, — ведь Вы юрист и философ и понимаете, что это вопрос принципа. Мы же вместе условились, что нам нельзя уходить от федерации, нельзя не считаться с результатами референдума.

— Я это помню, — отвечает помощник, — но формула «Союз суверенных государств», предложенная Александром Николаевичем Яковлевым, дает Михаилу Сергеевичу большой простор для компромисса.

И в этом весь Горбачев. Беспечная вера, что все «как-нибудь образуется» и постоянное отставание от событий. Уверенность, что каждое президентское слово должно действовать само собой, и неумение выслушивать мнение других. Удивительное нежелание защищать кого-либо из своей «команды» и стремление быстро избавляться от того, кто, «сделав свое дело», перестает быть ему нужным. Причем использовались при этом старые рецепты нашей партийной номенклатуры. Показалось, что стал мешать Лигачев, — прекращается работа Секретариата ЦК, а заодно и руководство его заседаниями со стороны Лигачева. Нужно как-то избавиться от Рыжкова — Совет Министров СССР преобразуется в Кабинет при президенте, в котором Рыжкову нет места.

Тогда, помнится, я говорил Горбачеву: «Ну теперь очередь за Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Но имейте в виду, что за ними ваши оппоненты целят в самого президента, который без Съезда и парламента не продержится и трех месяцев». Кстати, так и получилось — ровно через три месяца после роспуска Съезда, пользуясь горбачевским же рецептом, лидеры трех республик для того, чтобы устранить союзного президента, ликвидируют сам Союз ССР.

Тем более, что свою главную услугу радикальным «демократам» бывший союзный президент уже оказал, внеся, по словам Г. Попова, «выдающийся вклад в устранение КПСС и в крах системы государственного социализма» (см. «Известия», 24 августа 1992 г., № 190). Как гласит восточная пословица, оказанная услуга, — это уже не услуга.

Мне понятен феномен авторитета Горбачева на Западе. С ним Запад связывает окончание опасной конфронтации с противостоящим социалистическим лагерем, во главе которого стоял Советский Союз. Теперь этого лагеря больше нет. Разрушено содружество Варшавского договора и в конечном итоге ликвидировано равновесие в мире, что позволяет сегодня США, «семеркам», «девяткам», транснациональному капиталу в целом диктовать условия жизни народам нашей планеты.

Это о Горбачеве — политике. Что же касается его человеческих качеств, то если такие разные люди, как, скажем, партийный деятель Лигачев, бывший руководитель правительства Рыжков, лидер промышленников-предпринимателей Вольский и бывший посол Фалин в своих последних выступлениях дают ему почти одина-

ковую характеристику, то мне мало что остается добавить. Каждый из них отмечает, что президент не имел друзей и с легкостью «сдавал» своих сторонников, что он лишен был чувства товарищества, а в делах обладал «дьявольским умением» накладывать на нереализованные, недостаточно продуманные решения новые, еще более сомнительные, многократно менять свои позиции и пристрастия, что это был деятель, много говоривший об интересах партии, но для которого «практически партия в последний год не существовала».

Лишь один раз за все время услышал я критическую самооценку Горбачева. Это произошло на Крестьянском съезде, когда делегаты стали на фактах доказывать союзному президенту, что при его молчаливом согласии в стране идет деградация сельского хозяйства. Пытаясь как-то оправдаться, Горбачев вынужден был тогда сказать: «В чем-то у меня не хватило ума и умения выслушать». Тут он был прав. Дальновидная политика предполагает умение очень внимательно слушать людей и требует глубоких социально-политических знаний, а не осведомленности обо всем понемногу. Недаром мудрый старик Бернард Шоу ядовито говаривал о политиках: «Тому, кто ничего не знает, но считает, что знает все, политическая карьера обеспечена».

Что же касается будущего экс-президента СССР в своей собственной стране, то, не ссылаясь на данные социологических и прочих опросов, скажу так: своим отказом от социалистической ориентации перестройки Горбачев сжег себя как политического лидера. И какие бы шаги им ни предпринимались, здесь его роль, по всей вероятности, исчерпана. Политик, отрекшийся

от своей, вырастившей его партии, не может не погаснуть в пустоте.

Думаю только, что даже в этой ситуации не следует валить все наши вчерашние и сегодняшние беды лишь на Горбачева. Плохая, аморальная это традиция. Надо всегда помнить, что таким сделала его уходящая в прошлое система и рождаемый ею характер партийного функционера. В какой-то мере таким его делали и мы, те, кто работал с ним рядом. И негоже каждому из нас сбрасывать с себя этот укор. В конце концов народ, история расставят все по своим местам.

32. ПОЧЕМУ ВЫ ТАК ДОЛГО МОЛЧАЛИ, НИЧЕГО НЕ ГОВОРЯ О ГОРБАЧЕВЕ И НЕ ОТВЕЧАЯ НА ЕГО ОБВИНЕНИЯ ВАС В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ?

Покойный Анастас Иванович Микоян, с которым мне довелось довольно долго работать в Президиуме Верховного Совета СССР, во время одного острого спора бросил мне резкую, но, видимо, глубоко выстраданную им фразу: «В политике друзей не бывает!» Я, тогда еще молодой и наивный человек, невольно поежился и не поверил Председателю Президиума Верховного Совета СССР, пережившему многих лидеров и псевдолидеров страны. Теперь же могу уверенно сказать: такие обычные, глубоко человеческие чувства, как доверие, надежность, дружба, на сферу общественных отношений, называемую политикой, действительно распространяются довольно редко. Это я могу утверждать и оценивая мои отношения с бывшим союзным президентом. Они были далеко не безоблачными, как могло казаться со стороны. Напряженность в них стала нарастать сразу после моего избрания Председателем Верховного Совета СССР, когда

на Съезде из восьми кандидатов я получил поддержку почти двух третей участвовавших в голосовании депутатов. Насколько мне было известно, президент и его окружение планировали на эту должность другое более близкое им лицо.

В последующем наши отношения с Горбачевым находились в прямой зависимости от все более напрягавшихся взаимоотношений президента с парламентом. Об этом немало писала и наша, и зарубежная пресса, но я всегда старался, чтобы разногласия внутри государственного руководства не выплескивались наружу. Так было и в дни августовских событий и после них. Поэтому, видимо, справедливыми являются упреки, раздающиеся в мой адрес, за то, что я долго молчал, не отвечая Горбачеву на его обвинения. Вообще я в какой-то мере фаталист и верю, что зло возвращается к тому, кто сознательно причинил его другим. Я сдерживал себя до тех пор, пока сам бывший президент и его команда не стали обрушивать на меня буквально потоки невероятных обвинений. Отвечаю и теперь лишь на некоторые из них,

Боюсь, что это придется делать и впредь. Тем более, что в одном из своих ежемесячных интервью «Комсомольской правде» экс-президент обвинил в «предательстве» не только меня и членов ГКЧП, но и всех, кто хоть в какой-то степени их поддерживал. Горбачев заявил, что все они повинны и в срыве подписания Союзного договора, и в провале антикризисной программы, и в отказе от реформирования нашей партии. Странно только, что бывший генеральный секретарь называет «нашей» партию, от которой он сам отрекся и не отважился защищать в Конституционном суде. Мне кажется, что

вместо сетований на то, что с тобой уже не советуются и не хотят тебя слушать, всегда лучше самокритично вдуматься в результаты своих дел и поступков. Тогда яснее станет, что же действительно произошло в августе и после августа 1991 года, и кого следует обвинять в предательстве.

33. КТО ИЗ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ СИМПАТИЮ, А КТО АНТИПАТИЮ? ЗА КЕМ ИЗ НИХ, ПО ВАШЕМУ, БУДУЩЕЕ?

Скажу откровенно, что не вижу сейчас на политическом небосклоне России такой фигуры, которая способна объединять народ и олицетворять его волю.

Мои симпатии всегда были на стороне людей дела, людей действия, а не мастеров политических пируэтов, словоизвержений и популизма.

Мне вспоминается одно из заседаний Верховного Совета СССР. Кто-то из депутатов, ратующих за социализм, в ходе полемики заявил, что в стране идет разрушение конституционных основ, назревает революция — смена общественного строя. В ответ со скамей парламентской оппозиции раздалось: «Революция — это прекрасно!.. Это тысячи и тысячи вакансий, освобожденных от коммунистов!»

Прошло не так уж много времени. «Демократы» овладели этими вождеденными вакансиями, а также и привилегиями, которые до этого они гневно клеймили, министерскими креслами, которые до этого они проклинали. И что же? Люди почувствовали облегчение? Им стало лучше и безопаснее жить? Отнюдь, ничего подобного пока не произошло. Повседневная же работа по управлению страной обернулась для «демократов» тяже-

лым и требующим большого профессионализма трудом. Вот и начали раздаваться вздохи, что управлять трудно, что «нас не понимают и не хотят поддерживать».

Меня всегда привлекали люди четких убеждений, последовательно отстаивающие свои позиции, пусть и не совпадающие с моими собственными. С такими людьми всегда можно твердо договориться, найти точки соприкосновения, выяснить, что нас разъединяет и что соединяет.

Немало часов я провел в беседах с академиком Сахаровым. Он многого не воспринимал из наших порядков, но в то же время никогда не поддерживал идей полной капитализации советского общества. Для Андрея Дмитриевича социализм был такой же частью современной цивилизации, как и капитализм. Взять все лучшее из того и другого — в этом видел он путь нашего развития — многообразие форм собственности, рынок, конкуренция, и в то же время право трудового коллектива распоряжаться плодами своего труда, отсутствие безработицы, сильные социальные гарантии для каждого человека. «От социализма в полной мере наш народ не откажется, многое из него сохранится в будущем обществе», — говорил А. Д. Сахаров, передавая мне написанный им проект Конституции. Он, как известно, твердо отстаивал полномочие Советов в центре и на местах, выступал за сохранение и развитие федерации (а не конфедерации) суверенных народов Европы и Азии. Хотелось бы сегодня слышать из уст продолжателей дела Сахарова подобные идеи. Что-то не слышно! Гораздо чаще звучит: «полная денационализация», «решительная десоветизация», «окончательное разрушение советской империи».

Вот почему антипатию вызывают у меня пре-

жде всего те, кто слишком быстро меняет свои убеждения, разного рода приспособленцы и отступники. С ними, кстати, всегда легко договариваться о чем угодно, но никогда нельзя быть уверенным, что договоренность будет выполнена.

Кроме того, приспособленцу всегда приходится рьяно доказывать, что он «действительно обрел новую веру», нашел, наконец, — «единственно правильные ориентиры», а раньше добросовестно заблуждался. Поэтому он всегда непредсказуем и часто агрессивен. Особенно неприятно видеть, когда такое лицемерное «обновление» происходит буквально на глазах, за какой-нибудь год — полтора. И, глядишь, он уже бьет себя в грудь, проклиная все то, чем вчера гордился и что возносил до небес.

Не стоит, видимо, доказывать, какое тлетворное влияние оказывает это на общество, какое великое число лжецов, спекулянтов, теневиков и стукачей оправдывают свое существование тем, что «все теперь сжигают то, чему поклонялись». И когда очередной нажившийся на черном рынке биржевой хищник после пышной рекламы начинает по телевидению хвастать своим меценатством, благотворительностью и демократизмом, так и хочется вспомнить слова замечательного поэта Василия Федорова:

«Он говорит и страстно, и глубоко,
Но странно видеть сытого пророка»

Вот только, к сожалению, слишком быстро плодится у нас племя таких «сытых пророков». И боюсь, что потомки назовут наше время не только временем смут, но и временем перевертышей, спекулянтов и лжепророков.

Возможно, вы хотели бы, чтобы я назвал

какие-то имена. Думаю, не стоит. Каждый, читающий эти строки, найдет их вокруг себя.

За кем будущее? Несомненно, не за отступниками и не за краснобаями. Их народ очень быстро «вычисляет» и не воспринимает. Будущее за компетентными, убежденными и решительными людьми, интернационалистами и патриотами. Наше трудное переходное время обязательно высветит и выдвинет этих людей. Не сомневаюсь.

34. ВАШЕ МНЕНИЕ О БОРИСЕ ЕЛЬЦИНЕ, ЕГО ПОЛИТИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЕ?

Вопрос уж очень общий, а ответ требуется конкретный. Что ж, если отвечать кратко, то Ельцин такое же дитя существовавшей у нас партийно-государственной системы, как и бывший союзный президент. Разница только в том, что на судьбу Ельцина наложили гораздо больший отпечаток превратности тех бурных процессов, которые происходили в стране в последние годы.

Начну с того, что политический имидж «мученика, борца и героя перестройки» Ельцину во многом создали сами его гонители. Чем больше его поносили на партийных пленумах, активах и съездах, тем выше становился его рейтинг, тем плотнее сходились вокруг этого активного в прошлом секретаря обкома КПСС силы радикальной оппозиции. Я уже говорил, что примерно три года назад у нас сложился блок разномастных радикально «демократических» движений, которые были едины только в одном — неприятии коммунистов, партийно-государственной номенклатуры и ее привилегий.

Вот эта волна настроений людей, выступавших и голосовавших не столько «ЗА» каких-то лидеров, сколько «ПРОТИВ» ухудшающихся условий жизни, виновницей которых они считали КПСС, и вынесла Ельцина в руководство Верховного Совета РСФСР, в президенты России и на броню танка, вызванного для охраны Белого дома в тревожные августовские дни 1991 года.

Ельцин, в отличие от Горбачева, — фигура более твердая и более склонная к авторитарным решениям. Когда антиконституционный «Беловежский путч» покончил с Союзом, Ельцин довольно быстро пошел на ускорение реформ, хотя четкой их программы к тому времени у «демократов» в готовом виде не было. И академик В. Струминский, и экс-мэр Москвы Г. Попов правы, когда отмечают, что, ликвидировав компартию Союза, команде Ельцина волей-неволей многое пришлось взять из той программы, которая готовилась командой Горбачева (см. «Правда» 25 сентября 1992 г., № 132, «Известия», 21, 24, 25 и 26 августа 1992 г.). Добавлю только, что при этом имевшаяся программа была еще больше одобрена рекомендациями Международного валютного фонда и Гарвардской школы «шоковой терапии».

И тут произошла вполне закономерная метаморфоза: чем тяжелее эта «терапия» ощущалась населением, тем быстрее росли трудности российского президента и его правительства. В их курсе все больше и больше разочаровывались люди, познавшие, что такое на самом деле почти стократное повышение цен, ликвидация скудных сбережений множества семей, нищета ветеранов, платные услуги там, где при Советской власти их никогда не было.

Но вместе с тем на помощь своему президенту

стал выходить пока еще численно не столь внушительный, но перспективный слой людей, которых раньше третировали, а теперь гордо именуют предпринимателями, «деловым миром России». Они громко и решительно заявили о себе в дни «путча». Как свидетельствуют материалы «дела ГКЧП», 19—20 августа в Москве не было ни одного более или менее крупного государственного предприятия, которое бы бастовало. Но зато забастовала биржа. Эта она бросила деньги на оборону Белого дома, выделила боевую дружину из ста брокеров и, вооружившись огромным стометровым полотнищем Российского флага, двинулась на Краснопресненскую набережную к парламенту. Финансисты, оптовики, маклеры шли стройными рядами. Ведь им было что терять. Над их бизнесом, над их коммерцией нависала какая-то, пусть неясная угроза.

И не надо ни в коем случае преуменьшать силу этого социального слоя. Он очень быстро срастается с нынешней администрацией, хозяйственниками и коррумпированным управленческим аппаратом. Все ближе примыкают к нему давно действующие за кулисами представители криминальной экономики. С каждым месяцем этот разнородный отряд сначала в основном посреднического, а затем и производственного капитала, будет все более эластично сливаться с правительственными, властными структурами, вращаться в них. Вот с их-то стороны и будет в первую очередь обеспечиваться поддержка президенту, твердо проводящему курс на капитализацию страны.

Что будет дальше? А дальше может себе бесноваться и ворчать оппозиция, могут меняться правительства и министры, митинговать обездоленные, но власть уже прочно будет в руках этой

новой элиты. А кто платит, тот и правит. Это старая истина.

Вот что можно сказать о наиболее важной, на мой взгляд, тенденции развития той социальной базы, на которую опирается и будет дальше опираться нынешний российский Президент, многократно повторяющий, что он является всенародно избранным защитником всего населения.

Иногда, правда, политику Ельцина рассматривают как продолжение политики Горбачева и видят в этом давно сложившийся и скрытый от людских глаз альянс. Я не могу этого подтвердить. Ельцин и Горбачев всегда были не партнерами, а антиподами. Иногда эта их взаимная вражда выходила за рамки всякого приличия, иногда она сменялась внешне дружелюбными поклонами. Но по сути своей они всегда были противниками, ничего не прощающими друг другу. И то, как хладнокровно российский президент выдворил из Кремля бывшего союзного президента, лишил его ряда привилегий и значительной части помещений руководимого им Фонда, то как одергивает он Горбачева за каждую негодную реплику, только еще раз свидетельствует о холодной войне, которая и сейчас продолжается между ними.

Как здесь не вспомнить известный спор, возникший когда-то между Сталиным, Бухариным и Зиновьевым. Затеял его, кажется, Радек, задавший вопрос, как каждый из присутствующих представляет себе счастье. «Для меня счастье — это мировая революция», — не задумываясь ответил Зиновьев. «Я буду счастлив, когда все советские люди будут сыты, хорошо одеты и жить в достатке», — сказал Бухарин. Выколотив трубку о пепельницу, Сталин медленно произнес: «Счастье — это месть, отмщенье тем, кто

нас унижал, оскорблял и подавлял». Не ручаюсь за точность воспроизведения этого давнего спора. Но неужели и сегодня месть будет править бал в политике? Неужели так стойко укоренилась политическая и прочая нетерпимость в нашем измученном враждой обществе? Неужели прав давний друг российского президента А. Собчак, говоря, что «Ельцин принесет в жертву кого угодно»? (см. «Правда» 12 ноября 1992 г.).

Сегодня эта нетерпимость, нежелание и неумение слушать своих оппонентов, балансирование на грани авторитаризма стоят тяжелым, замшелым шлагбаумом на пути к достижению хотя бы минимального согласия и равновесия в обществе. От того, насколько остро ощущает эту опасность руководство России, от того, хватит ли у него решимости поднять этот шлагбаум, зависит в современных условиях очень и очень многое.

35. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПОЛИТИКУ НЫНЕШНЕГО РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И СУДЬБУ ПРОВОДИМЫХ ИМ РЕФОРМ?

Конечно, следить за развитием событий, происходящих в обществе, из-за стен тюрьмы не так-то просто, и поэтому мое мнение и мои выводы могут оказаться довольно схематичными. Тем не менее, мне ясно одно — идет еще один опасный и бесчеловечный эксперимент над народом теперь уже по насильственному насаждению капитализма. Вот, если хотите, главная суть деятельности «правительства реформ». Причем сейчас предпринимаются все усилия, чтобы как можно скорее создать класс собственников и сделать тем самым смену общественного строя необратимой. Это прямо декларирует глава пра-

вительства: уйти по возможности быстро вперед, а там уже будет видно, что делать дальше.

Отсюда и особенности ускоренно внедряемых нововведений, их невероятный темп и вызываемая ими шоковая реакция, нежелание тщательно учитывать особенности экономики и исторического развития страны, возрастающая зависимость страны от зарубежного капитала, его доброй или злой воли.

Можно призывать всех к терпению и даже к смирению, можно клеймить происки «окопавшихся» на местах и на производстве бывших партократов и консерваторов. Но никто не может отрицать, что радикальные реформы российского правительства привели пока только к разрушению созданного трудом нескольких поколений народнохозяйственного комплекса, нарастающему спаду производства, вползанию страны в гиперинфляцию. Все это стало причиной резкого снижения уровня жизни населения, того, что впервые в истории России смертность превысила рождаемость, а тысячи наиболее способных деятелей науки, техники, культуры вынуждены были покинуть свою Родину.

Попытки властей выбраться из этой воронки социально-экономического кризиса бессистемны. Реформаторы мечутся, штопая то одну, то другую прореху. Но прорех все больше, а возможностей залатать их все меньше. В первоначальном варианте программы «углубления экономических реформ» говорилось, что за четыре года фонд потребления снизится на 17%. В окончательном варианте называются уже гораздо более мрачные цифры — от 30 до 40%. Чему же служит тогда реформа, если она не повышает, а снижает жизненный уровень населения?

Словом, макроэкономический подход прави-

тельства России к острейшим проблемам жизни общества, стремления максимально ограничить государственное регулирование, упрямая уверенность в самодовлеющей роли денег, банковских кредитов и свободных цен привели к еще большему углублению и разрастанию кризиса.

Хозяйственный механизм страны оказался демонтированным раньше, чем появились первые, весьма незрелые институты и рычаги рыночных отношений. Ослабление системы государственного управления привело к потере контроля за экономическими процессами.

Поэтому я в целом разделяю общую направленность критики экономической политики «молодых и самоуверенных реформаторов», хотя они, приняв в свои ряды прагматически настроенных представителей директорского корпуса и бывших руководителей крупных отраслевых комплексов промышленности, в последнее время стали внимательнее прислушиваться к альтернативным вариантам реформ, активнее искать компромиссы.

При этом хочу быть правильно понятым. Я никогда не был против модернизации и реконструкции нашей заскорузлой экономики, да и в целом общественной жизни, всех ее сфер. Реформы несомненно нужны и неизбежны. Но нельзя, недопустимо, чтобы они оплачивались такой огромной и страшной ценой — ценой развала хозяйства, разрушения производственных структур и связей, практически поголовного обнищания населения. А все это, к сожалению, налицо.

Серьезные экономисты констатируют, что кризис уже набрал силу инерции. А значит, производство и в этом, и в следующем году будет сокращаться. Отсутствие достаточного количе-

ства сырья, топлива, кормов, уменьшение поголовья скота, бедственное положение школ, больниц, учреждений культуры, растущая преступность — все это видит каждый.

Какие бы заявления ни делало правительство, все попытки придти к рынку путем быстрого скачка оказались блефом. Кто-то правильно заметил, что большевикам потребовалось более десяти лет, чтобы окончательно разрушить частную собственность в промышленности, сельском хозяйстве, торговле. Нынешнее же российское правительство задалось целью за полгода воссоздать частную собственность, совершенно не учитывая при этом психологию населения, которому более, чем полстолетия внушалось отвращение к предпринимательству и частной наживе.

Возьмите, к примеру, массированное внедрение фермерства. Здесь не берутся в расчет не только настроения основной части земледельцев, но и то, о чем свидетельствует российский, да и в целом мировой опыт. А он говорит, что на товарный рынок работает, как правило, крупное хозяйство, а мелкое — с трудом кормит лишь своего хозяина и его семью. Да и по времени складывание фермерства в Швеции, например, заняло более трех десятилетий, а Соединенным Штатам для этого потребовалось почти восемьдесят лет. Вот почему даже зарубежные советники российского президента, считающие, что подлинно рыночные реформы у нас еще и не начинались, настойчиво предупреждают, что такое мощное государственное хозяйство, какое имеется в нашей стране, можно переводить на рыночные рельсы только осторожными, сугубо специфическими методами. А они потребуют и времени, и больших издержек, и огромной работы с людьми.

Словом, без тщательного учета особенностей, которые характеризуют нашу многонациональную страну, нашу экономику и государственность, любые реформы обречены. В каких бы ярких обертках ни подавалось сегодня «движение к современной цивилизации», существо его рано или поздно станет ясным для миллионов людей. Они сопоставят его со своим историческим опытом и привычками, со своим коллективистским взглядом, со своим пониманием справедливости. И они сделают выбор. Уверен, что без них и за них решать их судьбу не удастся.

Поэтому еще и еще раз следует вчитываться в программы, предлагаемые коммунистами и народно-патриотической оппозицией, центристскими партиями, учеными Академии Наук, в которых есть много дельного и конструктивного. Причем в любом случае все они сходятся в одном — совершенно необходима очень существенная корректировка проводимых реформ, если не вообще их радикальный пересмотр.

Поэтому никак нельзя согласиться с постоянно повторяемыми утверждениями правительства о том, что у проводимой им экономической политики просто нет никакой альтернативы. Это далеко не так. Весомые альтернативные программы есть и у партий, и у массовых движений, и у больших групп специалистов в области экономики и народного хозяйства. Они опубликованы и игнорировать их недопустимо. Тем более, что эти программы в комплексе охватывают не только широкий круг экономических и социально-политических проблем, но и методы осуществления реформ.

Разве можно, скажем, пройти мимо того, когда исполняющий обязанности премьер-министра спокойно заявляет в парламенте, что «спе-

куляция — это нормальная форма рыночной экономики», а подпевающие ему экономисты обосновывают это теоретически тем, что все известные в истории первоначальные капиталы были накоплены нечестным путем — спекуляцией, жульничеством, воровством. Мол, поначалу это совершенно необходимо, а зато потом будет рыночный рай. Словом, жулики и спекулянты спасут страну.

Но возникает законный вопрос: можно ли построить справедливое демократическое общество несправедливыми, аморальными и преступными методами? Нет, из спекуляции и воровства такое общество вырасти не может. Более того, негодные методы реформирования будут постоянно разобщать и раздирать общество, атомизировать его, разлагать его граждан и в первую очередь молодежь. Мы не можем не замечать, сколько молодых людей погружается в темный омут торгашества, спекуляции, всякого рода коммерческого и прочего авантюризма. Показательны в этом отношении выводы председателя Российской психологической ассоциации профессора А. Белкина. «Я, — пишет он, — постоянно общаюсь с молодыми людьми, лишь на ночь покидающими свои лотки с пестрым товаром. Это очень своеобразный человеческий тип. При хороших интеллектуальных способностях, запасе знаний они очень незрелы эмоционально, их переживания неглубоки, поведение неустойчиво и малопредсказуемо. Ведущий мотив заработать много денег, жизненный идеал — уехать жить на Запад. Их нынешнее состояние представляется мне исключительно взрывоопасным. Особенно если иметь в виду одну, далеко не малочисленную группу. Это подозрительные, агрессивные невротики, с высоким уровнем вне-

шней враждебности, не терпящие замечаний и советов, исключительно чувствительные к успехам других» (см. «Советская культура», 30 ноября 1991 г.).

Мне кажется, эта проблема сейчас становится общенациональным бедствием. И как тут не вспомнить известное, как будто для нынешнего дня написанное пророчество великого Данте:

«Богам не так противны торгоши
И ими созданный наживы алчный рынок,
Как обезумевший в корыстолюбьи инок,
Который с жадностью считает барыши».

Общество, которое не думает о том, чем живет его молодежь, само лишает себя шансов на выживание и развитие.

Но таких проблем, возникших в ходе и в результате шоковых реформ, великое множество. Столь же безнадежно больно общество, которое бросает на произвол судьбы своих стариков, воинов, отдавших лучшие годы жизни армейской службе, рабочих и инженеров оборонных заводов, составляющих иногда почти все население целых городов. Список этот можно продолжать и продолжать.

Поэтому хочется снова повторить. Движение реформ вперед (а реформа — это улучшение, совершенствование, а не ломка сразу всех общественных отношений) требует их радикальной корректировки, предполагает комплексный подход к решению труднейших социально-экономических проблем. Такого подхода в деятельности нынешнего правительства России пока нет. Вертится, как образно писали газеты, лишь одна шестеренка — безудержное накручивание цен.

Когда я был в Китае, один из старейших государственных лидеров этой страны напомнил мне

древнюю китайскую мудрость: «Если хочешь чего-нибудь пожелать своему врагу, пожелай ему жить во времена великих реформ». Миллионам наших граждан приходится жить именно в такие времена. По подсчетам ученых страна может выйти на уровень 1989 года в лучшем случае не ранее, чем к 2000 году. А это значит, что для огромного числа людей старшего поколения вообще исчезает надежда на достойную и спокойную старость.

Вот почему кабинет министров, который именуется себя «народным правительством реформ, ставящим во главу угла интересы личности», должен, просто обязан не отвергать, а, наоборот, всемерно привлекать каждую новую полезную идею, каждого инициативного человека к делу модернизации общества. Сможет ли правительство России идти по этому пути, сказать трудно. Но другого пути нет.

36. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ?

У меня нет возможности дать развернутую оценку внешней политики нынешнего российского руководства. Разброс мнений по этому вопросу в нашей прессе очень велик. Но так или иначе все, кто соприкасается с внешнеполитическими аспектами деятельности нынешних российских властей, вынуждены констатировать, что международный вес и авторитет страны в последнее время не только не выросли, а все более быстро падают.

Развал советской федерации и социалистического содружества создал новые сложные проблемы внешнеполитического характера.

До сих пор не сформулированы четкие пара-

метры отношений России со странами недавно появившегося так называемого «ближнего зарубежья». Кровавые события в Приднестровье, Абхазии, Осетии, Таджикистане, война между Арменией и Азербайджаном, ряд ключевых вопросов, остающихся нерешенными между странами СНГ, «повисшие в воздухе» соглашения между этими странами, дискриминация русского и другого «некоренного» населения в сопредельных республиках, сотни тысяч беженцев — все это свидетельство отсутствия продуманного курса правительства в этой важнейшей сфере. Здесь больше напрашивается аналогия с действиями пожарной команды, мчащейся на очередной пожар, чем с выношенной перспективной политикой.

Далеко не просто складываются отношения России со странами, входившими ранее в Организацию Варшавского договора, и другими бывшими союзниками СССР. Трудно идет урегулирование взаимных экономических обязательств. В ряде случаев российская сторона принимает участие в международных санкциях против ранее дружественных государств, что приносит ей многомиллиардные убытки. Как считают даже сами представители власти, такие санкции, против Ирака, братской Сербии и некоторых других стран уже обошлись нам более чем в 18 миллиардов долларов. А это значит, что внешнеполитические акции правительства требуют не только радикального пересмотра, но и не менее тщательного прогнозирования, чем реформы внутри страны.

Что касается так называемого «дальнего зарубежья», то хотя руководство внешнеполитических ведомств России и критикует Шеварнадзе и других деятелей, осуществлявших горбачев-

ский курс «нового мышления», на деле этот курс уступок и следования в фарватере «цивилизованного Запада» продолжается с упорной последовательностью. Более того, такая зависимость не только международной, но и внутренней политики от воли внешних сил увеличивается с каждым днем. Мы все чаще позволяем грозить нам пальцем. Обратите внимание: как только обостряется внутривластная обстановка, как это было, например, во время VI-го Съезда народных депутатов России, так у нас немедленно появляется очередной заокеанский визитер, дающий указания, как мы должны себя вести. В ноябре 1992 года на встрече с представителями Совета Национальностей Верховного Совета российский президент признал, что надо оставить надежды на 24 млрд. долларов обещанной нам западной помощи. У нас и так, мол, многомиллиардный долг, который придется отдавать с большими процентами, а взвалить на себя еще один долг — все равно, что сунуть голову в петлю.

Что верно, то верно, ведь даже те далекие от крупных цифр западные кредиты, которые представляются России и другим странам СНГ, обставляются жесткими политическими условиями и строго регламентируются по своим целям и структуре. Причем подобная практика вмешательства во внутренние дела нашей страны становится с каждым днем все более откровенной, если не сказать циничной. «Международный Валютный Фонд, — пишет английский экономист Джон Росс, предлагает, чтобы Россия подверглась массивной деиндустриализации и стала прежде всего поставщиком энергии и сырьевых ресурсов на международный рынок» (См. «Сов. Россия», 11 ноября 1992 г). Как гово-

рится, комментарии к такого рода требованиям излишни.

В свете этого по меньшей мере странно звучат поношения нашей страны и клятвы в вечной дружбе с Западом, раздающиеся из уст некоторых российских представителей в их выступлениях в зарубежных парламентах и на международных форумах. Уж если есть стремление во что бы то ни стало попасть в «цивилизованный мир», то, видимо, следует придерживаться выработанного в этом мире кодекса чести, требующего от государственного деятеля не хулить в гостях собственную страну, какой бы сложной и тяжелой ни была ее история.

Внешнеполитический авторитет любой страны «начинается дома». Он обусловлен политической и оборонной, экономической и интеллектуальной мощью государства. Сегодня каждому ясно, что ликвидация Союза ССР разрушила баланс сил на мировой арене, подорвала авторитет нашей страны. Тем не менее даже такую, обескрыленную Россию Запад продолжает рассматривать как потенциальную угрозу своим интересам. Не так давно вышел в свет документ военного ведомства США, декларирующий, что и теперь, когда Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, их ядерные силы будут, как и раньше, «нацелены на объекты, имеющие стратегическую ценность для русских». Подтверждая эту политику, новый президент США подчеркивает, что Америка «должна быть готова и должна иметь желание использовать военную силу, когда это необходимо». «Мы, американские президенты, будем ставить диагноз человечеству, и никто другой. Мы будем определять, кто тиран, а кто истинно передовой деятель».

Все это — серьезные и, я бы сказал, грозные реалии. Не учитывая их, нельзя делать ни одного шага в решении и без того колоссально трудных проблем жизни нашей страны.

37. МНОГИЕ ГОВОРЯТ, ЧТО «ХАСБУЛАТОВ — ЭТО ЛУКЬЯНОВ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА», ИМЕЮЩИЙ ТУ ЖЕ МАНЕРУ ВЕДЕНИЯ ЗАСЕДАНИЯ, ЧТО БЫЛА СВОЙСТВЕННА ВАМ В БЫТНОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОЮЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА. КАК ВЫ МОЖЕТЕ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ РОССИЙСКОГО СПИКЕРА И В ЦЕЛОМ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Манера работы председателя Верховного Совета определяется не столько его личными качествами, сколько существом деятельности парламента, условиями, в которых парламенту приходится действовать.

Верховный Совет СССР был первым, кто попытался освоить функции и методы работы постоянно действующего законодательного органа. Это было, особенно на первых порах, исключительно трудно. Тем более, что надо было не копировать западный парламентаризм, а построить именно наше, отечественное представительное учреждение, сочетающее широкий форум — Съезд и эффективно действующий корпус законодателей. Конечно, далеко не все получилось так, как хотелось. Тем не менее за два с лишним года союзный парламент принял более ста крупных законов и решений по узловым вопросам жизни страны. Впервые была апробирована практика обсуждения кандидатур и утверждения членов правительства, появилась организованная оппозиция, депутатские группы и фракции.

Постепенно вырисовывалась линия на разде-

ление властей, разграничение полномочий между законодательными и исполнительными органами, Верховным Советом СССР и президентом. Р. Хасбулатов заблуждается, когда полагает, что все свелось к альянсу «Горбачев — Лукьянов», и что не будь этого альянса, не было бы и августовских событий (См. «Правда», 14 июня 1992 г., № 93). Все обстояло как раз наоборот. Чем более последовательно проводился принцип разделения властей, тем напряженнее становились отношения в треугольнике: Верховный Совет — Президент — Правительство СССР. Депутаты были недовольны сепаратными переговорами Президента в Ново-Огареве, рассматривая происходящие там заседания как неконституционный орган, посягавший на прерогативы парламента. Президент же, в свою очередь, считал, что «консервативный парламент» связывает ему руки. Отсюда его стремление отстранить союзный Съезд и Верховный Совет СССР от участия в обсуждении и принятии Союзного договора. Я не говорю уже о других непростых моментах внутри нашего «властного треугольника». Многие из отношений между президентом и председателем парламента мы, как уже отмечалось, старались тогда не афишировать, оставляя за кадром. Такую же ситуацию, видимо, можно наблюдать сегодня и в правящих кругах России.

Поэтому, многое из того, что происходит сейчас в Верховном Совете Российской Федерации, в его отношениях с исполнительной, судебной и так называемой четвертой властью — прессой, мне известно, как говорится, до боли. Правда, здесь пока не дошло до прямого разгона Съезда и Верховного Совета, как это было с союзными органами, но угроза такая висит. Появился и

очень похожий на Ново-Огаревские собрания новый не предусмотренный Конституцией России орган — Совет руководителей республик при Президенте.

Между тем только сильный парламент способен противостоять тенденциям авторитаризма. Отсюда и призывы радикальных «демократов» как можно скорее сконструировать «нормальную президентскую республику» с ограниченными правами Съезда и Верховного Совета, а если парламент будет сопротивляться, обскатить его на коне референдума.

Вот почему я ничуть не удивился, когда в своем интервью в конце октября 1992 года российский президент заявил: «Хватит. Верховный Совет явно стал консервативным органом. В большинстве случаев от него ждать каких-то действий, направленных на радикальную реформу, не приходится. Пора заканчивать идти навстречу Верховному Совету, не получать от него взаимности. Пора власть употребить». («АИФ», 1992 г., № 42). Скажу откровенно, приблизительно такие же сентенции я слышал весной и летом 1991 года, только в исполнении союзного президента. Ни к чему хорошему такой раздрай между президентом и парламентом привести не может. Он свидетельствует лишь о неразвитости нашей демократии и государственности, о неумении государственных органов и должностных лиц правильно строить свои отношения в рамках принципа разделения властей.

Конечно, в таких условиях участь главы парламента тяжела и незавидна. Защищая депутатов, он попадает в конфронтацию с президентской властью; вставая на сторону последней, перестает быть лидером депутатского корпуса.

Чрезвычайно трудно удержаться в этой позиции, наладить отношения с различными депутатскими фракциями, сохранить выдержку.

Если говорить о моих личных отношениях со спикером российского парламента, то они были вполне нормальными, даже, можно сказать, доброжелательными. Хотя мне, конечно, были достаточно хорошо известны выступления Р. Хасбулатова о замене Союза ССР «конфедеративным объединением суверенных государств» и его позиции по поводу «войны законов», бюджетной системы, места российских автономий в союзном договорном процессе и др.

Что же касается заявлений российского спикера по телевидению об августовских событиях, о приезде ко мне в Кремль вместе с Руцким и Силаевым, о его свидетельских показаниях по делу ГКЧП, то Руслану Имрановичу стоило бы все же иметь в виду, что я действительно находился тогда под «стеклянным колпаком» и каждый мой шаг, каждый звонок был зафиксирован. Тогда он наверняка вспомнил бы, что вечером 19 августа мне не звонил, что встреча наша в Кремле состоялась утром 20 августа, буквально через полчаса после его просьбы, и что уже в середине того же дня И. Силаев сообщил мне, что Президент России издал по итогам нашей встречи специальный указ, в котором говорилось, что переговоры с Председателем Верховного Совета СССР, «по существу размежеввшимся с так называемым ГКЧП СССР, подтверждают антиконституционность образования и действий этого комитета» и одновременно в соответствии с достигнутой договоренностью давалось поручение руководителям всех предприятий обеспечить нормальную организа-

цию труда, исключив забастовки и другие приостановки производства, руководствуясь законами РСФСР и СССР.

Но все эти, как говорится, «досадные детали», которые, видимо, мешали российскому спикеру в самых трагических красках разрисовать детективно-романтическую картину его участия в обороне Белого дома. Что поделаешь, закон жанра требует преувеличений, и пусть они останутся на совести лидера парламента России.

38. В НАШЕЙ СТРАНЕ ЗА СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ДОСТАТОЧНО ПРОЧНО УКОРЕНИЛАСЬ ВЛАСТЬ СОВЕТОВ. НУЖЕН ЛИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ? ЕСЛИ ДА, ТО КАКИМ ВЫ ВИДИТЕ ЕГО РАЗВИТИЕ?

Вопрос очень актуальный. Ведь уже третий год у нас, как эпидемия, распространяются всякого рода наветы и хула на Советскую власть, ее прошлое и настоящее, утверждается, что Советы вообще являются структурой, совершенно неприспособленной к условиям реформ и построения общества свободного рыночного предпринимательства.

Что ж, действительно, время реформ всегда требует прочной и гибкой системы управления, надежно действующего механизма исполнительной власти. Но его прочность и эффективность вовсе не может быть результатом ограничения полномочий органов народного представительства, которые дисциплинируют систему управления, не дают прорасти в ней метастазам авторитаризма. Поэтому я спокойно воспринимаю обвинения, чуть не каждый день появляющиеся в

прессе, по поводу того, что якобы консервативный Верховный Совет России, работая над своими конституционными проектами, занимается «возрождением ленинской концепции Советов, как высшей формы народовластия» и что председатель российского парламента «вдохновился лукьяновскими вариантами реформы, в рамках которой представительное собрание соединяет в себе законодательную и все прочие формы власти» (см. «Коммерсант», 1992 г., № 12).

Оставляя в стороне упреждения газетчиков в злословии, скажу одно: советская форма правления вовсе не противоречит идеям правильно понятого парламентаризма. И я думаю, что парламентаризм как инструмент народного представительства в России вполне возможен и нужен. Другое дело — какой парламентаризм? Если скопированный с каких-то иноземных, классических моделей, то, по-моему, такой парламентаризм Россия «пожует да и выплюнет».

Народное представительство, идущее из глубин российской истории, связанное с особенностями российской действительности, — вот что нам необходимо. Община, сельский сход, земство. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов не насаждались в России искусственно. Они вырастали из глубины народной жизни, из борьбы трудового человека за свои права. Добавим, что очень существенный отпечаток на эти институты государственности накладывает многонациональный состав населения. И советы старейшин на юге, и племенные советы на севере — все это неотъемлемые части нашего государственного опыта. Здесь часто сливается и власть, и управление, а иногда

даже и суд. Кое-кто считает все это анахронизмами, которые нужно отринуть. Раздаются призывы довести до конца «сплошную десоветизацию» и построить заново классический парламент, муниципалитеты, мэрии и. т. д. Но я думаю, что живой народный опыт обязательно «освоит» эти заморские рецепты на свой лад.

Разве было российское земство копией европейского или американского местного самоуправления? Конечно, нет. Российские государственные думы были очень своеобразными законодательными учреждениями, далеко не похожими на французский или, скажем, английский парламенты. Можно ли считать Верховный Совет СССР или Верховные Советы республик только законодательными органами? Опять же нет! Так или иначе они решали много управленческих, распорядительных вопросов. В местных Советах, сочетающих территориальный и производственный принципы представительства, такое сочетание функций нормотворчества и распорядительства проявляется еще осязаемее.

Вот почему, не сразу привьется в Верховных Советах России да и других государств СНГ, присущее парламентаризму строгое разделение властей. Видимо, придется еще потерпеть, пока в стране не сложится более или менее устойчивая многопартийная система, не окрепнут формы депутатского контроля за исполнительными органами, не укрепится независимость и самостоятельность судов.

Не очень-то приспосабливается у нас и классическая схема отделения парламента от местного самоуправления. Местные Советы, упрочивая свою самостоятельность, требуют заботы Вер-

ховных Советов, их комитеты и комиссии взаимодействуют по вертикали.

И это движение снизу вверх и сверху вниз — живая потребность здорового государственного кровообращения.

Однако, по мнению защитников «цивилизованной демократии», такое единство Советов опасно потому, что все Советы — от сельского до Верховного — оно сплавляет в «единый, управляемый сверху монолит». А этого нельзя допустить, поскольку-де вся суть и смысл представительной власти в том, что она «должна быть разрезана по горизонтали». Сельский представительный орган отнюдь не подчинен районному, районный — областному, а областной — верховному. Вот исполнительная власть — та должна иметь строгую иерархию, а Советы — ни в коем случае.

Словом, ветвей у дерева власти — три. Исполнительная, соответственно, растет себе вверх и вширь (превзойдя, кстати, по численности весь бывший союзный аппарат). Судебная имеет свои почки и точки роста. А вот представительная (законодательная и контрольная) власть должна быть, видите ли, порублена на мелкие части. И никакого единого депутатского корпуса, представляющего весь народ, все национальные, общегосударственные и местные интересы, не должно быть.

Почему? Откуда такой ригоризм? Секрет прост. Все дело в боязни, что при такой согласованности действий Советов правительство и все исполнительные структуры будут иметь перед собой объединенную по горизонтали и вертикали внушительную, требовательную и критически настроенную силу депутатского корпуса.

А это будет усиливать сопротивление тому нарождающемуся и бережно лелеянному правящему слою «свободных собственников», их правительству, администрации и деятелям теневой экономики, которые даже по официальным данным контролируют сегодня от 30 до 40 процентов производства в стране.

Отсюда понятно, как остра сейчас необходимость в объединенных действиях депутатов Советов всех ступеней, в их умении, отрешившись от пустозвонства и местничества, добиваться такого хода реформ, который не превращал бы жизнь миллионов людей в полунищее существование, а политическую власть — в нарастающий авторитаризм.

Поэтому я не за уничтожение, а, напротив, за укрепление власти Советов, за представительство в их составе всех слоев общества, пропорционально их доле в общей массе населения, за то, чтобы в опыт Советов органически впитывались позитивные черты парламентаризма, российских дум, земств, сельских общин, самоуправления на производстве. Только та государственная власть прочна, которая имеет глубокие корни в народной жизни, в народном опыте.

39. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВВЕДЕНИЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ ДОЛЖНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА — НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИЛИ НАДУМАННОСТЬ? НАСКОЛЬКО СОВМЕСТИМЫ РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ И ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Вопрос о президентстве вообще тесно связан с вопросом о приемлемости для нашей страны парламентаризма и разделения властей. Если мы

говорим о возможности восприятия определенных черт парламентаризма в Республике Советов, то президентство, как вершина исполнительной власти, также допустимо у нас для определенных конкретных обстоятельств, связанных прежде всего с необходимостью обеспечивать строгое исполнение законов и эффективную работу всех звеньев управления в условиях переходного периода.

В то же время, в поисках действенной и устойчивой системы управления, на мой взгляд, вообще противопоказано бездумное копирование зарубежных образцов, даже когда речь идет о таких апробированных временем принципах, как разделение властей, соотношение законодательных и президентских институтов. Если обратиться к историческому опыту, то, пожалуй, не найдется страны, где бы эти принципы были проведены до конца, так сказать в чистом виде. Нет такого опыта ни в Америке, ни в Азии, ни в Африке. Европа имеет всего несколько небольших президентских республик с очень разными по удельному весу полномочиями глав государств, непосредственно избираемых населением.

В полной мере это относится и к странам, появившимся на карте бывшего СССР. Как известно, добрая половина бывших Советских республик не пошла на введение президентства. Функции глав государств здесь выполняют председатели Верховных Советов и их Президиумы. И это вполне закономерно, поскольку для системы Советов более характерен коллективный глава государства, позволяющий в опреде-

ленной мере ограничивать тенденции к единоличному правлению.

В целом же, если у нас и возможна республика с наличием президента, то она должна быть республикой особого, советского типа. Об этом мне не раз приходилось говорить на союзных Съездах и на сессиях Верховного Совета.

Что это значит? Это значит, что власть народа в лице Советов остается незыблемой, а президент, как глава исполнительной власти, ни в коем случае не может ей противопоставляться и уж тем более становиться над этой властью. Они должны действовать как партнеры, взаимно дополняющие друг друга.

Практика некоторых молодых суверенных государств, связанная с наделением президентов особыми полномочиями и направлением ими на места своих, независимых от Советов представителей, пока редко приводит к чему-либо доброму, уже привела в ряде случаев к печальным результатам. После развала Союза, местные президенты, заботясь в первую очередь об упрочении своей власти и разделе федеративного имущества, немало сделали для разжигания сепаратистских страстей, создания национальных гвардий, возведения пограничных, таможенных и других барьеров. Парламенты же не в силах были противостоять этим авторитарным тенденциям.

Поэтому, когда теперь начинает продвигаться идея о том, что президент, как глава государства, встав над всеми тремя ветвями власти — законодательной, исполнительной и судебной, должен играть роль объединителя и координатора, то такая идея может иметь далеко не однозначные последствия. Тем более, что она отнюдь не означает возвращения к «современной миро-

вой цивилизации» и последовательному разделению властей. Здесь речь скорее идет о возвращении к гораздо более далекому прошлому, когда глава государства, как любил говорить Людовик XIV, мог позволить себе «заниматься сладостным ремеслом абсолютного монарха».

Пройдя через страшное горнило культа личности, мы обязаны построить нашу государственную систему так, чтобы она имела мощные и надежные преграды, не допускающие его повторения. Абсолютная власть президента — это путь от нашей, далеко не совершенной демократии к авторитаризму, а значит к новым общественным потрясениям. И хотя у нас еще не сложился нормальный многопартийный парламент, демократическое федеративное государство на этом отрезке времени может быть, видимо, только смешанной формой парламентско-президентской республики, но опять-таки особого — Советского типа.

40. МНОГИЕ СЧИТАЮТ, ЧТО НАШЕ ОБЩЕСТВО НА ГРАНИ ВЗРЫВА. ВАША ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СИТУАЦИЮ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

В нынешних условиях довольно трудно определять перспективы развития ситуации, сложившейся в результате проведения шоковых реформ. Она меняется буквально на глазах.

Ясно одно: дальнейшее наращивание реформ при отсутствии необходимых корректировок будет сопровождаться быстрым социальным расслоением общества. Наряду с ростом так называемого «среднего класса» и появлением доморо-

щенной спекулятивной предпринимательской элиты, очень быстро, просто обвально, будет увеличиваться число обездоленных, нуждающихся в защите граждан, трудового люда, живущего на одну зарплату, пенсию или пособие.

Несомненно, в связи с этим будут все отчетливее вырисовываться два фланга, два блока общественно-политических сил. Один из них будет, очевидно, всеми своими корнями срastаться с новой буржуазией, а второй все активнее объединять противостоящие капиталу трудовые слои населения. Как говорится — ристалище для единоборства сил капиталистической и социалистической ориентации готово. Весь вопрос в том — сумеют ли они, ведя политическую борьбу, не допустить еще одного витка разрушения общества в огне конфронтации и гражданской войны или скатывания его к новому авторитаризму и диктатуре.

Не могу не согласиться с мнением председателя Конституционного суда В. Зорькина о том, что у нас появляется маленькая горстка богачей, небольшая прослойка людей среднего достатка и огромная масса народа, погружающегося в нищету. А такое падение жизненного уровня народа всегда было почвой для роста социального напряжения, преступности и как результат — диктатуры. (см. «Правда» 11 ноября 1992 г.)

Говорить об угрозе диктатуры приходится потому, что все явственнее на политической сцене выступают силы, доказывающие, что тот переворот, который начался после августовских событий, был лишь неким «недопереворотом» и его необходимо во что бы то ни стало довести до

логического конца, убрав с дороги «второй и третий эшелоны партгосноменклатуры и консервативных хозяйственников», которые, оттеснив «вялых и податливых демократов-реформаторов», захватили всю власть в России. Такой вывод делается, например, в очередном докладе курируемого Г. Бурбулисом центра «РФ политика», опубликованном в конце октября 1992 года (см. «Известия» 30 октября 1992 г.). В нем указывается, что угроза процессу ускоренной капитализации страны исходит не только от «право-левой оппозиции», но и от центристов в лице «Гражданского союза» и примыкающих к нему объединений. То есть из политической жизни и управления предлагается убрать еще многие десятки тысяч людей, имеющих миллионную социальную базу.

Несомненно, такие призывы не могут не вызвать ответную реакцию. И здесь увещаний, обращений к разуму и сдержанности, к социальному согласию будет уже недостаточно. Нужна политическая мудрость и высокая ответственность перед народом всех сил, втягиваемых в социальный конфликт, который может обернуться катастрофой не только для нашей страны, но и для мировой цивилизации.

Вот почему судьба дальнейшего развития событий в нашей стране будет во многом зависеть от расстановки политических сил, а это значит, от понимания властями огромной опасности народного взрыва и от решимости партий и движений, противостоящих нынешним властям, вести борьбу прежде всего путем диалога в законных, строго демократических рамках.

Но так или иначе, речь идет о балансировании на лезвии острого ножа. Терпение трудового народа, лишаемого многих привычных условий своей жизни, не безгранично. Чувствовать это повседневно и ежечасно — обязанность каждого уважающего себя политика.

V. СЛЕДСТВИЕ ОТРАБАТЫВАЕТ ВЕРСИЮ «ЗАГОВОРА»

41. ВОТ УЖЕ ВТОРОЙ ГОД ВЫ, БЕЗВИННО, В ТЮРЬМЕ, НО ВАША СУДЬБА ПОЛИТИКА И ПОЭТА, ГРАЖДАНИНА И ПАТРИОТА, ИНТЕРЕСУЕТ МНОГИХ. В КАКОМ СОСТОЯНИИ НАХОДИТСЯ «ДЕЛО ГКЧП»? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ВИНОВНЫМ?

Спасибо Вам на добром слове. Действительно, вот уже больше года тянется следствие. И хотя прокуратура, вопреки закону, все время пыталась переложить на обвиняемых задачу доказывать свою невиновность, я с самого начала заявил, что виновным себя не считаю и оправдываться мне не в чем. Пусть сначала докажут мою вину те, кто возбудил уголовное дело и необоснованно арестовал меня.

Материалы следствия бесспорно говорят о том, что прокуроры не могут назвать ни одного документа ГКЧП, под которым была бы моя подпись или хотя бы маленькая пометка. Не может следствие назвать ни одного моего действия, которым нарушались бы Конституция СССР, Регламент Верховного Совета либо иной союзный закон. Что же касается моих убеждений, то я их ни от кого не скрывал и не скрываю. Но за убеждения нельзя держать в тюрьме и судить человека.

Однако нынешнюю прокуратуру и ее хозяев это мало смущает. Прокуроры сначала предъявили мне обвинение в «измене Родины». Потом, в конце 1991 года, это обвинение им пришлось официально признать ошибочным. Действительно, нелепо было обвинять человека, защищавшего Союз и Союзную конституцию, в покуше-

нии на суверенитет и территориальную целостность своего Отечества. Поэтому новое обвинение было сформулировано как «заговор с целью захвата власти», хотя такого самостоятельного вида преступления наше законодательство просто не знает. Пять с лишним месяцев заключенные знакомились со 120-ю томами материалов, подогнанных прокуратурой под эту формулу обвинения.

Но вот спустя год после августовских событий прокуратура вновь, теперь уже в третий раз, решает изменить свой подход, вернувшись к обвинению в «измене Родине» и добавив к нему еще разного рода должностные преступления. Для этого пришлось объявить о проведении «дополнительного следствия», которое длилось три недели и фактически ограничилось лишь предъявлением нового, более абстрактного и тяжкого обвинения.

Зачем это было сделано? Ответ прост. Понимая, что в суде будет очень трудно доказать, что он имеет дело с покушением на суверенитет, территориальную неприкосновенность и безопасность Союза ССР, незаконно ликвидированного в ходе Беловежского сговора, следствие решило «скруглить» и дополнить формулировки обвинения, по возможности избегая их конкретизации, и таким образом дать суду хоть какие-то альтернативы при оценке августовских событий.

Но был здесь и другой, плохо скрываемый замысел. Новые формулировки обвинения заставляли узников «Матросской тишины» вновь перечитывать многие тома пухлого дела, к которым добавилось еще 15 новых томов. А это значит, вновь затягивается их пребывание в тюрьме, причем якобы вовсе не по вине следствия, а лишь благодаря «любопытности» обвиня-

емых. Правда, тут, как и следовало ожидать, прокуратура получила отпор — теперь уже все обвиняемые по так называемому делу об августовском заговоре решительно отвергли ее предложение давать показания следствию. Но как бы там ни было, а читать том за томом искусственно раздутого уголовного дела они были вынуждены.

После ознакомления с материалами следствия, «дело ГКЧП» должно быть передано в суд. Когда это будет и сколько времени потребуется суду для принятия «дела» к своему производству, мне трудно сказать.

42. ВВИДУ ТОГО, ЧТО СОЮЗА ССР БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, МЕНЯЕТ ЛИ ЭТО СМЫСЛ ВЫДВИНУТЫХ ПРОТИВ ВАС ОБВИНЕНИЙ?

Действительно, с прекращением существования Союза юридическая основа дела об «августовском путче» становится еще более шаткой, если не исчезает совсем. Ведь объектом преступления, именуемого «измена Родине», по точному смыслу и букве закона является нанесение ущерба суверенитету, территориальной целостности, государственной безопасности и обороноспособности СССР. Ключевое понятие здесь — суверенитет Союза ССР, который осуществляется через систему союзных органов, в первую очередь органов власти. Эта «власть» трактуется законом именно как власть, действующая в масштабах всего бывшего Союза. Поэтому республики, воспроизводя союзный закон в своих уголовных кодексах, вообще не сочли нужным упоминать о «власти республик» или о республиканских органах государственной власти.

Теперь же, когда Советский Союз распался, нет больше ни суверенитета, ни территориаль-

ной целостности СССР, ни союзных органов, ни должностных лиц, на власть которых можно было бы покушаться. Нет и общесоюзных правоохранительных органов, правомочных рассматривать это дело, связанное с событиями, происходившими на территории нескольких, теперь уже независимых государств. Исходным положением уголовного права является, как известно, принцип, согласно которому преступление наказывается по закону, действующему в месте его совершения. Соблюдая этот принцип по делу об августовском кризисе, пришлось бы применять законодательство всех (или по крайней мере нескольких) независимых государств, которые только вместе и являются общим правопреемником Союза.

Ситуация, как видите, неординарная. Она, скорее всего, требует прекращения уголовного дела. И то, что узники «Матросской тишины», проходящие по «делу ГКЧП», остаются под стражей, далеко не случайно. Это еще одно доказательство того, что нынешние власти преследуют прежде всего политические цели. Более того, кое-кто из их сторонников открыто заявляют, что «освобождение гэкачепистов может усилить и без того распоясавшуюся оппозицию», а это нежелательно.

43. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВИЯ? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПРОКУРАТУРА РОССИИ ХОЧЕТ ВЫЯСНИТЬ ИСТИНУ ИЛИ ПЫТАЕТСЯ ПОДОГНАТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОД ЗАРАНЕЕ ВЫРАБОТАННУЮ СХЕМУ?

Российская прокуратура клянется, что «следствие работает на истину». Скажу прямо: пока этого не было даже заметно. Гораздо честнее

было бы сказать, что следствие работает на версию, которая задана определенными кругами, старающимися оправдать свои действия необходимостью борьбы против «заговорщиков» и «путчистов», угрозы «необольшевизма», «красно-коричневой опасности» и т. п.

А поэтому не все благополучно в «датском королевстве» нашей прокуратуры. Все, что делается со мной (да и со всеми, кто привлечен по делу об «августовском перевороте») ничего общего с правовыми решениями не имеет. И повинны в этом не узники «Матросской тишины». Повинны те, кто еще до суда объявил, что они виновны, «подлежат наказанию по всей строгости закона» и «практически обречены». Отсюда закономерны протесты общественных организаций, политических партий, резолюции митингов и демонстраций, ходатайства ученых-юристов, поток писем поддержки, поступающих в «Матросскую тишину». Заговорили о судьбе политзаключенных в депутатском корпусе, на форумах различных массовых движений. Сейчас, когда следствие объявило свою работу завершённой, идет к концу ознакомление с материалами дела, отпадает последний довод против освобождения всех политических заключенных из-под стражи до начала суда.

В этой обстановке Генеральному прокурору России пришлось признать, что «настроение общественности начало склоняться в пользу обвиняемых». Но как это могли допустить сегодняшние властные структуры! И получив соответствующие указания, Генеральный прокурор Степанков и его заместитель Лисов идут на невиданную акцию — они издадут свою книгу «Кремлевский заговор (версия следствия)». Однако, ознакомление с этим публицистическим романом

показывает, что дело далеко не ограничивается «версией». Перед нами хорошо скомпонованные под эту версию выдержки из свидетельских показаний, причем, естественно, только таких показаний, которые выгодны обвинению.

Налицо вопиющее нарушение закона. Ведь не только следствие, но и суд, как известно, обязаны делать все возможное, чтобы ни один свидетель не знал о показаниях других. Только так можно выяснить истину, объективные обстоятельства дела. А тут версия следствия сама по себе превращается в версию обвинения, которую пытаются заранее навязать обществу. Ведь следствие у нас, в отличие от других стран, не отделено, а, наоборот, прочно слито с прокуратурой, является ее придатком. Отсюда и неизбежный для такого следствия обвинительный уклон.

Недаром американский журнал «Ньюсуик», опубликовавший выдержки из книги Степанкова — Лисова, указывая, что в значительной части она состоит из протоколов допросов, замечает: «Если бы подобное дело рассматривалось в американском суде, такие разоблачения могли бы послужить основанием для снятия обвинения. В России же законодательные нормы не настолько ясны. Однако действия Степанкова ставят под вопрос его мотивы».

Пока же прокуроры и составитель книги — корреспондент «Огонька» Никитин — твердо уверены, что внедряемое ими досудебное обвинение вполне оправдано и они смогут повернуть колесо общественного мнения в свою пользу.

Такова реальная атмосфера, в которой проходит следствие по «делу ГКЧП». И я хочу, чтобы наша общественность ясно представляла себе его цели, чтобы она знала о том, что проку-

ратура осуществляла и осуществляет самый настоящий моральный и процессуальный террор, стремясь подавить и раздавить политических заключенных «Матросской тишины». И эту ее неблагоприятную, имеющую прежде всего политические цели, роль в любое время можно доказать с фактами и документами в руках. Видимо, действительно, где-то подспудно существует желание, чтобы политические узники этой тюрьмы, со столь лирическим наименованием, замолкли навсегда, просто не дотянув до суда.

Придет время, когда будущие историки, которые станут изучать августовскую трагедию 1991 года, воочию убедятся, как бывшие члены КПСС, типа господ Степанкова и Лисова, чинили расправу над своими бывшими товарищами по партии, вставшими на защиту Конституции страны, Советской власти и единства Советского Союза.

44. ПОЧЕМУ ВЫ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ «МОЛЧИТЕ», ОТКАЗЫВАЯСЬ ДАВАТЬ ПОКАЗАНИЯ СЛЕДСТВИЮ? ОПАСАЕТЕСЬ, ЧТО СКАЗАННОЕ ВАМИ БУДЕТ ОБРАЩЕНО ПРОТИВ ВАС?

Да, я действительно «молчу» все это время. Хотя, если верить далеко не случайно распространившимся слухам, то, после ознакомления с показаниям бывшего президента страны, я вдруг начал «говорить». Ничего подобного в действительности не было. Моя позиция остается прежней. Она основывается на принципиальных соображениях.

Во-первых, как уже говорилось, я не признавал и не признаю себя виновным. А посему мне незачем оправдываться и доказывать свою пра-

воту. Пусть сначала попробуют доказать мою вину те, кто возбудил уголовное дело и уже трижды успел поменять формулу обвинения.

Во-вторых, не хочу и не могу контактировать с людьми, которые не только необоснованно арестовали меня, но и, игнорируя презумпцию невиновности, уже в ходе первых следственных действий объявили меня «уголовным преступником». Прочитанные тома дела показывают, что следователи старательно отбирали свидетелей, главным образом из рядов парламентской оппозиции, анализировали каждый мой телефонный разговор, собирали обо мне все, что только могли, включая характеристики учителей средней школы, показания людей, посылавших мне новогодние открытки и т. п. В то же время они упорно обходили факты и документы, которые опровергают избранную ими версию, оставляя без внимания все законные ходатайства моих защитников. Что поделаешь, таков уж был «социальный заказ», данный властями «своей» послушной прокуратуре.

В-третьих, и здесь Вы правы, «молчу» я и потому, что есть опасность использования моих показаний во вред десяткам людей, прежде всего депутатов, встречавшихся или говоривших со мной в августовские дни. Многие из них далеко не сразу смогли определить свои позиции прежде, чем нажать кнопку поименного голосования. Ясно, что за этим могло последовать. Ведь «охота на ведьм», предложения о так называемых «люстрациях», преследование и замалчивание позиций инакомыслящих вовсе не исчезли из нашей общественной жизни. Вот почему я сделал все, чтобы ни один из депутатов (как бы он потом не голосовал: за или против меня) не был привлечен к ответственности, либо дискримини-

рован за то, как он поступал в дни августовского кризиса.

45. В ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ «СТАМПА», А ЗАТЕМ В НАШИХ ГАЗЕТАХ, БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ СТРАНИЦЫ ВАШЕГО ДНЕВНИКА, НАПИСАННЫЕ В ТЕ ТРИ РОКОВЫХ АВГУСТОВСКИХ ДНЯ. ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЭТОТ ДНЕВНИК В ЦЕЛОМ?

Такой «дневник», а точнее ежедневные записи моей работы, встреч и телефонных переговоров, я веду больше тридцати лет. В них, как правило, отмечаются только время, фамилия того, с кем шел разговор, и, в некоторых случаях, его краткое содержание. Это для того, чтобы после можно было проверить, как выполняется мое поручение или данное мне задание.

Надо сказать, что этот «дневник» довольно тщательно изучала, например, комиссия, созданная союзным Съездом народных депутатов в связи с событиями в Тбилиси, и убедилась в его полной достоверности.

В «дневниках» прошлых лет — пометки о контактах с Хрущевым, Косыгиным, Брежневым, Андроповым. Немало в нем записей о заседаниях Политбюро, Верховного Совета, встречах с зарубежными деятелями, о беседах и спорах, которые были у нас с Горбачевым. В частности, листая «дневник», можно с точностью до дня и часа рассказать о том, как мне трижды пришлось ставить перед союзным президентом вопрос об уходе с поста Председателя Верховного Совета СССР в связи с разногласиями с самим президентом, его окружением и той травлей, которую развернули против парламента газеты с конца 1990 года.

Точно так же бесстрастно зафиксированы в

«дневнике» и все мои встречи, беседы и телефонные переговоры в дни августовского кризиса и после него. Следствие, как ему и рекомендовала наша демократическая пресса (см. «Известия» 3 февраля 1992 г.), дотошно проверило подлинность того, что было записано в этом моем дневниковом календаре, допросив десятки людей. И что же? Все факты подтвердились. Расхождения были лишь в минутах. Вся беда прокуроров в том, что подробный комментарий к каждой записи может дать только их автор. А он с предвзятым, обуреваемым обвинительным уклоном следствием не хотел и не хочет иметь никакого дела.

46. ОБЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ С ДРУГИМИ ПОЛИТИКАМИ, ПРОХОДЯЩИМИ ПО «ДЕЛУ ГКЧП»? КАКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОНИ ПРОИЗВЕЛИ НА ВАС И ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НИМ ПО СРАВНЕНИЮ С АВГУСТОМ 91-ГО?

Поскольку я отказался давать показания и иметь дело с представителями следствия, каких-либо прямых личных контактов с другими политзаключенными «Матросской тишины» у меня практически не было. Была только единственная возможность познакомиться с их позициями, взглядами и чисто человеческими качествами при чтении материалов уголовного дела. Ведь за каждым показанием, зафиксированным следователем, магнитофоном, видеокамерой, заново вставал человек, которого я знал, либо с которым каким-то образом соприкасался до августовских событий. Древняя мудрость гласит: «Успехи показывают, что ты можешь, а неудачи — то, чего ты стоишь». Так вот, следствие

достаточно точно позволяет судить, кто чего стоит.

И здесь, скажу откровенно, разочарований у меня было сравнительно немного. В большинстве своем, все, кто проходит по «делу ГКЧП», твердо отстаивают свои позиции, доказывая, что руководствовались прежде всего интересами страны, стремлением защитить единство Союза и его Конституцию. Выйдя из «Матросской тишины», Олег Семенович Шенин вполне обоснованно сказал корреспонденту: «Все, кто там сидит, держат себя очень достойно, никто, как говорится, не потек, никто не молит о пощаде, никто не изменил своим идеалам, своей этике» («День» 15—21 ноября 1992 г. № 46).

Мне трудно кого-либо выделить, но я назвал бы мужественную и честную позицию Маршала Дмитрия Тимофеевича Язова, уверенность и выдержку Генерала армии Валентина Ивановича Варенникова, твердость Василия Александровича Стародубцева, который на первое свидание вызвал в тюрьму не жену и дочь, а своего колхозного заместителя и главного бухгалтера, чтобы расспросить о делах хозяйства.

Но самое сильное впечатление произвели на меня тома уголовного дела, посвященные человеку, которого я хорошо знал и с которым мы много вместе работали в Верховном Совете СССР. Это материалы о Маршале Советского Союза Сергее Федоровиче Ахромееве — человеке высокого гражданского долга и кристальной честности.

В деле осталось неотправленное в июле прошлого года письмо на мое имя, в котором Сергей Федорович требовал поручить комитетам Верховного Совета рассмотреть и доложить

парламенту вопрос о ведущейся в стране разнузданной кампании компрометации нашей Армии и ее командного состава, о необходимости решительно защитить честь и достоинство советских воинов.

Мне кажется, что одним из самых трагических документов времен перестройки являются записные книжки Маршала Ахромеева. Меня просто потрясло, какую точную характеристику еще весной 1991 года давал Сергей Федорович складывавшейся в стране кризисной ситуации и ее «крестным отцам», особенно Яковлеву и Шеварднадзе, как точно и беспощадно к самому себе и другим депутатам он писал о бессилии парламента исправить положение, сохранить завоевания социализма, дружбу и согласие советских народов.

Не пощадил Маршал в своих записках и бывшего Президента СССР. Анализируя, как получилось, что страна оказалась на краю гибели, легкомыслие это или злой умысел, С. Ф. Ахромеев приходит к однозначному выводу: «виноват в первую очередь сам Михаил Сергеевич — его приспособленчество и компромиссность... Будет программа и реализация, люди поддержат. Не будет — люди от Горбачева отвернутся. Отставка неизбежна. М. С. Горбачев дорог, но Отечество дороже!». Я мог бы многократно повторить за Маршалом эти его трудные, но честные слова.

Касаясь августовских событий, Сергей Федорович пишет: «Почему я приехал в Москву по своей инициативе, никто из Сочи меня не вызывал, и начал работать в „Комитете“? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, еще раз лично убедился в этом. Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был

убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом». «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я считал смыслом своей жизни», — написал Сергей Федорович в своей предсмертной записке.

Пройдут годы и, уверен, в августовские дни будут идти и идти люди к могиле этого мужественного человека, всем своим сердцем воина и патриота воспринявшего трагедию нашей Родины.

47. ЕСЛИ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО «ДЕЛУ ГКЧП» СОСТОИТСЯ, КАКИМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОН БУДЕТ?

Пока что Генеральный прокурор России полагает, что суд начнется еще не очень скоро и может закончиться самое раннее летом 1993 года.

Если же суд состоится, а я думаю, что каждый из нас в нем заинтересован, то хотелось бы надеяться, что это будет открытый, гласный и честный суд, что он будет проведен на высоком профессиональном юридическом уровне. Только тогда суд даст возможность миллионам людей в полной мере разобраться в августовских событиях, понять их подлинный смысл как последней попытки защитить Советское союзное государство и его конституционный строй. Ведь чем более продолжительное время отделяет нас от августа 91-го, тем все быстрее прозревает общество, тем все более сдержанную и взвешенную оценку дает оно так называемому «путчу», «изоляции президента», «штурму Белого дома» и т. д.

Конечно, для проведения объективного и честного суда нужна обстановка, исключающая всякое давление на суд, всякую предвзятость и нагнетание общественной истерии.

Судя по действиям властей и послушных им средств информации, надежд на создание такой обстановки не так уж много. Поэтому мне думается, что и обвиняемые, и их защита вправе требовать самого тщательного соблюдения их прав и процессуальных гарантий. А это значит, что сегодняшние властные структуры должны будут доказать, что они действительно стремятся к демократии и правовому государству.

Нет у меня особых иллюзий в отношении возможностей суда и характера его действий, хотя союзный Закон о независимости судей обязывает их объективно и глубоко профессионально подойти к этому сложнейшему делу. Как это будет происходить и каков будет итог, сказать трудно. Полюса общественного мнения относительно августовских событий чрезвычайно разошлись. Одни предлагают ни в коем случае не выпускать гэкачепистов из тюрьмы, дабы не усилить «поднимающую голову оппозицию». Другие выступают за амнистию или помилование. Третьи настаивают на оправдании. Не обошлось здесь и без «планетарного демократа» А. Н. Яковлева, полагающего, что «хотя вина гэкачепистов бесспорна, их можно отпустить, запретив, однако, заниматься политикой» (см. «Аргументы и факты», № 33, сентябрь 1992 г.). Как все-таки великодушен наш гуманнейший из гуманных, умудренных мудростью наигуманнейших, экс-пророк «перестройки», защищающий принцип: «Вы можете свободно выражать свои политические мнения, но с кляпом

во рту». Не это ли станет наилучшим символом того уровня «демократуры», которого мы достигли?

Нет, друзья-демократы, ничего из этого не выйдет! Каменный мешок тюрьмы может высосать все жизненные соки из горстки коммунистов, но нельзя, невозможно загнать в казематы и задушить идеи социализма и братства народов, которые признает сегодня любой уважающий себя прогрессивный деятель нашей планеты!

48. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВЫЗОВЕТ ЛИ СУД ГОРБАЧЕВА И В КАЧЕСТВЕ КОГО?

Следствие дважды допрашивало Горбачева в качестве свидетеля. Свидетельские показания членов его семьи имеются в одном из томов уголовного дела об августовских событиях. В этих показаниях есть немало моментов, противоречащих показаниям других лиц.

Если суд будет стремиться объективно выяснить истину, то он, видимо, не сможет пройти мимо таких моментов. Как он их будет выяснять — дело суда.

49. В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ СССР И КАРДИНАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ В СТРАНЕ, КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВАС ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ИЛИ АМНИСТИИ?

Если иметь в виду возможность освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим мотивам, в частности, в связи с изме-

нением общественно-политической обстановки, то ведь оно означало бы признание вины без решения суда. Не думаю, что это приемлемо, по крайней мере для меня.

Амнистия также в большинстве случаев объявляется для тех, кто совершил преступления. Я же преступления не совершал, виновным себя не признавал и не признаю.

В России в середине 1992 года было принято решение парламента об амнистии. Она, естественно, не коснулась политических заключенных. Да это было бы и странно, учитывая позицию властей, направленную не только на ограничение оппозиции (а именно к ней они относят политических заключенных «Матросской тишины»), но и вообще официальную политику по недопущению какой бы то ни было серьезной оппозиции, ее запрещению и дискредитации.

В этом свете, мне кажется, надо оценивать и возможность нынешнего российского правосудия. Ясно только, что какое бы решение не вынесли судьи, их приговор будет рассматриваться еще одним судом — судом народа, судом истории, которая пока далеко еще не сказала последнего слова в споре между капитализмом и социализмом, национал-сепаратизмом и братской дружбой людей разных рас и национальностей.

Надеюсь, что в этом же духе настроены и мои томящиеся в тюрьме товарищи, которые несмотря на разную степень участия в августовских событиях, думали и заботились об одном — об интересах трудового народа, о целостности и могуществе страны.

50. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, СКЛАДЫВАЮЩЕЕСЯ ВОКРУГ «ДЕЛА ГКЧП», В ЧАСТНОСТИ, ПОЗИЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ?

Тут в общественном мнении и его газетном и радиотелевизионном «зеркале» есть свои тенденции и свои проблемы.

В первые месяцы после августовского кризиса газеты и другие средства массовой информации, вторя официальным голосам, заявляли, что это был «путч», «военный переворот» и почти единодушно требовали «наказать преступников», поддерживая мнение о том, что нет ни малейших сомнений в необходимости наказания. Да и каким мог быть, например, тон московских проправительственных газет, если в письме на имя Президента России от 24 августа 1991 года мэр Москвы Г. Попов громогласно заявил: «Сейчас, когда одержана наша общая победа, настало время всенародного суда над предателями и изменниками. Вина их очевидна. Руководство страны и ее народ должны знать все аспекты и последствия преступных деяний, совершенных самозванным ГКЧП». Из какого времени это письмо? Многие скажут — оно из 37-го года. Та же терминология, те же «предатели и изменники», та же слепая ненависть к обвиняемым без всякого следствия и суда. Разве можно было в те месяцы даже заикаться об объективности и презумпции невиновности?

Однако время шло, постепенно общественное мнение и тон прессы начали меняться. Стали слышны трезвые голоса о том, что в характере августовских событий и деле их участников надо разобраться более глубоко и взвешенно, не допустить огульных обвинений. Пока что таких голо-

сов не очень много, но число их растет с каждым месяцем. Это хороший знак. Он дает основания надеяться, что в деятельности суда будет последовательнее воплощаться принцип разделения властей, и никто (включая и президента) не сможет говорить вместо суда, что «мы уже заранее все решили». До сих пор не заживают раны той страшной человеческой трагедии, которую принесли стране ГУЛАГ, спецсуды, тройки и трибуналы, когда любая судьба заранее предreshалась одним росчерком сталинского пера. Все это мне довелось видеть своими глазами, работая в комиссиях по реабилитации жертв репрессий 30—50-х годов.

Известны слова Эрнеста Хемингуэя: «Мы не виновны. Нас приговорят». Не хотелось бы, чтобы эти слова стали зловещей явью на нашей земле.

51. КАК ВЫ РАСЦЕНИВАЕТЕ ЗНАЧЕНИЕ «ТЮРЕМНОГО ОПЫТА» В ВАШЕЙ ЖИЗНИ? ЧТО МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ ОБ УСЛОВИЯХ, В КОТОРЫХ СОДЕРЖИТЕСЬ, О СОСТОЯНИИ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ, ОБ ОТНОШЕНИЯХ С ТЮРЕМНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ И СОКАМЕРНИКАМИ?

Когда я был в Индии, в бомбейском домике Махатмы Ганди, мне напомнили его афоризм, который звучит примерно так: «Каждый, кто желает заниматься большой политикой, должен какое-то время посидеть в отечественной тюрьме».

Отсюда, конечно, лучше видны недостатки законодательства в целом и исправительно-трудового, в частности, виднее необходимость освобождения ряда категорий заключенных, которое

не успел провести в свое время Верховный Совет СССР.

Что касается условий содержания в тюрьме, то я прошел нелегкий жизненный путь. Долго жил в голоде, считая каждую копейку, не имея денег, чтобы купить хорошую книгу или одежду, работал по двенадцать — четырнадцать часов в день. Поэтому неизбежные тяготы тюремного заключения для меня не обернулись катастрофой.

И администрация тюрьмы, и другие заключенные относятся к политическим узникам уважительно. Это старая традиция. Десять месяцев я находился в камере вдвоем с довольно интересным и умным предпринимателем, который вышел на свободу по амнистии. Жили мы с ним в полном согласии и все делили пополам. Теперь вот уже почти полгода я в камере один.

Здесь я много работаю, знакомлюсь с делом, готовлю публикации, отвечаю на вопросы газет и многочисленные письма, читаю, занимаюсь поэзией.

Как видите, настроение у меня и спокойное, хотя, конечно, не скрою, почти полтора года в тюрьме даром для здоровья пройти не могли. Такое спокойствие явно не по душе следователям и их руководителям, которые в своих многочисленных интервью неизменно заявляют, что бывший Председатель Верховного Совета СССР оказался, мол, психологически уязвимым, не сдерживает себя, грубо обходится с представителями прокуратуры и т. д. Думаю, что не сдерживают себя прежде всего сами блюстители закона, а у меня выдержки и терпения хватит, как хватало их в ходе самых жарких и нервных дебатов в парламенте.

Так что пусть господа прокуроры поменьше

разглагольствуют о некой «психологической подавленности» политических узников «Матросской тишины». Силы духа у них достаточно, поскольку правда на их стороне. Хватило бы здоровья и жизни, которая прожита, я уверен, не зря.

52. КАК ЖИВЕТ ВАША СЕМЬЯ? ИСПЫТЫВАЕТ ЛИ ОНА ДИСКРИМИНАЦИЮ ИЛИ ЖИВЕТ, КАК РАНЬШЕ?

У меня всегда была дружная семья. Мой арест был для нее, конечно, тяжелым ударом, но еще больше сплотил ее. Моя жена — профессор, член-корреспондент Академии Медицинских наук, с благодарностью отзывается о поддержке и понимании своих коллег. Много добрых слов участия и помощи получает моя дочь, работающая доцентом МГУ, и ее муж. У внука в школе не было никаких проблем ни с учителями, ни с одноклассниками.

Недавно у меня на свидании побывала моя мама — вдова офицера, погибшего в годы Отечественной войны. Ей 85 лет. Она живет в Смоленске и рассказывала мне, какой заботой окружили ее совсем иногда незнакомые люди, сочувствующие, помогающие, подбадривающие. Письма, которые я получаю от матери, всегда проникнуты верой в мою правоту.

В материальном смысле трудности у семьи, конечно, есть, но кто их не имеет в наше нелегкое и тревожное время.

Самое же неожиданное последствие моего ареста — это то, что у нас оказалось гораздо больше добрых друзей, чем мы даже могли пред-

полагать. И мои домашние, и я чувствуем это почти каждый день, получая десятки писем от совсем незнакомых людей со всех концов нашей страны и из-за рубежа. В большинстве этих писем — пожелания выдержки, благословения и поддержка. Иногда приходят денежные переводы, продукты, рецепты, эссе и даже целые стихотворные сочинения. Все это достаточно убедительно говорит о настроениях в нашем обществе. Жаль только, что не всем моим доброжелателям я отсюда могу ответить и поблагодарить за участие и понимание.

53. ВАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПУТЧА НАСТОЛЬКО ИЗМЕНИЛОСЬ, ЧТО СПРАВИТЬСЯ С ЭТИМ В ОДИНОЧКУ, БЕЗ КАКОЙ-ЛИБО ПОДДЕРЖКИ И ОПОРЫ ВЕСЬМА СЛОЖНО. В КОМ И В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ЕЕ?

Когда человек теряет опору и веру в свое общество, в своих товарищей, в своих близких, он терпит самую страшную жизненную трагедию.

Могу с уверенностью сказать, что такая трагедия меня миновала.

Со мной остались мои многочисленные друзья и товарищи. Более того, их число даже выросло, а исключений буквально единицы.

Много писем пришло мне за это время от народных депутатов СССР и РСФСР. В некоторых из них — раскаяние и осознание несправедливости того, что произошло на последней сессии Верховного Совета СССР. Большая группа депутатов, ученых-юристов, врачей, деятелей культуры подписали поручительство о моем освобождении из-под стражи.

Поступает немало резолюций и решений съездов, собраний, митингов, манифестаций, партийных групп. Для политических заключенных — это огромная моральная поддержка, помогающая преодолеть чувство одиночества, верить в то, что твои мысли, твои оценки разделяют тысячи людей. Правда, кое-кто из прокурорских деятелей умудрился заявить, что узники «Матросской тишины» не очень-то, мол, хорошо воспринимают происходящие здесь митинги. Но это не более, чем очередной, далеко не безобидный трюк служителей российской Фемиды и ее властных хозяев.

Я уже говорил о поддержке, которую получаю от своей матери, жены, дочери, всех моих родных, о той верности и стойкости, с которой они встретили мою, а точнее нашу общую беду.

Но еще раз хочу повторить: может быть самое сильное, трогательное за душу ощущение нерасторжимости со своей Родиной я испытываю почти каждый день, получая добрые письма от людей, живущих во всех бывших советских республиках. Вот лишь некоторые из толстой пачки писем, поступивших за несколько последних дней: ветеран войны, Герой Советского Союза из Москвы и металлург из Караганды, старшеклассник из Санкт-Петербурга и священник сельской церкви из Псковщины, нефтяник из Тюмени и врач с Камчатки, музейный работник из Крыма и военнослужащий из Белоруссии, ветеран труда из Донбасса и учитель из Узбекистана, многодетная семья из Казани и одинокая пенсионерка из Рязанской области.

Можете себе представить, как дорого мне каждое из этих писем. В них мнение тысяч

людей. В них — моя надежда и, если хотите, социальная опора для продолжения борьбы за справедливое дело.

Значит, не зря я прожил 62 года. почти пятьдесят лет из которых были отданы труду. Вот почему я не страшусь своего будущего, каким бы оно не было.

VI. ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И ПОЭЗИЯ

54. ГОСПОДИН ЛУКЬЯНОВ, ЛЕВЫЕ ГАЗЕТЫ МНОГО ПИШУТ О ВАШЕЙ СТОЙКОСТИ В ТЮРЬМЕ. НЕМАЛО СПОРОВ ИДЕТ О ВАШИХ ДЕЙСТВИЯХ В АВГУСТЕ ПРОШЛОГО ГОДА. НО У ВСЕГО ЭТОГО БЫЛА СВОЯ ПРЕДИСТОРИЯ. ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ. НЕ МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ, ХОТЯ БЫ КРАТКО, РАССКАЗАТЬ О НЕЙ?

Попытаюсь это сделать очень конспективно. Я родился и вырос в одном из самых древних русских городов на стыке России, Белоруссии и Украины — Смоленске. Этот город, стоявший на пути к Москве против многих чужеземных завоевателей, неоднократно сгорал дотла, а потом воскресал из пепла и разорения. Смоленщина, пожалуй, одна из самых многострадальных частей России.

Моя судьба мало чем отличается от судьбы большинства детей войны. В июне 1941 года от прямого попадания фашистской бомбы сгорел наш дом на берегу Днепра. Потом эвакуация, обстрелы беженцев, бомбежки, голод и холод. В 1943 году в Саратовской области пришлось пойти работать на оборонный завод. Таких как я мальчишек в те военные годы на заводах было много.

После возвращения в Смоленск окончил школу и поступил учиться на юридический факультет Московского университета. В 1953 году закончил университет, а в 1956 году — аспирантуру по кафедре теории государства и права. Это были бурные годы, когда после смерти Сталина началась знаменитая хрущевская «оттепель». Всей душой включился в нее, работая в комсомоле, литературных объединениях, не про-

пускающая ни одного митинга, ни одного поэтического вечера в Политехническом музее. В 1955 году, накануне XX съезда КПСС, вступил в Коммунистическую партию и с полным основанием могу отнести себя к поколению, получившему наименование «шестидесятников».

После XX съезда партии был направлен на работу в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. Здесь занимался главным образом сравнительным правоведением, был экспертом при заключении первых договоров о правовой помощи с зарубежными странами, прежде всего с государствами Варшавского договора.

В 1961 году меня перевели из правительственного аппарата в Верховный Совет СССР. Тут предстояла большая работа по обновлению законодательства и подготовке проекта новой Конституции страны. В связи с этим пришлось основательно изучать документы по истории становления и развития нашего конституционного строя, в том числе материалы из личного архива Сталина. Работая в отделе по вопросам работы Советов, секретарем парткома аппарата Президиума Верховного Совета СССР, часто выезжал на места, побывал практически во всех союзных республиках. Защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию.

В 1976—1977 годах участвовал в подготовке проекта союзной Конституции, работая в аппарате ЦК КПСС. Затем снова вернулся на работу в парламент, где до 1983 года был начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1983 года по предложению Ю. В. Андропова был переведен на работу в ЦК КПСС. Там был сначала первым заместителем

заведующего, а потом заведующим Общим отделом, обслуживающим непосредственно Политбюро и Секретариат Центрального Комитета партии. На январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС был избран секретарем Центрального Комитета, ведавшим правовыми и административными вопросами.

В октябре 1988 года снова возвращаюсь на работу в парламент и избираюсь первым заместителем Председателя президиума Верховного Совета СССР, Председателем которого стал Горбачев. Практически все внимание было сосредоточено тогда на подготовке первого Съезда народных депутатов СССР, на котором я был избран первым заместителем Председателя Верховного Совета — нового постоянно действующего законодательного и контрольного органа власти страны. С избранием Горбачева Президентом СССР в марте 1990 года я стал Председателем союзного парламента.

Все остальное, пожалуй, вам известно. Ведь работа председателя парламента всегда была под придирчивым взглядом журналистов, объективами фотоаппаратов и телекамер. Миллионы телезрителей следили за работой съездов и Верховного Совета СССР, откликались потоками критических и одобрительных писем, хвалили и ругали, советовали и требовали. Хотя, скажу откровенно, там на телеэкранах оставалась только завершающая, итоговая часть работы. Две трети ее шло за стенами парламентского зала, и это была не только подготовка к заседаниям, выработка документов и законопроектов, но и беседы с сотнями депутатов, прием граждан, встречи с представителями фракций, делегациями зарубежных парламентов. Словом, все, что называется текущей работой.

Как видите, путь у меня был не простой и не легкий. Были очень тяжелые и более или менее спокойные годы, заблуждения и прозрения. Было постоянное стремление в любых ситуациях оставаться самим собой. Но так или иначе, горький вкус политики пришлось почувствовать сполна, а, как говорит библейская мудрость, «во многие знания многие печали таятся».

55. С КЕМ ИЗ ПРОШЛЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ ВАМ ПРИШЛОСЬ КОНТАКТИРОВАТЬ И КОМУ ИЗ НИХ ВЫ МОЖЕТЕ ОТДАТЬ ПРЕДПОЧТЕНИЕ?

Моя работа в парламенте, правительственном аппарате и в центральных органах партии в какой-то мере была связана с несколькими поколениями руководителей страны.

Из старой сталинской гвардии у меня были встречи и беседы с Молотовым, Ворошиловым, Андреевым, Буденным. Много мне рассказывал, оценивая Сталина и его окружение, Анастас Иванович Микоян. Люди это были разные и по своему образовательному уровню, и по широте взглядов, и по отношению к нашему революционному и послереволюционному прошлому. По крайней мере каждый из них заслуживал бы, на мой взгляд, отдельной главы воспоминаний.

В связи с работой над готовившимся с 1959 года проектом новой Конституции СССР, с принятием закона о пенсиях колхозникам и ряда других законодательных актов, мне довелось не раз встречаться с Хрущевым. Это был, несомненно, крупный политик, который, несмотря на всю свою категоричность, умел слушать оппонентов, чутко и быстро улавливать новые идеи. Причем, уж если в какую-нибудь из них он уверовал, то

начинал проводить ее с напором тяжелого боевого танка. И это касалось не только внедрения кукурузы до северного полярного круга или квадратно-гнездового способа посевов. Такая хватка в политике была в целом присуща этому уже немолодому человеку. Есть старики, которые с годами угасают. Хрущев был иным — импульсивным, подвижным, хватающимся за множество крупных, а порой и мелких дел. И в то же время сквозь всю эту активность, непримиримость в разоблачении культа Сталина, в проведении курса на разрядку международной напряженности, явно проступали его старые замашки напористого и непреклонного большевика.

Первая встреча с Брежневым состоялась у меня в июне 1961 года. Работать с ним было тогда легко. Он был сравнительно молод и активен, теснейшим образом связан с местами. Брежнев явно тяготила декоративная роль Верховного Совета СССР, Президиум которого он возглавлял. Но его попытки хоть как-то обновить работу парламента наталкивались не только на косность партийно-государственного аппарата, но и на прямое противодействие Хрущева, совмещавшего посты первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР.

Тягостные воспоминания остаются у меня о дряхлом и больном Брежневе, которого его «днепропетровское» окружение, казалось через силу, заставляло выполнять государственные функции. Даже проект Конституции 1977 года, который ему предстояло докладывать на сессии, Брежнев воспринимал с большим трудом, многократно звонил Сулову, советуясь не слишком ли далеко зашли либералы-составители проекта. Готовясь к XXVI съезду партии, Брежнев мог работать в Завидово, где собиралась тогда рабо-

чая группа, не более двух—трех часов. Он угасал на глазах, передав фактически все поводы государственного и партийного руководства небольшой группе окружавших его людей, прежде всего Устинову, Андропову, Громыко, Тихонову, Черненко. Именно ими принимались многие главные решения, которые подписывал тяжело больной глава партии и государства.

Отвечая на вопрос, кому бы я отдал предпочтения из тех руководителей страны, с которыми мне довелось контактировать, могу с уверенностью назвать двух людей. Это Алексей Николаевич Косыгин и Юрий Владимирович Андропов.

Сдержанный, умеющий отстаивать свои позиции и в Политбюро, и в Правительстве, и в Верховном Совете, Косыгин был энциклопедией экономических знаний. Причем не только, как теперь говорят, «макроэкономических», но и вполне конкретных, будучи отлично осведомленным в хозяйственной обстановке в различных регионах страны и на крупнейших промышленных объектах. Отношения Косыгина с Брежневым и особенно с его ближайшим окружением были, мягко говоря, натянутые. И я не раз слышал на заседаниях Политбюро сдержанно-напористый голос Косыгина, вступавшего в спор с Сусловым, Подгорным, Кириленко. Причем из таких споров он довольно часто выходил победителем. Однако задуманную Алексеем Николаевичем программу экономических реформ этой группе в конце концов все же удалось похоронить.

С Юрием Владимировичем Андроповым я познакомился в 1957 году. Высокий, сутуловатый этот человек с крутым лбом и недоверчивым взглядом умел вовлечь собеседника в русло своих размышлений и таким образом постепенно

делать его своим единомышленником. Он, конечно, всеми своими корнями врос в прошлое нашей страны, в централизованную систему партийной и государственной власти. Отсюда первыми его шагами на посту генерального секретаря ЦК было наведение порядка на производстве, укрепление государственной дисциплины, основательно расшатанной при Брежневе, борьба с коррупцией и взяточничеством. Здесь он был тверд и, скажем прямо, такая политика Андропова в тот период находила полную поддержку в обществе.

Юрий Владимирович был решительным защитником марксизма-ленинизма, который он, в отличие от Брежнева, знал не по специально подобранным референтами цитатам, а по первоисточникам. В дни столетия со дня смерти Карла Маркса он подготовил и опубликовал интересную, на мой взгляд, работу о судьбах демократии, где впервые поднял основательно забытую нашими коммунистами проблему самоуправления в обществе. Для внешне сурового, требующего дисциплины Андропова, этот разговор о демократии был на первый взгляд неожиданным. На самом же деле это шло от глубокого понимания того, что порядок в обществе может быть прочным только тогда, когда он опирается на подлинно демократические институты.

Не сомневаюсь, отпусти судьба Юрию Владимировичу еще несколько лет жизни, не было бы у нас ни катастрофических шараханий, ни кровавых межнациональных конфликтов, ни повсеместного ослабления государственной власти. Вообще меня удивляло ревнивое отношение Горбачева к политике покойного Андропова, которого союзный президент не раз старался представить как умного, но глубоко консервативного

деятеля. Не могу с этим согласиться. Да и консерватизм бывает разный — созидательный и разрушительный. Последовательный в своих партийных убеждениях, Андропов был настроен на созидательный лад, на перестройку и модернизацию нашей экономической и политической системы, а не на безоглядную ломку устоев советского строя.

Все познается в сравнении. В политике эта истина проявляется наиболее рельефно потому, что здесь сравнение делают миллионы людей, сталкивающихся с превратностями политики и политиков.

56. ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НА ВЫСОКИХ ПОСТАХ ВАМ ПРИХОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ С РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ, ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫМИ И ПРОСТЫМИ. РАССКАЖИТЕ, ЧТО ВАМ ЗАПОМНИЛОСЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

Памятных встреч было немало. Хотя думаю, что деление людей на простых и высокопоставленных не совсем корректно. Каждый человек сложен, его простота — лишь поверхностное впечатление. Человек — это целый мир.

Скажу прямо: мне очень дороги встречи с земляками — людьми моей родной Смоленщины, рабочими, земледельцами, учителями, со стариками на завалинках старых сельских кузниц. Но с ними рядом всегда для меня памяты встречи с такими исконно смоленскими деятелями культуры, как Твардовский и Коненков, Рыленков и Исаковский. Незадолго до августовских событий я снова побывал в родных краях — и в восстановленной крестьянской хате семьи Александра Трифоновича Твардовского, и у матери Юрия Алексеевича Гагарина, с которым

меня связывали теплые земляческие отношения, и в доме-музее Михаила Ивановича Глинки в Новоспасском. Как будто чувствовала моя душа, что я надолго расстаюсь с нашей скудной, но обильной талантами землей.

Буду всегда помнить таких титанов творческой мысли, с которыми мне посчастливилось разговаривать, как Курчатов, Королев, Келдыш, Янгель, Несмеянов, Петровский. Эти широко эрудированные люди были удивительно открыты свежей идее, шутке, человеческому порыву. И в то же время они не стеснялись называть подлость подлостью, карьеризм карьеризмом, а произвол властей произволом.

Особый разговор должен быть о моих связях с писательским и театральным миром, его старшим и нынешнем поколением. Здесь можно было бы с благодарностью назвать много имен действительно талантливых, широко одаренных людей, оказавших на меня, на весь строй моих мыслей без преувеличения огромное влияние.

Вспоминая зарубежных деятелей, с которыми довелось встречаться, можно было назвать генерала де Голля, Гамаль Абдель Насера, Урхо Кекконена, Чжоу Эньлая, Вилли Брандта, президента Кипра архиепископа Макариоса.

Были весьма плодотворные и душевно глубокие встречи с руководителями бывших стран социалистического содружества. Из них я особо выделил бы беседы с Яношем Кадаром, Александром Дубчеком и Войцехом Ярузельским. С интересом вспоминаю встречи с президентами США Никсоном, Рейганом и Бушем, с Маргарет Тэтчер, Франсуа Миттераном, переговоры с делегациями парламентов, приезжавших к нам со всех континентов.

Но, пожалуй, самый глубокий след в памяти

оставили у меня политические и духовные лидеры Индии — Джавахарлал Неру, Индира и Раджив Ганди, встречи с которыми проходили в разное время. Последняя наша встреча с Радживом Ганди была незадолго до его трагической гибели. В саду Хайдарабадского дворца в Дели мы проговорили с ним почти целую ночь о судьбе советско-индийских отношений, об огромной опасности национально-кастовых предрассудков и сепаратизма, о непредсказуемости судьбы политиков.

Так что я благодарен судьбе. Главная роскошь жизни, о которой писал Сент-Экзюпери, — радость человеческого общения — не обошла меня стороной.

57. В ОДНОМ ИЗ СВОИХ ИНТЕРВЬЮ ВАША ДОЧЬ ГОВОРИЛА, ЧТО ВЫ ВЗЯЛИ С СОБОЙ В «МАТРОССКУЮ ТИШИНУ» ВОСЬМИТОМНИК КЛЮЧЕВСКОГО. КАКОЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАИБОЛЕЕ СХОЖ С ТЕМ, ЧТО МЫ СЕЙЧАС ПЕРЕЖИВАЕМ?

У меня дома довольно большая библиотека по истории России — от Карамзина и Соловьева, Костомарова и Иловайского, до Покровского и Грекова. Здесь, в заключении, у меня появилась возможность еще и еще раз вчитаться в труды наших историков. Суэта политической, парламентской работы позволяла это делать только урывками.

Действительно, отечественная история хороший инструмент для оценки наших нынешних событий. Но прямой параллели между каким-то одним отрезком прошлого России и современностью, видимо, найти не удастся. Смутное время? Да, несомненно, мы переживаем смутное время.

Период феодальной раздробленности? Что ж, и эта прожитая Россией беда имеет сегодня место. Петровские новшества и стрелецкие мятежи? И такое можно разглядеть в нашей действительности. Наконец, несомненно параллель с буржуазно-демократической революцией 1917 года с ее слабой властью, многопартийным ажиотажем, метаниями интеллигенции, массовым брожением и недовольством.

В этом-то и трудность оценки того сложнейшего времени, в котором мы живем. Вся беда в том, что кризис экономический переплетается с кризисом политическим, межнациональным и нравственным. Одно наложило на другое. Для одних это ренессанс, для других — реставрация; для одних национальное возрождение, для других — распад государственности. Вот откуда такое стремление осознать, понять себя, вернуться к истокам.

Хотелось бы только верить, что у нас хватит разума и воли не допустить насаждения чуждых российскому обществу надуманных схем и эталонов. Это мы уже проходили. И всегда модная заморская или иная одежда рано или поздно лопалась по швам на могучем теле отечественного организма. Об этом нужно постоянно помнить.

58. СОБРАНО БОЛЕЕ СОТНИ ТОМОВ ПО ТАК НАЗЫВАЕМОМУ «ДЕЛУ ГКЧП», ОПУБЛИКОВАНО БЕСЧИСЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО СТАТЕЙ, КАК РАЗОБЛАЧАЮЩИХ, ТАК И ОПРАВДЫВАЮЩИХ ЕГО УЧАСТНИКОВ, А В МОИХ РУКАХ НЕБОЛЬШАЯ КНИГА ПОД ЗАГОЛОВКОМ «СОЗВУЧИЕ». АВТОР— АНАТОЛИЙ ОСЕНЕВ. ТЕПЕРЬ К НИМ ПРИБАВИЛИСЬ ЕЩЕ ДВЕ КНИЖЕЧКИ «СТИХОВ ТЮРЬМЫ» УЖЕ ПОД ВАШЕЙ ФАМИЛИЕЙ. ОКАЗЫВАЕТСЯ, ПОЛИТИКА НЕ ТАК УЖ ДАЛЕКА ОТ ПОЭЗИИ.

Я скорее собиратель и любитель поэзии, чем собственно литератор. А любители, как известно, сами нередко пытаются заниматься стихосложением.

Бывают в истории времена, когда поэзия и политика составляют как бы единое целое. Разве не об этом говорит пронзительная поэзия декабристов, народвольтцев или, скажем, поэтические трибуны и барды времен «хрущевской оттепели»? Вот только в эпоху смуты поэзии всегда живется неуютно. Лишь потом, по прошествии немалого времени большому поэту удается нарисовать портрет смуты, судьбу царя Бориса и его печальные страсти.

На мой взгляд поэзия — это всегда раскованность мысли и души. Что бездуховно, то и безстиховно. Поэзии всегда тесно в стенах официальной государственности. Политика же — это больше холодный расчет, выбор многоходовых комбинаций. Чтобы достичь успеха, политик должен загнать свои чувства в дальний угол. В то же время поэзия сама по себе — отдушина, когда общество задыхается в дыму политических баталий. Для меня, например, после тяжелого дня парламентских дискуссий и фракционных дрызг всегда было великим отдохновением открыть заветный поэтический сборник русских романтиков или поэтов серебряного века. Сдерешь с себя панцирь политических условностей, прильнешь к свежему роднику большого искусства, и снова можно браться за политические хитросплетения.

Так что поэзия не только антипод, но и добрый лекарь политики. Тут налицо единство противоположностей.

Теперь мне еще яснее стало (хотя было известно и раньше), что для добротных стихов

нужен определенный стресс, искреннее глубокое переживание. Так появились сборники стихов из тюрьмы, вышедшие теперь без псевдонима. Для меня эти стихи — просто размышление о пережитом и сегодняшнем дне, раскрытие души и чувства в нелегкой жизни заключенного. А душа, чтобы жить, волноваться, сопереживать, как завещал Николай Заболоцкий, «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

59. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПОВСЕМЕСТНУЮ ПУБЛИКАЦИЮ ВАШИХ СТИХОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ГАЗЕТЕ «ДЕНЬ»? НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ, ЧТО ВАШЕ ИМЯ СТАЛО ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НЕКОТОРЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ СИЛАМИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ?

Стихи я пишу главным образом для себя. Теперь некоторые из стихотворений стали публиковаться в московских, петербургских и других изданиях. Иногда эти публикации сопровождаются комментариями с самых разных политических углов зрения. «День» к таким комментариям прибегает не чаще других газет, понимая, что стихи лучше всего не комментировать. Пусть они говорят сами за себя.

Одно только хочу сказать. Я искренне уважаю газеты с четко выраженной гражданской позицией и буду только рад, если мои далекие от совершенства строки помогут утверждению любви к нашей многострадальной Родине, уважению к ее истории, правильному пониманию ее нынешних проблем. Эта тема, на мой взгляд, сегодня самая важная и самая нужная. Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если зорко не всма-

триваться в наш сегодняшний трудный и ответственный день.

60. НЕ СОЧТИТЕ ЗА БЕСТАКТНОСТЬ, НО НА КАКОЕ БУДУЩЕЕ РАССЧИТЫВАЕТ ПОЛИТИК И ПОЭТ ЛУКЬЯНОВ?

По совести говоря, я никогда не относил себя к сугубо профессиональным политикам. Думаю, что как юрист-государствовед я был полезен на посту председателя союзного парламента, в освоении им многих новых функций и методов работы. Более двадцати лет я посвятил изучению истории Советов и законодательства о них. Уверен, что советская форма государственности жизненна и глубоко присуща характеру нашей страны. Много сил было отдано сравнительному правоведению, помогающему анализировать и брать все полезное из опыта зарубежных представительных органов.

Вот на этом привычном для меня научно-аналитическом поприще и хотелось бы еще поработать, если, конечно, у меня будет такая возможность. Взойдут в эту пору стихи, пусть они согревают душу. Стихам не прикажешь.

Хотя совсем от политики уйти не удастся. Сама моя профессия, хочу я того или нет, накрепко привязана к вопросам осуществления власти, выражения ее в законе, а значит — к политике. Ведь вовсе не случайно, например, когда такие, казалось бы вполне мирные, проблемы философии государства и права, как разделение властей, суверенитет, пределы правового регулирования, соотношение государства и гражданского общества, вдруг становятся острыми, взрывными проблемами се-

годняшной повседневной политической жизни.

И, естественно, хотелось бы помогать здоровым, а не разрушительным процессам в обществе. Мне кажется, что вообще объективных причин развала экономики, государственности, объективных причин развала экономики, государственности, падения уровня жизни народа у нас нет. Все это привнесено субъективными факторами борьбы за власть, национал-карьеризма, политического противостояния, забвения интересов миллионов простых людей. Повторяю и буду повторять: нельзя, недопустимо тащить народ от одного губительного социального эксперимента к другому, навязывать нашей огромной евро-азиатской стране зарубежные программы и стандарты.

Реформы — это совершенствование, последовательная модернизация производственных и других общественных отношений, а не стремительное разрушение всего и вся. Независимо от субъективных желаний их авторов, радикальная корректировка реформы, всей нынешней экономической и социальной политики неизбежна. Ведь речь идет не о каком-то одномоментном маневре, а о выживании целого народа с его традициями, хозяйственными, политическими и культурными устоями.

И здесь, как представляется, все явственнее вырисовываются пять главных направлений.

Во-первых, всеми законными, демократическими мерами стабилизировать экономическую и социально-политическую обстановку, остановить дальнейшее сползание общества в пучину кризиса и хаоса, социального и национального противостояния, а в конечном счете — к гражданской войне. В стране все ощутимее становится складывание правых, центристских и

левых политических сил. Но когда национальный доход всего за два года падает на одну треть, эти силы просто обречены на то, чтобы искать согласия, вырабатывать общие подходы, формировать правительство народного доверия, синтезировать все имеющиеся программы выхода из кризиса. Судьба страны, интересы народа выше амбиций любой фракции, партии или общественного движения.

Во-вторых, нужно использовать все возможности государства и общества для защиты трудящихся от дальнейшего обнищания, поскольку, рост богатства — на одном полюсе, и бедности — на другом — это как раз та почва, на которой разрастается гражданское противостояние. Нужны надежные социальные амортизаторы реформ. Иначе обстановка, едва регулируемая сегодня, окончательно выйдет из под контроля завтра.

В-третьих, необходимо сохранить Советы народных депутатов как органы власти в центре и на местах. И хотя они далеки от совершенства, упразднить Советы значило бы остаться без представительных органов вообще. Тем более, что проведение в нынешних условиях выборов в учредительное собрание или новые Советы вообще проблематично. Людям осточертели политические кампании. Свертывание же работы действующих Советов, их полномочий — прямая дорога к авторитаризму, к диктатуре самого непредсказуемого характера.

В-четвертых, опираясь на объективные законы экономической и научно-технической интеграции надо делать все возможное для движения к государственному единству народов страны, восстановлению братской дружбы людей разных национальностей, которая никогда не угасала, а лишь присыпана пеплом национализма и

сепаратизма. Тенденции к интеграции народов должны возобладать над дезинтеграционными процессами, и этому надо всемерно помогать.

В-пятых, все силы следует приложить к тому, чтобы восстановить престиж и влияние нашей Родины на международной арене. Миролюбивая внешняя политика при сохранении военной мощи и объединенных вооруженных сил на основе четкой оборонительной доктрины, взаимовыгодное сотрудничество с зарубежными партнерами, а не подачки с барского стола, территориальная целостность и неприкосновенность границ — вот слагаемые этого курса.

Конечно, все это потребует определенных этапов перехода от стабилизации к последовательному наращиванию реформ, к восстановлению экономического, политического и оборонного потенциала страны, к дальнейшей регулируемой модернизации всех сфер жизни общества. Пути назад нет, но и путь вперед должен быть выверен, продуман, взвешен профессионалами, а не дилетантами, в интересах народа с наименьшими издержками для него.

Вот такой политике хотелось бы служить и помогать.

Россия всегда напоминает мне знаменитых коней Клодта на Аничковом мосту в Петербурге, рвущих поводья из рук сильных и ловких атлетов. Это какой-то символ непокорности России, негибаемой в своём горе, устойчивой в своих традициях и стремящейся вперед к лучшей, более справедливой жизни. Вся борьба за Россию, за Отечество, за возрожденный Союз, за благополучие народа еще впереди!

**«Матросская тишина» — госпиталь ГУВД
15 сентября — 17 ноября 1992 года**

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга была подготовлена и сдана в издательство в середине ноября 1992 года. Но никакой типографский станок не может поспеть за быстротой спрессованных событий нашего времени. Оно внесло существенные дополнения в то, о чем говорилось в ответах на вопросы, пришедшие в «Матросскую тишину». Многие мои размышления оказались в русле этих перемен. Но есть и такие, которые с ними не совпали, требуют поправок и уточнений.

Их внес VII Съезд народных депутатов Российской Федерации и принятые на нем решения. Их внесла дальнейшая консолидация и размежевание общественных движений, которое, по всей видимости, идет к созданию трех больших блоков общественных сил со своей социальной базой, прессой, организацией, со все более четко вырисовывающимися группами лидеров. Компромиссные решения, принятые Конституционным судом 30 ноября 1992 года, на мой взгляд, еще раз показали, насколько велика пока дистанция, отделяющая нас от подлинной законности и независимости третьей, судебной ветви государственной власти.

С освобождением из под стражи в связи с окончанием следствия и передачей в суд «дела ГКЧП» несколько изменилось и мое положение. Но это не могло, конечно, изменить ни моих взглядов, ни моей оценки августовского кризиса. Поэтому я решил не вносить никаких поправок в текст тех ответов, которые были даны прошлой осенью на поступившие мне вопросы.

Пусть читатель сам судит о том, прав я был

или нет, пусть он поймет человека, которому далеко не все можно разглядеть и оценить из-за высоких тюремных стен.

В книге откровенно рассказано об августовских и послеавгустовских событиях, о мнимом «путче» и настоящем перевороте, повлекшем разрушение советского государственного строя. Рассказано так, как я их понимал и видел.

Известно, что у победы — сто отцов, а поражение — всегда сирота. Здесь названы и «победители», и «побежденные». Кто из них действительно «победитель» и кто «побежденный», каковы перспективы и тех и других, в конце концов определит народ. Думаю, что в его сознании, в его шкале ценностей социализм, социалистические цели и задачи остаются и будут оставаться впредь. Когда и как народ восстановит свои завоевания, вернется на путь обновленного социализма в интересах человека труда, — это только вопрос времени.

Принципы социализма в том или ином виде давно и прочно вошли в экономическую и социально-политическую жизнь человечества. И нет на свете силы, способной противостоять этой всеобщей закономерности.

Человеческий прогресс можно затормозить, но остановить нельзя.

Москва, 24 декабря 1992 года

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ПУБЛИКОВАЛИСЬ ИНТЕРВЬЮ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ А. И. ЛУКЬЯНОВА, ПРИВЕДЕННЫЕ В КНИГЕ.

- «Аргументы и факты», 1991 г. № 47; 1992 г. № 3.
- «24» газета ИТАР—ТАСС, 22 мая 1992 г.
- «День», 9—16 ноября, 1—7 декабря 1991 г.
- «Известия», 3 февраля 1992 г.
- «Именем закона» (Ярославль) 1992 г. № 3
- «Комсомольская правда», 27 июня 1992 г.
- «Московская правда», 1 августа 1992 г.
- «Московские новости», 15 сентября 1991 г.; 15 марта 1992 г.
- «Московский литератор», 1992 г. № 14
- «We/Мы» (советско-американская газета) 1992 г. № 3
- «Народная правда», октябрь 1992 г. № 40
- «Независимая газета», 11 августа, 17 и 18 сентября 1992 г.
- «Патриот», 1992 г. № 36, № 48.
- «Правда», 21 июля 1992 г.
- «Рабочий путь» (Смоленск), 16 марта 1992 г.
- «Санкт-Петербургские ведомости», 4 апреля 1992 г.
- «Советская Россия», 36 декабря 1991 г.; 3 ноября 1992 г.
- «Солидарность» (Московская газета), 1992 г. № 6.

Материалы и интервью Лукьянова помещались также в газетах и журналах США, Италии, Греции, Франции, Голландии, Норвегии, Ливана и некоторых других стран.

О Г Л А В Л Е Н И Е

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ	3
---------------------------------	---

I. АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС: ИСТОКИ, ВЫМЫСЛЫ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1. Что же произошло в августе — переворот, путч, мятеж или нечто иное?	6
2. Не был ли «путч» выдумкой, провокацией, заранее спланированной внутри страны и за рубежом?	13
3. Правда ли, что Горбачев был готов к введению чрезвычайного положения еще в апреле 1991 года?	17
4. Знал ли Горбачев заранее о планах «путчистов»? Как в связи с этим можно оценить его позиции?	18
5. Был ли Горбачев действительно изолирован в Форосе или это миф?	20
6. Как вы расцениваете свою роль в августовских событиях?	22
7. Почему не была немедленно созвана чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР?	24
8. Не кажется ли Вам, что Верховный Совет СССР в последнее время сдавал свои позиции?	28
9. Как Вы можете защищать этот Верховный Совет, его депутатов, которые предали Вас?	30
10. Почему все-таки Вас арестовали? Кому Вы могли мешать?	32
11. Знали ли Вы о том, что Ваши телефонные переговоры прослушивались?	33
12. Что Вы можете сказать о «штурме» Белого дома?	34
13. Правда ли, что в августовские дни готовилась бомбардировка Кремля?	37
14. В чем главные причины провала попытки ввести чрезвычайное положение?	39

II. ТРАГЕДИЯ СОЮЗА

15. Каковы с Вашей точки зрения главные причины, вызвавшие развал Союза?	42
16. Укреплял ли проект нового Союзного договора основы советской федерации или разрушал их?	50
17. Когда и при каких условиях было написано заявление	

Председателя Верховного Совета СССР по Союзному договору?	56
18. «Путчистов» считают главными виновниками срыва заключения Союзного договора. Так ли это?	62
19. Какова Ваша оценка «Минских соглашений», получивших в народе название «Беловежский путч»?	66
20. Как Вы относитесь к факту роспуска Верховного Совета СССР?	69
21. Возможно ли, по Вашему мнению, восстановление Союза ССР?	70
22. Каковы, с Вашей точки зрения, перспективы существования и развития СНГ?	73
23. Сохранится ли как единое целое Российская Федерация?	76

III. СУДЬБА ПАРТИИ КОММУНИСТОВ

24. Что подорвало Коммунистическую партию и ее положение в нашем обществе?	80
25. Остаются ли прежними Ваши политические позиции?	85
26. Законны ли, с Вашей точки зрения, указы Президента России о запрещении КПСС и КП РСФСР?	87
27. Как Вы относитесь к рассмотрению вопроса о конституционности КПСС в Конституционном суде России?	90
28. Как бы Вы поступили, если бы получили возможность выступить в Конституционном суде?	94
29. Есть ли сегодня реальная общественно-политическая сила, за которой пойдет народ?	96

IV. ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИКОВ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ

30. В чем Вы больше всего упрекаете себя как политика?	100
31. Ваша оценка Горбачева как политка и человека, его роли и феномена?	103
32. Почему Вы долго молчали, ничего не говоря о Горбачеве, не отвечая на его обвинения?	108
33. Что Вы можете сказать о современных российских политиках?	110

34. Ваше отношение к Ельцину, его политике и социальной базе?	113
35. Как Вы оцениваете политику нынешнего российского правительства и судьбу проводимых им реформ?	117
36. Что Вы думаете о современной внешней политике России?	124
37. Как Вы можете охарактеризовать позиции нынешнего российского парламента и его председателя?	128
38. Возможен ли парламентаризм в республике Советов?	132
39. Насколько пригоден для России институт президентства?	136
40. Многие считают, что наше общество на грани взрыва. Ваша точка зрения на современную ситуацию и ее перспективы?	139

V. СЛЕДСТВИЕ ОТРАБАТЫВАЕТ ВЕРСИЮ «ЗАГОВОРА»

41. Считаете ли Вы себя виновным в заговоре с целью захвата власти?	144
42. Ввиду того, что СССР более не существует, есть ли смысл в выдвинутых против Вас обвинениях?	146
43. Считаете ли Вы, что прокуратура хочет выяснить истину или пытается подогнать результаты следствия под свою заранее выработанную версию?	147
44. Почему Вы молчите, отказываясь давать показания следствию? Опасаетесь, что сказанное Вами будет обращено против Вас?	150
45. Опубликованы страницы Вашего дневника. Что он собой представляет в целом?	152
46. Общались ли Вы с кем-нибудь из других лиц, проходящих по «делу ГКЧП»?	153
47. Если судебный процесс по «делу ГКЧП» состоится, каким, на Ваш взгляд, он будет?	156
48. Как Вы думаете, вызовет ли суд Горбачева и в качестве кого?	158
49. Как Вы относитесь к возможности освобождения Вас от ответственности, по нереабилитирующим обстоятельствам или по амнистии?	158
50. Как Вы оцениваете общественное мнение, складывающееся вокруг «дела ГКЧП»?	160

51. Каковы условия Вашего пребывания в тюрьме?	161
52. Как живет Ваша семья? Испытывает ли она дискриминацию?	163
53. Как Вы можете охарактеризовать свое психологическое состояние и в чем видите поддержку своей позиции?	164

VI. ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И ПОЭЗИЯ

54. Расскажите кратко о своем жизненном пути.	168
55. С кем из прошлых руководителей страны Вы контактировали и кому можете отдать предпочтение?	171
56. Наиболее памятные для Вас встречи в стране и за рубежом?	175
57. Какой период отечественной истории наиболее схож с тем, что мы сейчас переживаем?	177
58. Сочетаются ли политика и поэзия?	178
59. Как Вы относитесь к тому, что Ваше поэтическое имя используется в политических целях?	180
60. На какое будущее рассчитывает политик и поэт Лукьянов?	181

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ПУБЛИКОВАЛИСЬ ИНТЕРВЬЮ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ А. И. ЛУКЬЯНОВА, ПРИВЕДЕННЫЕ В КНИГЕ

Подписано в печать 12.02.93. Формат 70×100^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать офсет. Объем 6 физ. печ. л.
Тираж 50000 экз. Заказ 825. «С»-1.

Независимое издательство «Манускрипт».

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
Тверском полиграфкомбинате Министерства печати
и информации Российской Федерации. 170024, г.
Тверь, проспект Ленина, 5.

